

БЕЛОРУССКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

ЖУРНАЛ
БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

СОЦИОЛОГИЯ

JOURNAL
OF THE BELARUSIAN STATE UNIVERSITY

SOCIOLOGY

Издается с сентября 1997 г.
(до 2017 г. – под названием «Социология»)

Выходит один раз в квартал

4

2019

МИНСК
БГУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор **ДАНИЛОВ А. Н.** – член-корреспондент НАН Беларуси, доктор социологических наук, профессор; заведующий кафедрой социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: a.danilov@tut.by

**Заместители
главного редактора** **ГРИЩЕНКО Ж. М.** – кандидат философских наук, доцент; доцент кафедры социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: zhanna0607@mail.ru

РОТМАН Д. Г. – доктор социологических наук, профессор; директор Центра социологических и политических исследований Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: dgrotman@rambler.ru

**Ответственный
секретарь** **КОБЯК О. В.** – доктор социологических наук, доцент; профессор кафедры социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: aleh.kabiak@mail.ru

- Бабосов Е. М.** Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Бакиров В. С. Харьковский национальный университет им. В. Н. Каразина, Харьков, Украина.
Безнюк Д. К. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Бурова С. Н. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Вятр Е. Европейская высшая школа права и управления, Варшава, Польша.
Галлиев Г. Т. Институт непрерывного и дополнительного образования, Уфа, Россия.
Гигин В. Ф. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Головаха Е. И. Институт социологии Национальной академии наук Украины, Киев, Украина.
Горшков М. К. Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук, Москва, Россия.
Инглхарт Р. Ф. Мичиганский университет, Анн-Арбор, США.
Кечина Е. А. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Кизима С. А. Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Минск, Беларусь.
Клингеман Х.-Д. Берлинский центр социальных наук, Берлин, Германия.
Король А. Д. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Коростелева Е. А. Кентский университет, Кентербери, Великобритания.
Курилович Н. В. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Кучко Е. Е. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Лапина С. В. Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Минск, Беларусь.
Лихачёв Н. Е. Могилёвский государственный университет им. А. А. Кулешова, Могилёв, Беларусь.
Матулионис А. Институт социологии Литвы, Вильнюс, Литва.
Рубанов А. В. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Симхович В. А. Белорусский государственный экономический университет, Минск, Беларусь.
Титаренко Л. Г. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Тощенко Ж. Т. Институт социологии Российской академии наук, Москва, Россия.
Филинская Л. В. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Херпфер К. Венский университет, Вена, Австрия.
Черняк Ю. Г. Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Чурилов Н. Н. Институт социологии Национальной академии наук Украины, Киев, Украина.
Шавель С. А. Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Щелкова Т. В. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.

EDITORIAL BOARD

- Editor-in-chief** **DANILOV A. N.**, corresponding member of the National Academy of Sciences of Belarus, doctor of science (sociology), full professor; head of the department of sociology of the faculty of philosophy and social sciences of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: a.danilov@tut.by
- Deputy editors-in-chief** **GRISHCHENKO Zh. M.**, PhD (philosophy), docent; associate professor at the department of sociology of the faculty of philosophy and social sciences of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: zhanna0607@mail.ru
- ROTMAN D. G.**, doctor of science (sociology), full professor; director of the Centre of Sociological and Political Studies of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: dgrotman@rambler.ru
- Executive secretary** **KABIAK A. V.**, doctor of science (sociology), docent; professor at the department of sociology of the faculty of philosophy and social sciences of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: aleh.kabiak@mail.ru
- Babosov Y. M.** Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
- Bakirov V. S.** Karazin Kharkiv National University, Kharkiv, Ukraine.
- Beznyuk D. K.** Belarusian State University, Minsk, Belarus.
- Burova S. N.** Belarusian State University, Minsk, Belarus.
- Vyatr J.** European School of Law and Administration, Warsaw, Poland.
- Galliyev G. T.** Institute of Continuous and Additional Education, Ufa, Russia.
- Hihin V. F.** Belarusian State University, Minsk, Belarus.
- Golovakha E. I.** Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Ukraine, Kyiv, Ukraine.
- Gorshkov M. K.** Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
- Inglehart R. F.** University of Michigan, Ann Arbor, USA.
- Kechina E. A.** Belarusian State University, Minsk, Belarus.
- Kizima S. A.** Academy of Public Administration under the aegis of the President of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus.
- Klingemann H.-D.** Berlin Social Science Center, Berlin, Germany.
- Karol A. D.** Belarusian State University, Minsk, Belarus.
- Korosteleva E. A.** University of Kent, Canterbury, United Kingdom.
- Kurilovich N. V.** Belarusian State University, Minsk, Belarus.
- Kuchko E. E.** Belarusian State University, Minsk, Belarus.
- Lapina S. V.** Academy of Public Administration under the aegis of the President of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus.
- Likhachyov N. E.** Mogilev State A. Kuleshov University, Mogilev, Belarus.
- Matulionis A.** Institute of Sociology of Lithuania, Vilnius, Lithuania.
- Rubanau A. V.** Belarusian State University, Minsk, Belarus.
- Simkhovich V. A.** Belarusian State Economic University, Minsk, Belarus.
- Titarenko L. G.** Belarusian State University, Minsk, Belarus.
- Toshchenko Zh. T.** Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
- Filinskaya L. V.** Belarusian State University, Minsk, Belarus.
- Herpfer K.** University of Vienna, Vienna, Austria.
- Chernyak Y. G.** Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
- Churilov N. N.** Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Ukraine, Kyiv, Ukraine.
- Shavel S. A.** Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
- Shchyolkova T. V.** Belarusian State University, Minsk, Belarus.

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

EDITORIAL-IN-CHIEF COLUMN

ИНСТИТУТУ СОЦИОЛОГИИ НАН БЕЛАРУСИ – ДЕТИЩУ АКАДЕМИКА Е. М. БАБОСОВА – 30 ЛЕТ!

INSTITUTE OF SOCIOLOGY OF THE NATIONAL ACADEMY OF SCIENCES OF BELARUS, THE BRAINCHILD OF ACADEMICIAN E. M. BABOSOV, IS 30 YEARS OLD!

История всегда отмечена судьбами ярких индивидуальностей, их талантом, творческой энергией, извечным стремлением к новому. И роль личности в истории науки тем значительнее, чем выше потенциал ученого. Да, так раньше и было – за каждым масштабным академическим проектом стояло имя известного исследователя.

Между тем Института социологии Национальной академии наук Беларуси могло и не быть. Никто сверху не давал указаний. Это была инициатива снизу, а точнее инициатива группы ученых, которую возглавил член-корреспондент АН БССР Евгений Михайлович Бабосов. Созданный им из академических подразделений социологического профиля Республиканский центр социологических исследований уже около года работал на базе Института философии и права АН БССР. Евгению Михайловичу пришлось пройти немало инстанций, преодолеть множество препятствий, прежде чем 16 января 1990 г. Совет Министров БССР принял постановление № 12, во исполнение которого Президиум Академии наук Белорусской ССР объявил о создании Института социологии АН БССР. Появлялись и позже инициативы, ставившие целью присоединить новый институт к другим академическим структурам. Но не получилось – коллектив стоял на своем...

Институт социологии создавался не на пустом месте. К этому времени в стране уже сформировалась достаточно большая группа ученых-социологов, работавших в разных академических институтах и вузах. Евгений Михайлович сумел создать коллектив, нацелить коллег на решение серьезных проблем современности, личным примером пока-

зать, как надо работать. И маховик закрутился. Уже 30 лет институт работает без сбоев и капитального ремонта. Время приносило в его работу что-то новое, менялись руководители, но неизменными остались заложенные первым директором традиции: высокий теоретико-методологический уровень осмысления исследуемых проблем и академическая культура социологического анализа. Это, как говорится, на все времена...

Три последних десятилетия выдались для нашей страны на редкость насыщенными и были, вне всякого сомнения, судьбоносными. Главное – Беларусь стала суверенным государством и взяла ответственность за свое будущее на себя. Запоздало признание социологии и недооценка ее роли при решении актуальных проблем современного общества, принятии важнейших управленческих решений дорого стоило прежней власти, и верится, что урок пошел впрок.

Поздравляем всю социологическую семью Республики Беларусь с юбилеем Института социологии Национальной академии наук Беларуси! Это праздник для всех, кто причастен к прекрасной и загадочной науке, которая пытается «разбудить» современное общество, сделать его стабильным и удобным для жизни, уберечь от мировых кризисов и катастроф, чтобы жить на Земле в мире и согласии.

Сегодня Институту социологии НАН Беларуси – детищу академика Е. М. Бабосова – 30 лет, и мы искренне поздравляем Евгения Михайловича и коллектив института! Здоровья вам, дорогие коллеги, и новых творческих свершений!

*А. Н. Данилов*¹

¹Александр Николаевич Данилов – председатель Белорусского общественного объединения «Социологическое общество». Alexander N. Danilov, chairman of the Belarusian public association «Sociological Society». E-mail: a.danilov@tut.by

АКАДЕМИЧЕСКАЯ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ В БЕЛАРУСИ

А. Н. ДАНИЛОВ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Отмечается, что открытие в 1990 г. Института социологии Академии наук БССР стало заметным событием в истории белорусской науки и завершило процесс академической институционализации социологической науки в Беларуси. Это событие связано с деятельностью Г. П. Давидюка и Е. М. Бабосова – лидеров возрождающейся в стране социологии. В нашем отечестве социология прошла долгий путь признания, который был противоречивым, сложным и многогранным. И окончательная институционализация социологической науки произошла накануне великих свершений, распада СССР. Стало очевидным, что власть в то время не вполне адекватно оценивала ситуацию. Неслучайно руководителем правящей партии было сделано заявление о том, что «мы не знаем общество, в котором живем». Именно в такие времена становится максимально востребованной наука, изучающая общество, владеющая современным исследовательским инструментарием, какой, собственно, и является социология. За 30 лет работы Института социологии НАН Беларуси превратился в крупный и признанный исследовательский центр, стал одним из главных источников получения социального знания о современном обществе и о происходящих в нем процессах, о человеке, его социальном самочувствии. В новом институте широко развернулись исследования по методологическим и теоретическим проблемам современной социологии, в области социологии личности, науки и культуры, труда и демографии, молодежи, социально-стратификационной структуры белорусского общества, отношения различных групп населения к социальным институтам, динамики политической системы Беларуси, особенностей общественно-мнения и др.

Ключевые слова: история социологии; академическая институционализация; Институт социологии НАН Беларуси; БГУ; Г. П. Давидюк; Е. М. Бабосов.

THE ACADEMIC INSTITUTIONALIZATION OF SOCIOLOGICAL SCIENCE IN BELARUS

A. N. DANILOV^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The opening of the Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus in 1990 became a notable fact in the history of Belarusian science and completed the process of academic institutionalization of sociological science in Belarus. This process was connected with the activity of G. P. Davidyuk and E. M. Babosov which are the leaders of the reappearing Belarusian sociology. Sociology in Belarus has passed its difficult path of acknowledgement. This process was stretched out in time, contradictory, complex and multifaceted. The final phase of institutionalization of sociological science was occurred on the eve of great achievements and the collapse of the USSR. The authorities did not adequately assess the situation in society and it was apparent. It was not a coincidence that the leaders of the ruling party made a statement that «we do not know the society in which we live». The sociology as a social science with necessary research tools for understanding contemporary

Образец цитирования:

Данилов АН. Академическая институционализация социологической науки в Беларуси. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2019;4:5–13.

For citation:

Danilov AN. The academic institutionalization of sociological science in Belarus. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2019;4:5–13. Russian.

Автор:

Александр Николаевич Данилов – член-корреспондент НАН Беларуси, доктор социологических наук, профессор; заведующий кафедрой социологии факультета философии и социальных наук.

Author:

Alexander N. Danilov, corresponding member of the Academy of Sciences of Belarus, doctor of science (sociology), full professor; head of the department of sociology, faculty of philosophy and social science.
a.danilov@tut.by

society became most demand in such times. The Institute of Sociology has turned into a large and top-ranked research center for 30 years of his work and become one of the main sources of obtaining the social knowledge about contemporary society and the processes taking place in it, about a person and his social well-being. The new institute has launched research on the methodological and theoretical problems of contemporary sociology, in the field of sociology of personality, science and culture, labor and demography, youth, the social structure of Belarusian society, the attitudes of various groups to social institutions, the dynamics of the political system of Belarus, the characteristics of the public opinions, etc.

Keywords: history of sociology; academic institutionalization; Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus; Belarusian State University; G. P. Davidyuk; E. M. Babosov.

Введение

В феврале 2020 г. Институту социологии Национальной академии наук Беларуси исполняется 30 лет. Хороший повод, чтобы вспомнить непростой путь институционализации социологии в Беларуси, поговорить об ученых, подвижнический труд которых позволил осуществить эту благородную и давно ожидаемую мечту, оценить с сегодняшних позиций, как продолжают традиции его основателей.

За каждым историческим событием стоит свой герой, в конкретной жизненной ситуации совершающий поступки, которые навсегда вписывают его имя в анналы науки. Вот и за такими фактами, как завершение академической институционализации социологической науки и создание самостоятельного института социологического профиля, стояли конкретные люди и вполне реальные обстоятельства. Есть и главное действующее лицо – человек,

которого мы по праву называем создателем института. Это известный белорусский ученый академик Евгений Михайлович Бабосов. Кстати, его первая должность в новой структуре академии так и называлась – директор-организатор.

С первых дней своего существования Институт социологии Академии наук БССР взвалил на себя тяжкую ношу – исследовать актуальные проблемы современного белорусского общества, не испугался трудностей на этом пути, сложности работы, навалившейся ответственности. Вызов времени принял достойно... И сегодня институт уверенно движется вперед, продолжая лучшие традиции своих предшественников, решая вопросы методологического совершенствования исследовательских процедур, обновления кадрового потенциала, развития международных связей.

Истоки и предпосылки развития социологии

Замечено, что каждая наука рождается дважды: первый раз – в форме идеи, второй – в процессе институционализации. Идея (проект) новой науки содержит обоснование общественной потребности в соответствующем знании, его функциональной направленности, методологических принципах, а также доказательства невозможности получить знания из других источников – уже существующих дисциплин, жизненного опыта и др. Институционализация – это общественное признание и правовое закрепление статуса новой науки, после чего становится возможным ее преподавание, подготовка кадров, создание научных подразделений, финансирование исследований и др.

Социология в нашем отечестве прошла трудный путь признания. Этот процесс растянулся во времени, был необыкновенно противоречивым, сложным и многогранным. Если отсчет институционализации социологии начинать от Огюста Конта и его многотомного произведения «Курс позитивной социологии» (1830–1842), где впервые в четвертом томе (1839) вводится понятие «социология», «которая положительно изучает совокупность законов, относящихся к социальным явлениям» [1], то до нас все это дошло не скоро.

В истории развития социологии в Беларуси вполне оправданно выделяется три этапа. Начало первого этапа (1920–50-е гг.) связано с открытием Белорусского государственного университета (1921), основанием первого многоотраслевого научно-исследовательского учреждения – Института белорусской культуры (Инбелкульт, 1922), на базе которого 1 января 1929 г. была создана Академия наук БССР. Надолго задержали развитие социологической науки 1930-е гг., отмеченные репрессиями, а также 1940-е гг., что обусловлено разрушительными последствиями Второй мировой войны, послевоенным восстановлением. Второй этап (1960–1990 гг.) – возрождение и признание социологии как науки, необходимости ее развития. И, наконец, третий этап (с 1991 г. по настоящее время) – развитие социологии в суверенной Беларуси.

Новому во все времена необходимо пробиваться, и социология не была исключением. «Огюста Конта обвиняли в непонимании общественного развития, в придумывании социологических законов: мол, законы общества – дело истории и экономики. Экономисты в Англии воевали с социологами во второй половине XX в.» [2, с. 8]. Наиболее быстро и интенсивно процесс институционали-

зации проходил в Соединенных Штатах Америки, но и там первый в мире департамент социологии, деканом которого был А. Смолл, открылся в 1892 г., т. е. спустя 53 года после введения в науку термина «социология». В конце XIX в. и первой половине XX в. США стали центром социологической мысли.

В Беларуси процесс институционализации социологии начался гораздо позднее – в 1920-х гг. Следует, однако, отметить, что этот процесс имел серьезные идейно-теоретические предпосылки в многовековом развитии белорусской социальной мысли, представленной такими выдающимися деятелями, как Ф. Скорина, Н. Гусовский, С. Будный, В. Тяпинский, К. Лыщинский, Ф. Богушевич, К. Калиновский и др. Социология пришла в Беларусь из Европы через Россию. Еще в дореволюционное время социологию традиционно воспринимали как науку, направленную на ниспровержение устоявшихся традиций, государственных устоев, действующей власти. Русский ученый М. М. Ковалевский в своей статье «Социология на Западе и в России», которую он опубликовал в начале прошлого века в сборнике «Новое в социологии», описывает курьезный случай, свидетелем которого он был сам: «...мне припомнились слова жандармского полковника на границе, допрашивавшего меня: “Нет ли у вас книг по социологии? Вы понимаете... в Россию – это не возможно”. Вспомнилось мне сожжение книги весьма консервативного американского писателя Уорда под заглавием: “Динамическая социология”. Автор ее до сих пор уверен в том, что поводом к сожжению послужило смешение “динамизма” с динамитом» [3, с. 1–2]. Поэтому неудивительно, что только по прошествии XIX в. социология стала признанной научной дисциплиной в России и чуть позже – на территории Беларуси, входившей в то время в состав Российской империи.

Начиная с 1921 г., после открытия Белорусского государственного университета, социологические исследования осуществляются в этом ведущем высшем учебном заведении. Широкую известность получили работы декана факультета общественных наук тех лет, профессора кафедры социологии и первобытной культуры БГУ С. Я. Каценбогена «Спорные вопросы в учении о происхождении брака и семьи» (1923), «Курс марксистской социологии» (1925), «Марксизм и социология» (1925) [4, с. 65–86].

Первые профессиональные коллективы ученых, специально занимающихся социологическими исследованиями, сложились вскоре после Октябрьской революции и создания БССР. Сотрудниками Инбелкульты под руководством профессора С. Я. Вольфсона (впоследствии – академика) уже с 1922 г. проводились социологические исследования. Их результаты обобщены в изданных С. Я. Вольфсо-

ном книгах «Интеллигенция как социально-экономическая категория» (1926); «Социология брака и семьи» (1928); «Современная религиозность» (1930); «Семья и брак в их историческом развитии» (1937) [5].

После Октябрьской революции 1917 г. социология быстро оказалась в немилости у новой власти. За социологией закрепляется ярлык «буржуазная лженаука», и она на долгие годы, вплоть до конца 1950-х гг., была исключена из цикла общественных наук. О социологии было принято упоминать лишь в критических обзорах трудов западных теоретиков, хотя современные исследования показывают, что официальных документов о запрете социологии в СССР не существовало. В реальной политике и научной практике социология в 1930-х гг. продолжала свое существование в большинстве случаев в латентном виде или в официальной роли как марксистско-ленинская теория, а позднее, в 1950–70-х гг., – как исторический материализм [6].

Интересный, многообразный, во многом поучительный опыт развития социологии в 1920-х – первой половине 1930-х гг. в Беларуси был во многом утрачен, забыт или стал уделом архивов и библиотек, оказался не востребованным вплоть до середины 1980-х гг. Только в самом конце 1950-х гг. в России, а в Беларуси – в середине 1960-х гг. начинается социологическое оживление. В Институте философии и права АН БССР (директор – К. П. Буслов) в 1968 г. открывают сектор социальных исследований (руководитель – Г. П. Давидюк), разрешается вести с предприятиями хозяйственную документацию. Профессор Г. П. Давидюк вспоминает: «Хозяйственные работы были хорошей школой. Президиум АН БССР разрешил директору Института философии К. П. Буслову заключать договоры с предприятиями. И мы начали на этой основе проводить такие исследования на заводах, в колхозах. Финансовые возможности позволили увеличить число научных сотрудников, разнообразить тематику: условия труда на предприятиях, проблемы духовной жизни крестьянства, последствия научно-технической революции на селе, управление социальными процессами, социальное планирование в городе и деревне. Социология становилась популярной. Многие молодые ученые просились к нам» [2, с. 9].

Молодые белорусские социологи учились у своих коллег из АН СССР и социологической лаборатории Ленинградского университета, ведущих ученых этих учреждений. Учебники А. Г. Здравомыслова «Методология и процедура социологических исследований» и В. А. Ядова «Социологическое исследование (методология, программа, методы)» были настольными книгами, пособиями для составления инструментария, процедур исследования и обработки информации.

И все же возрастающие социальные потребности республики все больше требовали восстановления и развития социологической науки, естественно, на новой, качественно более высокой методологической и теоретической основе. С середины 1960-х гг. очень медленно, но неуклонно начинается новый этап социологических исследований в Беларуси. Вначале они были разовыми, имели прикладной характер, осуществлялись по заказу и под контролем руководящих партийных органов.

Важным шагом организационного характера в процессе институционализации социологии в нашей стране стало постановление Президиума ЦК Компартии Беларуси от 9 ноября 1965 г. «Об организации конкретно-социологических исследований в республике» [7, с.79–84]. Это постановление обязывало Президиум Академии наук БССР, руководство Отделения общественных наук, институтов философии и права, экономики, истории, а также министерства высшего, среднего специального и профессионального образования БССР разработать мероприятия по усилению конкретно-социологических исследований в НИИ и высших учебных заведениях. В частности, было предложено создать лаборатории социологических исследований при БГУ и Институте народного хозяйства. Этим же постановлением был создан Республиканский общественный институт социологических исследований, директором которого стал кандидат исторических наук А. Д. Молочко.

Процесс реализации данного документа разворачивался достаточно медленно, главным образом вследствие недостатка квалифицированных научных кадров, способных продуктивно работать в области социологии. В 1967 г. была открыта Проблемная научно-исследовательская лаборатория социологических исследований в БГУ, которую возглавил член-корреспондент АН БССР, доктор философских наук И. Н. Лущицкий.

Создание в 1968 г. сектора социальных исследований в Институте философии и права АН БССР, основу которого составили сотрудники сектора исторического материализма, перешедшие в новое подразделение вместе с руководителем Г. П. Давидюком, имело большое значение для дальнейшего развития социологической науки. Образование сектора, рост числа и квалификации сотрудников позволили расширить тематику исследований, в частности по социальным последствиям научно-технической революции на селе, руководству социальными процессами, социальным планированием в городе и деревне. В 1970 г. по просьбе властей Минска академические социологи организовали исследования проблем социального планирования предприятий и разработали методику «Перспективное социальное развитие производственного коллектива». В том же году на базе сектора Института философии и права АН БССР был создан отдел

социологических исследований с секторами социологии управления, социального планирования, социальных проблем села.

В результате многолетних исследований отдел накопил большой фактический материал. Предприятиям, колхозам, где проводились исследования, представлялись отчеты, выводы и рекомендации. Появился ряд книг, написанных сотрудниками отдела: «Структура советской интеллигенции» (1970), «Проблемы социальной структуры села» (1971), «Научно-технический прогресс и социальные изменения села» (1972), «Устойчивость и развитие производственного коллектива» (1975) и др.; авторские труды З. И. Монич «Интеллигенция в структуре сельского населения» (1971) и «Рабочий класс в структуре сельского населения» (в соавторстве с В. Г. Изохом и И. В. Прудником; 1975), И. Я. Писаренко «Социальное планирование в первичном коллективе» (1973), Л. А. Дмитрук «Перспективное планирование на промышленных предприятиях БССР» (1971) и «Социальная активность производственного коллектива в условиях экономической реформы» (1972), Р. В. Гребенникова «Проблемы культуры современной деревни» (1978), Г. П. Давидюка и В. С. Бобровского «Проблемы “массовой культуры” и “массовых коммуникаций”» (1972). В них отражена идея противоречивости развития социальных общностей, зависимости социальных изменений от существующего строя. В книгах об интеллигенции Г. П. Давидюк развивал тезис об определяющей роли интеллигенции в обществе, особенно в развитии национальной культуры, воспитании молодежи.

С переходом в 1975 г. Г. П. Давидюка на работу в БГУ сектор социальных исследований ликвидировали, переименовали его в отдел управления социальными проблемами. И только с приходом на должность директора Института философии и права АН БССР Е. М. Бабосова в начале 1978 г. вновь начал активно работать сектор методологических проблем социологических исследований. Рост масштабов исследований, числа сотрудников сектора дали возможность директору института к концу 1980-х гг. существенно расширить диапазон социологических исследований. Вышли знаковые для того времени книги Е. М. Бабосова «Идеология в современном мире» (1984), «Нравственная культура личности» (1985). Наряду с сотрудниками Института философии и права АН БССР на работу были приглашены квалифицированные социологи из БГУ Г. Н. Соколова, С. А. Шавель и др.

Время требовало увеличения масштабов социологических исследований. Перед Президиумом АН БССР, правительством республики был поставлен вопрос о создании Института социологии АН БССР. Сектор методологических проблем социологических исследований и составил кадровую базу самостоятельного Института социологии в структуре Академии наук БССР.

На пути к созданию академического Института социологии...

Ситуация для окончательной институционализации социологической науки созрела к концу 1980-х гг. Приняты необходимые решения партии и правительства, есть кадры, впереди – непочатый край работы. Главным было Постановление Политбюро ЦК КПСС от 7 июня 1988 г. «О повышении роли марксистско-ленинской социологии в решении узловых социальных проблем советского общества» [8, с. 215–228]. В нем, в частности, отмечено: «...современное положение в социологии не отвечает потребностям общества. Социология еще не заняла должного места в творческом развитии марксистско-ленинского обществоведения, формировании научного мировоззрения трудящихся, осуществления социальной политики КПСС. Отстает разработка многих фундаментальных теоретических и методологических вопросов. Социологические исследования нередко имеют узкоэмпирический характер, упрощенно толкуют вопросы общественного развития, не содержат научно обоснованных рекомендаций и предложений... <...> Недопустимо отстало изучение общественного мнения. <...> Не получили необходимого распространения службы социального развития на предприятиях, в регионах страны, результаты их деятельности неудовлетворительно используются для решения конкретных экономических и социальных проблем на производстве» [8, с. 215–216].

Далее начала разворачиваться работа по подъему на «качественно новую ступень развития марксистско-ленинской социологии», необходимо было «существенно повысить теоретический, методологический и методический уровни научных разработок и коренным образом улучшить их использование в управлении и прогнозировании общественных процессов, углублении демократизации и гласности» [8, с. 217]. Соответственно, были внесены предложения в Президиум АН БССР, в отдел науки и учебных заведений ЦК Компартии Беларуси, в отдел науки и культуры Совмина БССР о создании самостоятельного научного учреждения социологического профиля.

В результате проработки внесенных предложений Бюро ЦК КПБ приняло решение об организации на базе АН БССР Республиканского центра социологических исследований. Во исполнение данного решения постановлением Президиума АН БССР от 6 января 1989 г. руководителем этого центра был назначен член-корреспондент АН БССР Е. М. Бабосов. В структуру центра входило пять отделов, сформированных из сотрудников Института философии и права АН БССР: отделы теории, методологии и методов социологических исследований (руководитель – С. А. Шавель), социологии общественного мнения (Г. Н. Соколова), социальной ди-

намики сельского населения (А. С. Круковский), социальных проблем молодежи (Н. А. Барановский), социологических исследований идеологических процессов (Э. К. Дорошевич). Коллектив центра существенно скорректировал проблематику проводимых в Академии наук БССР социологических исследований, расширил сферу творческого сотрудничества с социологическими учреждениями Москвы, Ленинграда, Киева, с социологами Армении, Литвы, Латвии, Эстонии, Польши. Тем самым были созданы серьезные кадровые, исследовательские, коммуникационные предпосылки для формирования и организационного оформления самостоятельного научно-исследовательского учреждения – Института социологии Академии наук БССР.

Предложения по созданию Института социологии в структуре АН БССР, разработанные академическими социологами, прошли ряд согласований в Президиуме АН БССР, в Госплане, отделе науки и культуры Совета Министров БССР и отделе науки и учебных заведений ЦК Компартии Беларуси. Итогом всей этой работы стало обсуждение данного вопроса в Бюро ЦК Компартии Беларуси, на котором было принято решение о создании в структуре Академии наук БССР Института социологии.

Затем началась самая кропотливая и сложная работа по организации нового исследовательского центра социологического профиля. Нужно было буквально «выбивать» помещения для сотрудников, разрабатывать исследовательскую тематику, определять источники и размеры финансирования, решать вопросы с обеспечением оборудованием, открытием аспирантуры и т. п. Все было непросто, везде возникали непредвиденные затруднения. Но самые серьезные осложнения в решении вопроса о создании Института социологии в структуре Академии наук БССР возникли там, где их меньше всего ожидали. Как рассказывает Е. М. Бабосов, при обсуждении в Президиуме Академии наук СССР возникла дискуссия, которая могла привести к отказу в открытии института.

В частности Евгений Михайлович вспоминает: «Окрыленный поддержкой, полученной в Институте социологии АН СССР, где в то время директором был член-корреспондент В. Н. Иванов, и в отделе науки и учебных заведений ЦК КПСС, где тогда работали доктор философии наук Р. И. Косолапов, В. Н. Кузьмин и Ю. Н. Красин – сторонники идеи создания института в Минске, я достаточно спокойно прибыл на заседание Президиума АН СССР, где мне предстояло выступить с докладом по этому вопросу. Все началось по установленному стандарту: 15 минут для доклада о важности и актуальности создания нового академического подразделения, об имеющихся в Минске необходимых научных

кадрах, об основных направлениях намечаемых исследований, затем – вопросы к докладчику и ответы на них, а после этого – обсуждение рассматриваемой проблемы. Вот здесь-то и возникло неожиданное препятствие. Первым выступил известный философ академик Л. Ф. Ильичев. Имея огромный опыт работы в газете “Правда” и руководителем идеологической комиссии при ЦК КПСС, он произнес достаточно длинную речь, смысл которой сводился к тому, что имеется печальный опыт внутриличностной межличностной борьбы в Институте социологии АН СССР, где научные интересы порой отодвигаются на второй план, и не возникнет ли подобная ситуация в Минске в случае создания там самостоятельного социологического института. Вывод: лучше не торопиться. В подобном же ключе высказывался известный советский литературовед академик М. Б. Храпченко. Но после выступления выдающегося физика, одного из основоположников квантовой электроники, лауреата Нобелевской премии академика А. М. Прохорова обсуждение пошло по совсем другому руслу. “Меня, – сказал он, – удивляет странная позиция, даже, точнее говоря, отсутствие позиции у двух моих коллег, академиков-гуманитариев, которые должны были первыми активно поддержать предложение о создании в структуре АН БССР института социологии”. По его мнению, представлено “очень хорошо обоснованное предложение, согласованное и в Институте социологии, и в отделе науки ЦК КПСС, о создании нового института. И никаких сомнений в важности и нужности такого института не должно быть. Мы, физики, в огромном долгу перед Беларусью за то, что там случилось после катастрофы на Чернобыльской АЭС. И самые тяжкие негативные последствия этой катастрофы не столько радиологические, сколько социальные и психологические. Да и опыт социально-экономического развития в этой республике очень интересный и поучительный, его надо изучать и обобщать, в том числе и социологическими методами. Поэтому Институт социологии в Белорусской академии наук необходим”» [9].

После этого выступления ситуация улучшилась. Л. Ф. Ильичев заявил, что он не против создания Института социологии в Минске, он только сомневается в своевременности такого решения. Но общее настроение членов Президиума под впечатлением речи А. М. Прохорова уже изменилось. Президиум Академии наук СССР своим решением постановил учредить Институт социологии АН БССР и одобрил основные направления его исследовательской деятельности.

В результате всех необходимых согласований, в том числе с Бюро ЦК КПБ, после выхода постановления Совета Министров БССР от 16 января 1990 г. № 12 Президиум АН БССР 9 февраля 1990 г. принял постановление № 6 «О создании Института со-

циологии Академии наук БССР» (см. приложение). Институт был организован на базе функционировавшего на то время Республиканского центра социологических исследований и присоединения к нему двух отделов Института экономики АН БССР (социально-экономических проблем демографического развития и занятости населения (руководитель – А. А. Раков) и науковедения (Г. А. Несветайлов)), а также лаборатории социальной психологии личности и Института технической кибернетики АН БССР, преобразованного в отдел (В. И. Секун).

В новом институте широко развернулись исследования по методологическим и теоретическим проблемам социологии личности, науки и культуры, труда и демографии, молодежи, социально-стратификационной структуры белорусского общества, отношения различных групп населения к социальным институтам, динамики политической системы Беларуси, особенностей общественного мнения в республике и др.

За прошедшие после этого 30 лет Институт социологии НАН Беларуси превратился в крупный и признанный исследовательский центр, существенно расширились его научные связи с ведущими философами и социологическими центрами России, Китая, Казахстана, Украины, Москвы и других стран. Социологическая наука в Беларуси выходит на новые рубежи, стремится соответствовать современным вызовам и располагает высоким научным потенциалом. Обеспечивается преемственность специалистов разных поколений. Успешно формируется новое поколение научной интеллигенции, современной генерации профессиональных ученых-социологов.

Социология сегодня стала одним из главных источников получения социального знания о современном обществе, протекающих в нем процессах, о человеке, его социальном самочувствии. В социологическую науку включается прекрасно образованная и высококвалифицированная молодежь, происходит закономерная смена поколений.

Сегодня мы живем как раз в такое время, когда обществу необходимы новые социальные теории, концепции, идеи. Именно в такой период социология становится максимально востребованной. Нельзя ничего получить в готовом виде извне, все должно вырасти внутри национального социума. Современная социология базируется на достижениях прошлого. Но, следует признать этот факт, социология утратила бы свое значение, если бы, опираясь только на наследие прошлого, не связывала свою теорию, свой понятийный и исследовательский аппарат с новыми научно-техническими, экономическими и социальными реалиями, складывающимися уже в XXI в. Новые условия мотивируют дальнейшее развитие социологии как науки, обеспечивающей жизнеспособность социума, его поступательное и устойчивое развитие.

Заключение

Окончательная институционализация социологической науки произошла накануне великих свершений. Стало очевидным, что власть не вполне адекватно оценивает ситуацию. Неслучайно руководителем правящей партии было сделано заявление о том, что «мы не знаем общество, в котором живем». Именно в такие времена становится максимально востребованной наука, изучающая общество, вооруженная современным исследовательским инструментарием, какой, собственно, и является социология. Процесс институционализации социологической науки в Беларуси был долгим, противоречивым, сложным и многогранным. Институционализация – это общественное признание и правовое закрепление статуса новой науки, после чего становится возможным ее преподавание, подготовка кадров, создание научных подразделений, финансирование исследований и др. В истории развития социологии в Беларуси вполне оправданно выделяется три этапа.

Ситуация для окончательной институционализации социологической науки созрела к концу 1980-х гг. Социологическая наука выходила на новый уровень своего развития. В результате проработки внесенных предложений Бюро ЦК КПБ при-

няло решение об организации на базе АН БССР Республиканского центра социологических исследований.

Разработанные социологами предложения по созданию Института социологии в структуре Академии наук БССР прошли ряд согласований, прежде чем Президиум АН БССР 9 февраля 1990 г. принял постановление № 6 «О создании Института социологии Академии наук БССР». В новом институте широко развернулись исследования по методологическим и теоретическим проблемам социологии личности, науки и культуры, труда и демографии, молодежи, социально-стратификационной структуры белорусского общества, отношения различных групп населения к социальным институтам, динамики политической системы Беларуси, особенностей общественного мнения в республике и др.

За прошедшие после этого 30 лет Институт социологии НАН Беларуси превратился в крупный и признанный исследовательский центр, стал одним из главных источников получения социального знания о человеке, его социальном самочувствии, современном обществе и о происходящих в нем процессах.

Приложение

АКАДЕМИЯ НАУК БЕЛОРУССКОЙ ССР ПРЕЗИДИУМ АКАДЕМИИ НАУК

ПОСТАНОВЛЕНИЕ¹

9 февраля 1990 г. Минск № 6

О создании Института социологии
Академии наук БССР

Во исполнение постановления Совета Министров БССР от 16 января 1990 г. № 12 «О создании Института социологии Академии наук БССР» Президиум Академии наук БССР ПОСТАНОВЛЯЕТ:

1. Создать с 1 февраля 1990 г. на базе социологических отделов Института философии и права АН БССР, отдела науковедения и части отдела демографии и проблем народонаселения Института экономики АН БССР Институт социологии Академии наук БССР.

2. Установить Институту социологии АН БССР следующие основные направления научной деятельности: исследование динамики социальной структуры, интересов и потребностей различных групп и слоев населения, особенностей их положения и деятельности в обществе, социальной дифференциации и интеграции, протекания политических, демографических, идеологических, национальных процессов и отношений (в том числе в районах, наиболее подверженных воздействию последствий аварии на Чернобыльской АЭС);

¹ЦНА НАН Беларуси. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3178.

социологическое обеспечение совершенствования политической системы, демократизации общественной жизни, реализации принципов социалистического самоуправления в трудовых коллективах;

изучение механизмов формирования общественного мнения по важнейшим вопросам социально-экономического, политического, духовного развития, взаимосвязи национальных и межнациональных отношений.

3. Назначить член-корреспондента АН БССР Бабосова Евгения Михайловича директором-организатором Института социологии АН БССР сроком на один год с последующим избранием его в установленном порядке.

4. Ходатайствовать перед Советом Министров БССР об отнесении Института социологии АН БССР к первой категории по оплате труда работников.

5. Передать по согласованию с директором Института философии и права АН БССР акад. АН БССР Широкановым Д. И. и директором Института экономики АН БССР чл.-кор. АН БССР Лычом Г. М. в Институт социологии АН БССР социологические отделы Института философии и права, отдел науковедения и часть отдела демографии и проблем народонаселения Института экономики с соответствующим фондом финансирования, в том числе фондом заработной платы, материально-техническим оснащением, сохранив за ними производственные площади, которые они занимают. Передачу произвести до 1 марта 1990 г. Акт о приеме-передаче представлять на утверждение вице-президенту АН БССР академику АН БССР Науменко И. Я.

Сотрудников отдела демографии и проблем народонаселения и отдела науковедения Института экономики АН БССР и социологических отделов Института философии и права АН БССР перевести в Институт социологии по их личным заявлениям.

6. Директору Института философии и права акад. Широканову Д. И., директору Института экономики чл.-кор. АН БССР Лычу Г. М. и директору-организатору Института социологии чл.-кор. АН БССР Бабосову Е. М. в месячный срок рассмотреть тематику исследований передаваемых научных подразделений, приведя ее в соответствие с основными задачами, поставленными перед институтом.

Предложения о внесении изменений в планы НИР представить в Президиум АН БССР.

7. Научно-методическое руководство Институтом социологии возложить на Отделение общественных наук АН БССР.

8. Институту социологии АН БССР представить в Президиум АН БССР соответствующие расчеты на увеличение объема финансирования по госбюджету на 1990 г.

9. Учитывая затруднения АН БССР в лабораторных помещениях, рекомендовать директору-организатору Института социологии АН БССР чл.-кор. Бабосову изыскать возможность расширения производственных площадей института за счет сторонних организаций.

Президент Академии наук БССР академик

В. П. Платонов

Главный ученый секретарь Президиума АН БССР академик АН БССР

А. М. Гончаренко

Биографические ссылки

1. Лапин НИ. Когда и как Огюст Конт ввел термин «Sociologie». *Социология*. 2004;1:73.
2. Данилов АН, редактор. *Проблемная научно-исследовательская лаборатория социологических исследований Белорусского государственного университета (ПНИЛСИ БГУ): к 50-летию создания*. Минск: Издательский центр БГУ; 2017. 99 с.
3. Ковалевский ММ. Социология на Западе и в России. В: Ковалевский ММ, редактор. *Новые идеи в социологии. Сборник 1*. Санкт-Петербург: Образование; 1913. с. 1–10.
4. Максимчик АН. Малоизвестные страницы биографии и деятельности профессора С. З. Каценбогена (1889–1946). *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2017;2:65–86.
5. Скалабан ВУ, Токараў МУ, рэдактары. *Інстытут беларускай культуры. 1922–1928: дакументы і матэрыялы*. Мінск: Беларуская навука; 2011. 257 с.
6. Козлова ЛА. Постреволюционная российская социология: неудавшаяся попытка советизации. *Социологические исследования*. 2016;12:105–113.
7. Данилов АН, Елсуков АН, Ротман ДГ, редакторы. *Социология в Белорусском государственном университете: история, факты, документы*. Минск: БГУ; 2006. 114 с.
8. Данилов АН, редактор. *Кафедра социологии БГУ: история и современность. К 25-летию создания*. Минск: БГУ; 2014. 230 с.
9. Бабосов ЕМ. Институт социологии НАН Беларуси: история создания и становления. *Социология*. 2010;1:37–41.

References

1. Lapin NI. [When and how had Auguste Comte introduced the term «la sociologie»]. *Sotsiologiya*. 2004;1:73.
2. Danilov AN, editor. *Problemnaya nauchno-issledovatel'skaya laboratoriya sotsiologicheskikh issledovaniy Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta (PNILSI BGU): k 50-letiyu sozdaniya* [Problem Laboratory of Sociological Research in the Belarusian State University (PLSI BSU): to the 50th anniversary of creation]. Minsk: Publishing Center of the Belarusian State University; 2017. 99 p. Russian.
3. Kovalevsky MM. [Sociology in the West and in Russia]. In: Kovalevsky MM, editor. *Novye idei v sotsiologii. Sbornik 1* [New ideas in sociology. Volume 1]. Saint Petersburg: Obrazovanie; 1913. p. 1–10. Russian.
4. Maksimchik AN. Little known pages of biography and activities of professor S. Z. Katsenbogen (1889–1946). *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2017;2:65–86.
5. Skalaban VU, Tokaraw MU, editors. *Instytut belaruskaj kul'tury. 1922–1928: dakumenty i materyyaly* [Institut of Belarusian Culture. 1922–1928: documents and materials]. Minsk: Belaruskaja navuka; 2011. 257 p. Belarusian.
6. Kozlova LA. Post-revolution period of Russian sociology: a failed attempt at sovietization. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2016;12:105–113. Russian.
7. Danilov AN, Elsukov AN, Rotman DG, editors. *Sotsiologiya v Belorusskom gosudarstvennom universitete: istoriya, fakty, dokumenty* [Sociology in the Belarusian State University: history, facts, documents]. Minsk: Belarusian State University; 2006. 114 p. Russian.
8. Danilov AN, editor. *Kafedra sotsiologii BGU: istoriya i sovremennost'. K 25-letiyu sozdaniya* [Department of sociology in Belarusian State University: past and present. To the 25th anniversary of the creation]. Minsk: Belarusian State University; 2014. 230 p. Russian.
9. Babosov EM. Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus: history of creation and becoming. *Sotsiologiya*. 2010;1:37–41.

Статья поступила в редколлегию 17.10.2019.
Received by editorial board 17.10.2019.

ЗНАТЬ, ЧТОБЫ ПРЕДВИДЕТЬ...

TO KNOW SO THAT TO FORESEE...

УДК 316(075.8)

ПОСТГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Д. В. ИВАНОВ¹⁾

¹⁾Санкт-Петербургский государственный университет,
Университетская набережная, 7/9, 199034, г. Санкт-Петербург, Россия

Представлен новый подход к измерению уровня развития для обществ в условиях постглобализации, когда глобализующие жизнь структуры – сети и потоки – парадоксальным образом локализованы в суперурбанизированных центрах. В мегаполисах жизнь людей по-настоящему глобальна – транснациональна, мультикультуральна и мобильна. Суперурбанизированные анклавы глобальности притягивают и генерируют материальные, символические и человеческие потоки, и потому социальная жизнь в них сверхнасыщенная, принимающая форму дополненной современности, контрастирующей с состоянием истощенной современности в малых городах и селах. Перспективы социального развития теперь зависят от числа, размеров и влияния космополитичных мегаполисов.

Ключевые слова: социальное развитие; постглобализация; дополненная современность.

Благодарность. Статья подготовлена в рамках исследования, поддержанного грантом Российского научного фонда (проект № 18-18-00132).

POST-GLOBALIZATION AND PROSPECTS OF SOCIAL DEVELOPMENT

D. V. IVANOV^a

^aSaint Petersburg State University,
7/9 Universitetskaya Embankment, Saint Petersburg 199034, Russia

The article presents a new approach to measure level of social development for societies facing the post-globalization as globalizing networks and flows paradoxically are localized in super-urban areas where people experience borderless, multicultural, and mobile social life in the regime of augmented modernity. In the post-globalization age, the 'core' of

Образец цитирования:

Иванов ДВ. Постглобализация и перспективы социального развития. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2019;4:14–20.

For citation:

Ivanov DV. Post-globalization and prospects of social development. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2019;4:14–20. Russian.

Автор:

Дмитрий Владиславович Иванов – доктор социологических наук; профессор кафедры теории и истории социологии факультета социологии.

Author:

Dmitry V. Ivanov, doctor of sociology; professor at the department of theory and history of sociology, faculty of sociology.
dvi1967@gmail.com

socioeconomic order is dispersed into networks of enclaves of augmented modernity contrasting with exhausted modernity outside them. The nations' prospects of social development depend on number, size, and influence of cosmopolitan super-urban areas attracting and generating transnational material, human, and symbolic flows.

Keywords: social development; post-globalization; augmented modernity.

Acknowledgements. The article is a result of the research supported by Russian Science Foundation (project No. 18-18-00132).

Новейшим вызовом для социальных наук и социальной политики стал парадокс перехода глобализации в постглобализацию. Проблемы социального развития в контексте анализа глобализации и ее последствий представляются в терминах разрыва по среднему душевому ВВП, или по уровню жизни, между странами «ядра» и «периферии» и «полупериферии» мировой экономической системы [1], или между группами стран, обозначаемыми как «глобальный Север» и «глобальный Юг» [2]. Подобного рода модели разрыва на уровне национальных экономик нужно кардинально пересматривать, поскольку новые социально-экономические различия далеко не всегда проходят по привычным национальным границам, а богатство и власть все больше концентрируются в сетях, образуемых мегаполисами и транснациональными потоками ресурсов, циркулирующими между этими «командными центрами» современной экономики [3; 4].

Развитие мегаполисов в особый социоструктурный и социокультурный феномен можно назвать суперурбанизацией, чтобы отличать этот процесс, являющийся компонентом глобализации и ее перехода в постглобализацию, от урбанизации двух прошлых столетий, которая была одним из ключевых компонентов модернизации. Мир перешел из фазы просто урбанизации в фазу суперурбанизации приблизительно в 2010 г., когда численность горожан превысила 50 % мирового населения. Согласно Докладу ООН об урбанизации, в 1950 г. в мире насчитывалось всего 6 городов с населением свыше 5 млн человек, в 2010 г. число таких городов выросло до 60, а к 2014 г. – до 71 [5]. В этом суперурбанизированном мире траектории социального развития следует рассматривать не только в контексте различий между городскими и сельскими сообществами / условиями жизни, но также и в контексте растущих различий между суперурбанизированными территориями и остальными территориями и сообществами, как городскими, так и сельскими. По данным исследования Брукингского института, в 300 крупнейших городах проживает лишь 20 % населения планеты, но при этом производится около 50 % мирового ВВП [6; 7]. Другое исследование, проведенное под эгидой консалтинговой компании *McKinsey*, дало сходные результаты: 600 крупнейших городских экономик концентрируют в себе 22 % мирового населения и обеспечивают более 50 % мирового ВВП [8]. Суперурбанизированные территории по показателям производительности

в подавляющем большинстве случаев существенно опережают национальные экономики, частью которых являются. И тем самым суперурбанизация открывает новое измерение неравенства – разрыв между суперурбанизированными точками доступа к ресурсам, где шансы на благополучную жизнь выше, и окружающими территориями, где сети социально-экономических связей и потоки ресурсов не образуют таких плотных, насыщенных структур или вовсе отсутствуют.

Контраст между высоким и низким уровнем социального развития теперь не может быть идентифицирован лишь как разделение «глобальный Север / глобальный Юг». Внутри самого «глобального Севера» обозначился резкий социальный разрыв, нашедший идеологическое и политическое выражение в 2016 г. в голосовании в Великобритании по вопросу выхода из Евросоюза (*Brexit*) и в победных для Д. Трампа президентских выборах в США. Статистика голосования в обоих случаях четко указывает на то, что избиратели в маленьких городах и сельской местности, менее вовлеченные в транснациональные сетевые и потоковые структуры, чаще голосовали против той неолиберальной и глобалистской политической повестки, которую с энтузиазмом поддерживают жители суперурбанизированных центров. Этнотерриториальный состав, образ жизни, ценностные ориентации жителей Лондона мотивировали их в большинстве случаев голосовать против выхода из ЕС так же, как и жителей Нью-Йорка и Лос-Анджелеса – против Трампа. Крупные города (с населением в 5–10 млн человек) и мегагорода (свыше 10 млн жителей) оказались более космополитичными и либеральными, чем консервативное большинство нации, рассеянное по множеству «захудалых местечек». Апелляции к «национальным интересам» в противовес глобализации консолидировали практически половину избирателей, и социокультурный контраст между очагами глобализации и окружающей их нацией, живущей по нормам уже ушедшей индустриализации и модернизации, превратился в политическое противостояние равновеликих сил. Эффекты Брексита и Трампа показали, что суперурбанизированные территории не только экономически живут в своем особом мире, но и социокультурно и политически отделяются от той социальной реальности, которая со времен модернизации поддерживается на территории каждой страны институтами национального государства.

Экономический и социальный разрыв между группой крупнейших городов и остальным миром говорит в пользу того, что глобализация не привела к ожидавшемуся формированию «мирового общества» или возникновению «всемирной социальности», а породила лишь анклавности глобальности. Находясь в таких суперурбанизированных центрах, как Нью-Йорк, Лос-Анджелес, Лондон, Париж, Токио, Гонконг, Шанхай, Москва, Стамбул, Сеул, и других мегаполисах, связанных трансграничными материальными, символическими, людскими потоками, можно получить опыт в полной мере глобальной жизни, т. е. не связанной границами, мобильной и мультикультуральной. Таким образом, после глобальных, т. е. всеохватывающих трансформаций, происходит не ожидавшееся теоретиками и политиками планетарное распространение институтов современного общества, а локализованное замещение привычных для современности структур интенсивными потоками. Это и есть постглобализация как переход от глобализации к ее противоречивым последствиям.

Парадоксальным образом термин «глобальное» теперь означает не нечто планетарное, а нечто локальное, но со свойствами глобальности. Глобальность локализована в суперурбанизированных анклавах, так что предмет изучения так называемой глобальной социологии – это не тотальность обществ и отношений между ними, а сети (г)локальностей, конституируемых транснациональными/транслокальными потоками. Глобализация, обещавшая структурную гомогенность и культурную унификацию, осталась в прошлом. Постглобализация проявляет себя в росте и автономизации суперурбанизированных анклавов глобальности. Популярное в социологическом и экономическом дискурсах различие «ядра» и «периферии» мирового социально-экономического порядка приобретает теперь совершенно иной смысл. «Ядро» становится распределенным, рассеянным в сетях, образуемых двумя-тремя сотнями космополитических суперурбанизированных анклавов глобальности. И основные перспективы социального развития, как и основные социальные проблемы, определяются теперь процессами в этих очагах, или эпицентрах, постглобализации.

Вызов постглобализации привычным моделям социального развития, связанным с институтами индустриального общества и национального государства, определяется не только концентрацией богатства, власти и культурного доминирования в суперурбанизированных анклавах глобальности. В сравнении со странами, к которым они принадлежат, в крупнейших городах выше уровень экономического развития и в то же время выше уровень неравенства.

Сочетание относительно высоких уровней как экономического развития, так и социального неравенства указывает на то, что в анклавах глобаль-

ности неравенство представлено в двух его современных формах: исключенность и неодинаковая включенность. Жители малых городов и деревень автоматически лишаются доступа ко многим социальным благам, поскольку исключены из тех социальных процессов и структур, которые образуются потоками ресурсов, циркулирующими внутри сетей крупных городов и мегагородов. Однако большинство жителей суперурбанизированных анклавов, вовлеченных в такие потоки, оказывается в условиях еще более и изощренного неравенства, так как социальная включенность для них означает участие в качестве дискриминируемых в новейших формах (сетевые и потоковые структуры) неравенства постиндустриального капитализма.

Люди мигрируют в крупные города и мегагорода в стремлении получить шанс повысить уровень и качество своей жизни. Но в суперурбанизированных анклавах они попадают не в двумерное социальное пространство, где благополучие измеряется как *уровень жизни* (уровень дохода или объем потребления в калориях, килограммах, штуках и т. п.) и как *качество жизни* (доступность социальных сервисов – образования и здравоохранения – и комфортной социальной среды, экологичной и безопасной), а в трехмерное, где формируется еще одно измерение социального развития и благополучия – *наполненность жизни*. Если уровень и качество жизни связаны с эффективной встроенностью в социальные институты и интеракции, то наполненность жизни достигается активной вовлеченностью и лидерством в сетевых и потоковых структурах, что открывает доступ к высокотехнологичным и имиджевым благам, к насыщенному социокультурному опыту и мобильности. Наполненность жизни измеряется насыщенностью личного опыта, участием в потребительских и социокультурных трендах, креативностью и мобильностью деятельности, а в общем – интенсивностью потоков, структурирующих текучее существование современного человека – *homo super-urbanus*.

Разрыв в уровне, качестве и наполненности жизни между суперурбанизированными анклавами и остальными территориями и сообществами кардинально меняет динамику социального развития по обе стороны этого разрыва. Возникают два типа социальности, две разные современности.

Мегаполисы, притягивающие ресурсы всех видов, а главное – человеческие ресурсы, и генерирующие новые социальные структуры – сетевые и потоковые, становятся центрами создания и распространения новой социальности. Социальная жизнь в точках доступа к транснациональным сетям и потокам материальных, символических, человеческих и технологических ресурсов превращается в насыщенное киберфизическим опытом существование в режиме дополненной реальности (*augmented reality*).

Метафора дополненной реальности становится эффективным аналитическим инструментом, поскольку социальные изменения последних 10–15 лет ведут к сдвигу от виртуализации социальной жизни к тенденциям поствиртуализации. Виртуализация – это замещение реальных объектов и реальных действий образами и коммуникациями. Социальная жизнь с конца XX в. оказалась погружена в виртуальные реальности, создаваемые брендингом, имиджмейкингом, коммуникациями через традиционные и новые цифровые медиа. Образы и коммуникации зачастую оказываются более эффективными в бизнесе, политике, создании социальных общностей и движений, чем господствовавшие в обществе современного типа социальные институты и интеракции. Виртуализация общества приводит к превращению сетевых структур в доминирующие социальные структуры.

Контраст между возникшей виртуальной реальностью и привычной социальной реальностью был впечатляющим в последние десятилетия, однако сейчас, в XXI в., виртуальная реальность образов и коммуникаций перестает быть социальной экзотикой и становится рутинной и обыденностью. Перепроизводство образов и коммуникаций приводит к их обесцениванию, а ценностью все чаще становится физическое присутствие, непосредственный опыт, тактильность, «аналоговость» в противовес «цифре». В крупных городах бизнесмены и активисты альтернативных движений все чаще создают пространства, функция которых – быть точкой доступа к реальности (креативные пространства, лофты, коворкинги, антикафе, котокафе и т. д.).

Новые тренды в потреблении и стиле жизни демонстрируют, что «поворот к реальности» не ослабляет виртуальность, а ведет к социальной жизни в режиме дополненной реальности, в которой происходит взаимопроникновение разных социальных реальностей и интегрируются физические и цифровые, материальные и символические, производственные и потребительские, частные и публичные, модернистские и постмодернистские компоненты человеческого существования. Эти тенденции представляют собой поворот к поствиртуализации: после виртуализации социальной реальности эта реальность не исчезает, как предполагали теоретики постсовременности [9; 10], и не вытесняется, но становится более интенсивной и принимает формы, которые можно охарактеризовать как дополненную современность (*augmented modernity*).

Устремляясь в мегаполисы, чтобы попасть в точки доступа к ресурсам, а внутри мегаполисов стремясь в точки доступа к реальности, люди из различных условий множественных современностей (*multiple modernities*) попадают в дополненную современность. Насыщенная, интенсивная и турбулентная социальность в крупных городах и мега-

городах все больше контрастирует с социальной жизнью в малых городах и в сельской местности, которые теряют ресурсы, в первую очередь человеческие, которые «вымываются» потоками, идущими в направлении суперурбанизированных анклавов дополненной современности. За пределами мегаполисов упадок характерных для развитого индустриального общества институтов так называемого социального государства (*welfare state*), демонтированных в ходе неолиберальных реформ, и уменьшение числа и разнообразия интеракций, вызванное оттоком наиболее социально активного населения, приводит к «истощению» социальности. Результатом глобализации, по мысли ведущих теоретиков [14; 15], должно было стать повсеместное распространение и умножение форм социальности, порожденных модернизацией, и возникновение глобальной современности (*global modernity*). Однако сейчас, в ситуации постглобализации, можно наблюдать скорее локализованное возникновение более интенсивной социальной жизни в режиме дополненной современности (*augmented modernity*), тогда как за пределами суперурбанизированных анклавов в такой дополненной современности господствует тенденция упадка социальных структур и перехода социальной жизни в режим истощенной современности (*exhausted modernity*).

Поскольку в условиях постглобализации «ядро» социально-экономического развития рассеяно в сетях анклавов дополненной современности, перспективы социального развития обществ, традиционно структурированных и контролируемых национальными государствами, зависят от числа, размеров и влияния космополитичных очагов суперурбанизации, которые притягивают и генерируют потоки ресурсов. Анклавы глобальности / дополненной современности создают для национально-государственных бюрократий множество проблем и неудобств, поскольку сетевые и потоковые структуры пронизывают национальные границы, ускользают из-под контроля и становятся конкурентами для привычно управляемых институтов. Но перспективные решения возникающих проблем, в том числе проблем повышения экологической нагрузки и истощения социальности вокруг суперурбанизированных анклавов, также генерируются в основном в них самих. Поэтому национальные государства зависят в решении проблем социального развития от транснациональных структур и их космополитичных узлов.

Поскольку новые социальные структуры и, следовательно, потенциал развития создаются в основном в крупных городах и мегагородах, их числом и долей в национальном ВВП и в населении страны определяются перспективы создания дополненной социальной реальности как новой (после модернизации, глобализации и виртуализации) формы создания тех социальных структур, в которых реа-

лизуются новые цели и решаются новые проблемы социального развития.

Существующие и принятые экспертами способы оценки уровня социального развития, например, показатели, включенные в Индекс человеческого развития ООН (ВВП на душу населения, продолжительность жизни, продолжительность образования), сейчас соответствуют моделям, реализующим социологические представления прошлого и позапрошлого столетий. Уровень и качество жизни, измеряемые в средних величинах, предполагают существование в условиях массового общества, когда все живут, потребляют, учатся и лечатся примерно одинаково. Это и есть основное содержание человеческой жизни и организующих ее социальных процессов.

Предлагаемые альтернативные методики, например «индекс счастья» (Фонд новой экономики) или «индикаторы социального развития» (Международный институт социальных исследований), ориентированы на учет новых измерений социального развития – экологического, гендерного равенства, гражданского активизма и т. п. Однако эти альтернативные методики не принимают в расчет уже произошедшие и продолжающиеся изменения социальной реальности. Во-первых, в результате социальных изменений нарастает статусная и культурная дифференциация, исчезает средний слой как социокультурно однородное большинство [11], легитимировавшее измерение уровня и качества жизни с помощью средних значений. Во-вторых, социальность теперь представлена в конфигурации разных структур, выступающих в качестве различных форм координации, и эти формы существенно различаются по степени традиционно понимаемой социальности. На фоне абсолютной/тотальной социальности институтов, частной и ситуативной социальности интеракций, социальность сетевых структур предстает относительной, а социальность потоковых структур – альтернативной [12]. Новые перспективы социального развития сейчас связаны с развитием новых и альтернативных социальных структур – сетевых и потоковых. Именно они позволяют выработать новую парадигму социального развития для XXI в.

В настоящее время можно выделить три парадигмальные модели социального развития – две традиционно доминирующие и одну перспективную:

1) *уровень жизни*, достигаемый через максимизацию производства и потребления и вычисляемый в таких индексах, как ВВП на душу населения;

2) *качество жизни*, достигаемое в соединении объема потребления, доступности социальных сервисов (здравоохранения, образования и т. п.), комфортности среды (природной и социальной) и вычисляемое в таких индексах, как Индекс человеческого развития ООН;

3) *наполненность жизни*, достигаемая соединением качества жизни и включенности, мобильности, креативности в сетях и потоках современного общества.

Для оценки наполненности жизни требуются новые индексы, отражающие специфику общества сетей и потоков. Поскольку сетевые и потоковые структуры концентрируются и генерируются по большей части в мегаполисах, инструментом предварительной и весьма приблизительной оценки перспектив социального развития различных стран в условиях постглобализации может стать индекс суперурбанизации, дополняющий традиционные индексы уровня и качества жизни. К этим индикаторам развития нужно добавить показатели наполненности жизни с использованием данных о мобильности населения, информационных потоках и сетевой активности пользователей интернета в суперурбанизированных центрах дополненной современности и в зонах истощенной современности.

Создание полноценных индексов, учитывающих как уже традиционные показатели уровня и качества жизни, так и новые показатели ее наполненности, требует длительной разработки. Первым шагом в такой разработке может быть предлагаемый здесь индекс суперурбанизации, являющийся инструментом приблизительной оценки перспектив социального развития различных стран в условиях постглобализации. Поскольку новые социальные структуры и, следовательно, потенциал развития создаются в основном в крупных городах и мегагородах, их числом и долей в национальном ВВП и в населении страны определяются перспективы создания дополненной социальной реальности. Индекс суперурбанизации (ISU) вычисляется по следующей формуле:

$$ISU = (N_{su2030} / P_{2030}) \cdot S_{GDP2014} \cdot S_{P2014},$$

где N_{su2030} – ожидаемое к 2030 г. число крупных городов с населением от 5 до 10 млн человек и мегагородов с населением свыше 10 млн; P_{2030} – ожидаемая к 2030 г. общая численность населения страны; $S_{GDP2014}$ – текущая доля крупных городов и мегагородов в национальном ВВП (по данным на 2014 г.); S_{P2014} – текущая доля крупных городов и мегагородов в численности населения страны (по данным на 2014 г.).

Для нормализации показателей по разным странам использована стандартная форма индекса. Для n -й страны индекс рассчитывается как

$$I_n = (ISU_n - ISU_{min}) / (ISU_{max} - ISU_{min}),$$

где ISU_n – абсолютная величина индекса суперурбанизации для n -й страны; ISU_{min} – наименьшее абсолютное значение индекса среди стран в выборочной совокупности; ISU_{max} – наибольшее абсолютное значение индекса.

Предлагаемый индекс был протестирован на выборке, включающей наиболее развитые страны мира, входящие в группу G20, а также Сингапур, отобранный как предположительно самый социально-эконо-

мически развитый суперурбанизированный анклав глобальности (см. таблицу). Данные для расчета индекса были взяты из докладов ООН [13] и из документов национальных статистических бюро (агентств).

Индекс суперурбанизации для 20 наиболее развитых стран

Index of super-urbanization for the 20 most developed countries

Страна	Значение индекса	Ранг
Сингапур	1,00	1
Австралия	0,55	2
Южная Корея	0,28	3
Турция	0,25	4
США	0,22	5
ЮАР	0,21	6
Япония	0,20	7
Саудовская Аравия	0,19	8
Мексика	0,18	9
Россия	0,17	10
Канада	0,17	11
Франция	0,16	12
Китай	0,15	13
Бразилия	0,14	14
Аргентина	0,14	15
Великобритания	0,12	16
Индия	0,05	17
Индонезия	0,03	18
Германия	0,00	19
Италия	0,00	20

Примечание. Составлено автором на основе собственных расчетов.

Анализ полученного рейтинга стран показывает, что старые лидеры модернизации (Западная Европа и США) и считающиеся с недавних пор будущими лидерами следующей модернизации страны БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай, Южно-Африканская Республика) в действительности имеют средний потенциал развития в условиях постглобализации. Связанные с ними ожидания останутся в прошлом, поскольку ресурсы и структуры, определявшие характер социального развития в прошлые десятилетия и столетия, больше не являются ключевыми для формирования общества сетей и потоков, общества дополненной реальности. Страны БРИКС, находясь в рейтинге ниже многих стран, включая США, Южную Корею, Австралию и Сингапур, который имеет наивысший показатель индекса суперурбанизации, будучи

фактически городом-государством и образцовым примером социального развития на платформе суперурбанизированного анклава глобальности / дополненной современности. Сингапур и отчасти Австралия и Южная Корея могут рассматриваться в качестве стран, задающих образцы социального развития, более других соответствующие условиям постглобализации.

То, что потенциал социального развития теперь распределен по миру не так, как было в период модернизации и первоначальной глобализации в неолиберальном ключе, заставляет переосмыслить как роль национально-государственных институтов, так и роль возникающих транснациональных и транслокальных сетевых и потоковых структур, создаваемых в суперурбанизированных анклавах дополненной современности.

Библиографические ссылки

1. Wallerstein I. *World-system analysis: an introduction*. Durham: Duke University Press; 2004. 128 p.
2. Arrighi G. Global capitalism and the persistence of the North-South divide. *Science & Society*. 2001;65(4):469–476.
3. Sassen S. The global city: introducing a concept. *Brown Journal of World Affairs*. 2005;11(2):27–43.
4. Khanna P. *Connectography: Mapping the Future of Global Civilization*. New York: Random House; 2016. 496 p.
5. United Nations. *World urbanization prospects*. New York: UN DESA; 2014.
6. Istrate E, Nadeau CA. *The brookings institution. Global metro monitor 2012: slowdown, recovery, and interdependence*. Washington: Metropolitan Policy Program at Brookings; 2012. 50 p.
7. Bouchet M, Liu S, Parilla J, Kabbani N. *The brookings institution. Global metro monitor 2018*. Washington: Metropolitan Policy Program at Brookings; 2018. 46 p.
8. Dobbs R, Smit S, Remes J, Manyika J, Roxburgh Ch, Restrepo A. *Urban world: mapping the economic power of cities*. [S. l.]: McKinsey Global Institute; 2011. 62 p.
9. Baudrillard J. *Simulacra and simulation*. Ann Arbor: University of Michigan Press; 1994. 164 p.
10. Lyotard, J.-F. *The postmodern condition: a report on knowledge*. Bennington G, Massumi B, translators. Manchester: Manchester University Press; 1984. 144 p.
11. Иванов ДВ. Новые конфигурации неравенства и потоковые структуры глэм-капитализма. *Социологические исследования*. 2016;6:13–23.
12. Иванов ДВ. К теории потоковых структур. *Социологические исследования*. 2012;4:8–16.
13. United Nations. *Urbanization and development: emerging futures. World cities report 2016*. Nairobi: UN-Habitat; 2016.
14. Giddens A. *The consequences of modernity*. Cambridge: Polity Press; 1990. 188 p.
15. Robertson R. *Globalization: social theory and global culture*. London: SAGE Publications; 1992. 211 p.

References

1. Wallerstein I. *World-system analysis: an introduction*. Durham: Duke University Press; 2004. 128 p.
2. Arrighi G. Global capitalism and the persistence of the North-South divide. *Science & Society*. 2001;65(4):469–476.
3. Sassen S. The global city: introducing a concept. *Brown Journal of World Affairs*. 2005;11(2):27–43.
4. Khanna P. *Connectography: Mapping the Future of Global Civilization*. New York: Random House; 2016. 496 p.
5. United Nations. *World urbanization prospects*. New York: UN DESA; 2014.
6. Istrate E, Nadeau CA. *The brookings institution. Global metro monitor 2012: slowdown, recovery, and interdependence*. Washington: Metropolitan Policy Program at Brookings; 2012. 50 p.
7. Bouchet M, Liu S, Parilla J, Kabbani N. *The brookings institution. Global metro monitor 2018*. Washington: Metropolitan Policy Program at Brookings; 2018. 46 p.
8. Dobbs R, Smit S, Remes J, Manyika J, Roxburgh Ch, Restrepo A. *Urban world: mapping the economic power of cities*. [S. l.]: McKinsey Global Institute; 2011. 62 p.
9. Baudrillard J. *Simulacra and simulation*. Ann Arbor: University of Michigan Press; 1994. 164 p.
10. Lyotard, J.-F. *The postmodern condition: a report on knowledge*. Bennington G, Massumi B, translators. Manchester: Manchester University Press; 1984. 144 p.
11. Ivanov DV. New configurations of inequality and flow structures of glam-capitalism. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2016;6:13–23. Russian.
12. Ivanov DV. To the theory of flow structures. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2012;4:8–16. Russian.
13. United Nations. *Urbanization and development: emerging futures. World cities report 2016*. Nairobi: UN-Habitat; 2016.
14. Giddens A. *The consequences of modernity*. Cambridge: Polity Press; 1990. 188 p.
15. Robertson R. *Globalization: social theory and global culture*. London: SAGE Publications; 1992. 211 p.

Статья поступила в редколлегию 16.10.2019.
Received by editorial board 16.10.2019.

О ГРАНИЦАХ КРЕАТИВНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

И. Я. МАЦЕВИЧ-ДУХАН¹⁾

¹⁾Институт философии НАН Беларуси,
ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, г. Минск, Беларусь

Раскрываются онтологический, гносеологический, этический и аксиологический аспекты изучения креативности в социальной теории. Выявляются способы ограничения креативности в современном обществе. Обсуждаются последствия ее чрезмерной экспансии и попытки заместить социальное. Анализируются социологические и социально-философские способы установления условных границ ценностного поля креативности и реабилитации социального.

Ключевые слова: креативность; сингулярность; сфера креативности; диспозитив креативности; императив креативности; режим креативности; границы креативности; социология страдания.

ON CREATIVITY LIMITS IN CONTEMPORARY SOCIETY

I. Ja. MATSEVICH-DUKHAN^a

^aInstitute of Philosophy, National Academy of Sciences of Belarus,
1 Surhanava Street, 2 building, Minsk 220072, Belarus

The article exposes ontological, gnoseological, ethical and axiological aspects of the inquiry into creativity in social theory. Different approaches to the restriction of creativity in contemporary society are revealed. Its overexpansion and attempts to replace the social with the creative are discussed. Sociological and socio-philosophical approaches to the conditional restriction of the creativity value field and to the rehabilitation of the social are analysed.

Keywords: creativity; singularity; the sphere of creativity; the creativity dispositif; the creativity imperative; the creativity regime; creativity limits; sociology of suffering.

Введение

Феномен креативности приобретает особую значимость в повседневной жизни на рубеже XX–XXI вв. Экспансия социальной ориентации на творческую самореализацию заставляет каждого из нас демонстрировать и обосновывать в публичном пространстве тот или иной род креативности. Ее всеобъемлющие императивные устремления подвергаются специальному анализу, но ускользают от научного познания в режиме повсеместного (вос)производства нового.

Вопрос о границах креативности едва ли является оригинальным по форме, но актуальность его постановки в рамках социальной философии

и социологии во многом обусловлена ростом числа научных публикаций, диагностирующих специфический характер современных социальных процессов с помощью категории «креативность» [1; 2]. В настоящей статье рассматриваются различные способы ограничения поля применения данной категории в социальной теории. Этот вопрос исследуется с онтологической, гносеологической, этической и аксиологической точек зрения. Онтология проясняет специфику предметного поля самоидентификации и реализации креативности, конфигурирует условные границы ее сферы. Теория познания призвана дать определение феномену

Образец цитирования:

Мацевич-Духан ИЯ. О границах креативности в современном обществе. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2019;4:21–34.

For citation:

Matsevich-Dukhan IJa. On creativity limits in contemporary society. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2019;4:21–34. Russian.

Автор:

Ирина Янушевна Мацевич-Духан – кандидат философских наук, доцент; докторант.

Author:

Iryna Ja. Matsevich-Dukhan, PhD (philosophy), docent; postdoctoral researcher.
irina.matsevich@mail.ru

креативности с точки зрения индивидуальной диспозиции и социального диспозитива. *Этическое* исследование демонстрирует социально-культурные основания и следствия трансформации креативности в категорический императив поведения. *Аксиологический* ракурс рассмотрения раскрывает сущность креативности как ценности и ее притяжение на значимость особого рода со второй половины XX в. В заключительной части статьи автор обращается к *социологии страдания*, чтобы обозначить перспективы научного изучения и установления условных границ креативности с помощью социальной теории.

Одним из поводов для написания статьи послужил вопрос студента на лекции профессора социологии А. Реквитца: «Вписывается ли забота о пожилых людях в современную логику сингулярностей?»¹ [3]. Ответ профессора оказался достаточно емким и однозначным и обозначил условные границы его собственной теории креативности в обществе позднего модерна: «Термины, которые я использую в своей теории, лучше применять как инструменты для описания определенных вещей. Не все вещи поддаются описанию с их помощью. Их возможности ограничены. Они проливают свет лишь на определенные аспекты. И если вы хотите использовать их для рассмотрения индустрии заботы (*care industry*), то их применение именно к этой сфере мне кажется достаточно затруднительным и требующим специального изучения» [3]. Такого рода ответ социолога может удивить своей прямолинейностью и незаинтересованностью сферами, оказывающимися периферийными и нестабильными (прекариативными) для современной экономики. Еще предстоит определить перспективы гармоничного сосуществования категорий творческой самореализации личности и заботы о другом в теории креативного общества.

Сфера креативности

Выделение сферы креативности в целом как отличной от сферы божественного творения и сферы человеческого творчества начинается с изобретения концепта «креативность» в конце XVIII – начале XIX в. в форме абстрактного существительного [6]. Он зарождается в английском языке вместе с романтической верой в беспредельные творческие способности личности, преобразующей мир в произведение искусства. Немецкий социолог Х. Йоас выделяет три главные метафоры, конфигурирующие смысл креативности в 1750–1850 гг. [7, р. 70]: выражение (И. Г. Гердер), производство (К. Маркс), революция (К. Маркс). Вплоть до И. Г. Гердера тема креативности была под негласным запретом в Германии. В то же время Великобритания и США ни-

Индустрия заботы едва ли подпадает под определение креативных индустрий XXI в., и лишь ограниченное число ее представителей могут быть отнесены к категории креативного класса. Проблемы названной индустрии преимущественно выпадают из фокуса внимания креативного общества. Но возможно, именно в ситуации дискриминации по формам и степени публичного проявления креативности в процессе выделения идеальных типов элиты и прекариата мы являемся свидетелями вопрошания молодого поколения о том, в какой мере язык современной социологии способен позаботиться о нашем «социальном» будущем. Поэтому английский социолог Дж. Урри, один из проповедников выхода социологии за рамки социального [4], в своей последней книге «Как выглядит будущее?» (2016) возвращается к спасительному проекту «социального» будущего [5, с. 27], призванному пробудить нас. И, хотя А. Реквитц уходит от ответа на вопрос об индустрии заботы, он посвящает целую главу в программной монографии «Изобретение креативности» (2012) [2] проблеме *самоограничения* креативности, вызванной *экологическими* установками современного общества по сохранению природы, мира, духовного спокойствия и физического здоровья человека. Эта проблема рассматривается немецким социологом в первую очередь как политическая, так как одна из ключевых задач современной политики – сохранение и демонстрация *социетального*, которое все еще скрепляет и тематизирует множество сингулярностей в процессах эстетизации. Только с помощью «стратегий самоограничения», т. е. *экологических* стратегий в самом широком смысле этого термина, выражающихся в возрождении и «усилении этического и социального» [2, р. 235] в ситуации позднего модерна, возможно попытаться выйти из порочного круга креативной сингуляризации.

когда не были в подобной ситуации. На рубеже XIX–XX вв. философии жизни и прагматизма удалось интегрировать различные аспекты рассмотрения креативности, постепенно привлекая к ней интерес широких масс [8].

Каждая эпоха по-своему очарована вопросом о творческих возможностях человека и их пределах. В начале XX в. Н. А. Бердяев рассматривал стремление творить как специфическую черту человеческой природы, приближающейся таким образом к божественному началу. Святые не творят, а человек вследствие собственной греховности обречен преодолевать недостатки своей природы посредством творчества. Ярким примером трактовки сущности творчества в духе единения природы,

¹Здесь и далее перевод наш. – И. М.-Д.

общества и высшего трансцендентного смысла является описание Н. А. Бердяева творческого проекта А. Н. Скрябина: «Он хотел сотворить мистирию, в которой синтезировались бы все искусства. Мистирию он мыслил эсхатологически. Она должна быть концом этого мира» [9, с. 6]. Творчество способно преодолевать границы мира как материального, так и социального, пробиваясь к некоему исходному смыслу сотворения и развития Вселенной. Злоупотребление искусством может привести и к худшему из возможных сценариев развития этого мира.

В то же время французские философы А. Бергсон и Г. Башляр реанимировали силу интуиции и воображения в научной работе начала XX в. В 1920-е гг. по обе стороны океана появляются первые учебники по искусству креативно мыслить, которое окажется доступным для освоения широкими массами. Особую роль в его распространении сыграли работы английского социального психолога Г. Уоллеса «Великое общество» (1914) [10] и «Искусство мыслить» (1926), а также американского поэта и педагога Х. Мирнза «Креативная молодежь» (1925) и «Креативная власть» (1929).

Послевоенная атмосфера холодной войны и гонки вооружения оживляет интерес к психологии творчества. В 1950–60-х гг. в США появляется огромное количество институтов и фондов, цель которых – стимулировать развитие творческих способностей индивида. Существенный капитал перенаправляется из бюджета национальной безопасности на финансирование креативного образования и исследований в этой сфере. А. Осборн, П. Торренс и Дж. П. Гилфорд могли испытать на себе значимость такой материальной поддержки.

Переосмысление роли креативности в политическом процессе отражается в эссе американского философа Дж. Дьюи «Креативная демократия» (1939) [11]. Креативная демократия определяется как стиль жизни индивида, контролируемый верой в способность людей к интеллектуальному суждению и действию при наличии соответствующих условий. Вплоть до предвыборной кампании Р. Рейгана на пост губернатора Калифорнии в 1966 г. парадигма креативной демократии оставалась в тени большой политики. Р. Рейган выступил против «Великого общества» президента Л. Б. Джонсона [12, р. 208]. Вместо этого Р. Рейган предложил конструктивную альтернативу «Великому обществу» [13], которую он назвал «Креативным обществом».

Главная интрига кампании Р. Рейгана под названием «Креативное общество» была придумана известным правым политиком У. МакБирни [12, р. 208]. В конце 1965 г. он размышлял о тезисе Г. Сальватори, заявленном во время плановой встречи: Р. Рейгану нужно было преодолеть нехватку законодательного опыта с помощью предложе-

ния рассмотреть новую программу, которая всколыхнет воображение избирателей. Он нуждался в позитивной программе, сопровождаемой некоторого рода слоганом или емким описанием: «Новый курс, честный курс, новый рубеж, великое общество, новый порядок и т. д.» [12, р. 208]. У. МакБирни верил, что «Креативное общество» было решением проблемы, и в 1966 г. с помощью политтехнологов и консультантов из компании «Спенсер-Робертс» Р. Рейган адаптировал упомянутый слоган и использовал его в своей программе, которая была призвана монетизировать частный потенциал и отсылала к временам до капитализма всеобщего благосостояния Нового курса и Великой депрессии.

Если в США в конце 1960-х гг. понятие креативности оказывается несколько идеологизированным в рамках проекта Р. Рейгана, то уже в 1970-е гг. оно лишается своей привязки к конкретному политическому проекту. Начинается распространение императива креативности на все социальные сферы, приведшее спустя несколько десятилетий к постановке вопроса о его границах. Ряд неоконсервативных мыслителей (например, Д. Белл, Н. Луман, А. Блум) критически высказывались о новом культе творческого саморазвития, овладевающим широкими массами, «пренебрежительно порицали концепт креативности как демократизацию идеологии гения» [14, р. 6]. Однако такого рода критика оказалась на периферии внимания политики, ориентированной на развитие креативной экономики вокруг оформившегося в конце XX в. сектора креативных индустрий. Бесконечное разнообразие противоречивых трактовок креативности существует в современном дискурсе, обусловленном распространением риторики креативных индустрий. Их дискурс стремится максимально расширить поле, обозначаемое понятием «креативность». Как следствие, появляется вопрос о том, возможно ли в принципе развести *социальное* и *креативное* в современном обществе. Звучат достаточно смелые заявления о том, что креативность сама по себе, до введения ее в социальный контекст, является «свободной от ценностей» [15, с. 40]. Эта риторика подводит нас к необходимости постановки вопроса о границах креативности и ее ценностной природе.

В конце XX в. Х. Йоас оказался первым из социологов, обратившихся к исследованию принципов и оснований построения креативного общества исходя из прагматистской теории креативности действия [7]. Он полагал, что любое человеческое действие может рассматриваться как креативное в той или иной степени, и пытался оправдать ситуационную креативность. Разделяя идеи Дж. Дьюи, Х. Йоас разрабатывал теорию креативной демократии. Но этот проект остался незавершенным. Главная заслуга Х. Йоаса заключается в обосновании креативности как универсальной характеристики человеческого действия, позволяющем переос-

мыслить принципы социальной самоорганизации и способы их познания. Человек обречен быть креативным даже на дорефлективном уровне своего телесного диспозитива существования.

В начале XXI в. А. Реквитц продолжил начатую Х. Йоасом работу по исследованию социальной действительности сквозь призму прагматистской концепции креативности действия. В теории А. Реквитца *креативность* определяется как «деятельность, нацеленная на постоянное производство новых вещей, моделируемое по аналогии с художественным производством» [2, р. 23]. Чтобы уточнить специфический характер креативности в ситуации позднего модерна, необходимо выявить черты *эстетических практик* данного времени, которые будут отличать их от других форм художественной деятельности, в том числе и в ситуации раннего модерна. Таким образом процессы эстетизации социальной реальности оказываются в центре внимания социологического исследования.

Социологическое понятие *эстетизации* «обозначает силу, формирующую общество, и постулирует ее в качестве распространяющейся и усложняющейся» [2, р. 10]. Эта сила настолько преобразует социум, что его вполне можно обозначать с конца XX в. понятием «эстетизированное общество» [2, р. 10]. В XVIII в. понятие «эстетическое» только начинало проникать в европейские языки, сегодня оно обозначает уже не отдельную область чувственного восприятия мира, а *способность чувственного восприятия в целом*. При этом необходимо подчеркнуть, что эстетическое является не продуктом деятельности, а самой способностью воспринимать мир определенным образом. Область неэстетического едва ли поддается экспликации в обществе позднего модерна и рассматривается как род аномалии. Однако такое предельное расширение смысла понятия «эстетическое» А. Реквитц подвергает резкой критике и предлагает сузить его значение до области «автодинамического восприятия, которое выходит за рамки целерационального полагания» [2, р. 11]. Его отличительной чертой будет ориентация на собственное самовыражение в настоящем времени. Немецкий социолог подчеркивает укорененность понятия «эстетическое» в классическом дискурсе И. Канта, предполагающем наличие незаинтересованного удовольствия и чувственного восприятия формы целесообразности без цели как таковой, но при этом отказывается от его смысловой привязанности к понятиям хо-

рошего вкуса, рефлексивности, созерцательности и искусства как автономной сферы.

Надежда на спасение *социального* скрывается в признании факта, что общество позднего модерна управляется не только эстетическим принципом. Доминирование процессов эстетизации не исключает возможности дальнейшего структурирования общества процессами *рационализации, экономизации и медиатизации*. Более того, только те эстетические форматы событий, структуры которых вписываются в обозначенные процессы, могут быть отнесены к категории креативного общества. Другими словами, социальная реальность со всеми ее стремлениями и ориентациями на эстетическую новизну по-прежнему управляется рынком, медиа и целерациональным действием. Однако это не значит, что эстетизация социального воспроизводит структуру общества раннего модерна. А. Реквитц предлагает рассматривать *эстетическую социальность* как автономную форму *социального*, которая распространяется в обществе гомологично процессам экономизации, медиатизации и формальной рационализации [2, р. 219–220]. Эти процессы устанавливают *границы* распространения креативности, предписывая допустимые формы ее объективации в обществе. Такого рода ограничения порождают множество ценностных диссонансов в жизни современного индивида: «Принуждение к креативности; разрыв между креативным достижением и креативным успехом; рассеянное внимание; чрезмерное распространение эстетического» [2, р. 222].

Каждый из социологов предлагает свой набор инструментов для выхода из лабиринта креативности. Для решения данной проблемы А. Реквитц приводит в качестве основополагающих следующие виды практик: осуществление социальной критики с целью сохранить универсальные нормативные критерии оценки социальных действий; выявление «профанной креативности» [2, р. 229] не для аудитории, а для самих себя; раскрытие умеренных ощущений в повторении повседневных действий. Негативные последствия чрезмерной эстетизации современной действительности можно ограничить с помощью реабилитации понятий «социальное» и «этическое». Культивирование спокойствия и развитие способности концентрировать внимание на социально значимых ценностях увеличивают шансы бегства от креативности в XXI в.

От индивидуальной диспозиции креативной мысли к социальному диспозитиву креативности

История понятия «диспозитив креативности», введенного А. Реквитцем, отсылает к работам М. Фуко. Однако для рассмотрения *диспозиции* креативной мысли нам необходимо обратиться к работе

Г. Уоллеса «Великое общество: психологический анализ» (1914) [10]. В этом исследовании современности английский социальный психолог выявляет состояния сознания, которые могут рассматриваться

как типичные для того времени. Он сравнивает их с теми, что характерны для более примитивных форм общественной жизни и демонстрирует принципиальные различия. Неспособность осознать эти различия приводит к появлению множества проблем в повседневной, политической, социально-экономической и культурной жизни людей. Эти проблемы накапливаются и проясняются как в индивидуальном, так и в общественном сознании, отражаясь во множестве международных конфликтных ситуаций. Г. Уоллес верит, что во многом именно социальная психология способна помочь в разрешении назревших и обострившихся противоречий «великого общества» [10]. Социальная психология стремится связать события, которые мы наблюдаем, с причинами, их вызывающими. Когда эти причины превращаются в факты человеческой природы, тогда проявляются *диспозиции* [10, p. 22]. Г. Уоллес перечисляет многообразие диспозиций (и их классификаций), фокусируясь на ряде ключевых: инстинкт, разум, любопытство, привычка, язык, страх, удовольствие, боль, счастье, имитация, симпатия, любовь, ненависть, воля и др. Совокупность всех диспозиций составляют суть человеческой природы.

Особое внимание он уделяет искусству мыслить, условиям и методам его развития. Вопрос об искусстве мыслить креативно возникает в контексте поиска знания, которое улучшит условия жизни «великого общества» [10, p. 185]. Он верит в возможность воспитания мысли с помощью тренингов и создания соответствующей стимулирующей и гармоничной среды: «Мысль может вскармливаться свободно собранным материалом и стимулироваться, поддерживаться и в определенной степени контролироваться усилием воли» [10, p. 53]. Он детально рассматривает материальные и ментальные условия сознательного контроля креативной мысли.

Значимое место в истории социальной психологии заняли идеи Г. Уоллеса о методах развития креативного мышления («Искусство мысли» (1926)). Он построил четырехступенчатую модель креативного процесса, выделив стадии подготовки, инкубации, озарения и верификации в качестве основополагающих в творческом исследовании. Оксфордский идеализм Г. Уоллеса проявился в безмятежной вере в способность креативного мышления построить и обустроить желаемое общество.

Диспозиция в теории Г. Уоллеса – это физиологически и психически обусловленный ответ сознания индивида на вызовы окружающей действительности. А. Реквитц, следуя за М. Фуко, предпочитает использовать понятие «диспозитив» и рассматривает его как «социальную сеть разрозненных практик, дискурсов, систем артефактов и типов субъективности, координируемых друг с другом с помощью распознаваемых порядков знания и не превраща-

ющихся при этом в нечто полностью гомогенное» [2, p. 28–29].

Диспозитивы не являются «эволюционными универсалиями» [2, p. 202], они выступают в качестве «исторических и локальных феноменов, способствующих решению специфических проблем, удовлетворению исторически обусловленной местной “насуточной потребности”» [2, p. 202]. Одной из наиболее важных проблем в ситуации раннего модерна оказывается «нехватка аффекта», так как общество в начале XX в. воплощало идеал «организованной современности» [2, p. 202]. Фордистская экономика испытывает нехватку ярких эмоций, порождаемых искусством авангарда и постмодерна. Новые формы художественной практики предельно расширяют границы прежде автономно существующей сферы искусства. Оно перерождается в «центробежное искусство» [2, p. 57], преодолевающее культ гения и границы буржуазного искусства, ориентирует большую часть социального опыта на производство новых эстетических событий. В этих условиях во второй половине XX в. зарождается «эстетическая социальность» [2, p. 207], включающая четыре обязательных элемента: субъекты как творцы, эстетическая аудитория, эстетические объекты, институализированное регулирование внимания. Эти четыре элемента *эстетической социальности* являются в то же время четырьмя столпами *диспозитива креативности*. Единство эстетической социальности обеспечивается ориентацией социального режима на эстетическую новизну. При этом А. Реквитц подчеркивает, что познать эстетическую социальность невозможно с помощью понятий классической социологии, так как в центре внимания оказываются чувственные восприятия, межобъектные (в меньшей степени интерсубъективные) отношения, самотворящая аудитория и самодостаточное непредсказуемое креативное действие, ориентированное на удивление.

Диспозитив креативности, согласно А. Реквитцу, – это «специфический модус эстетизации» [2, p. 9]. Он обуславливает принципы взаимодействия и структурирования процессов эстетизации с различными комплексами практик, в том числе и с неэстетическими (экономизация, рационализация, медиатизация). Диспозитив креативности включает в себя четыре обязательных элемента: практики и повседневные технологии, формы производства дискурсивной истины, артефакты, образцы субъективизации. Продуктом сетевого взаимодействия обозначенных элементов и организации их взаимоотношений в тех или иных историко-культурных формах оказывается определенный социальный «комплекс креативности» [2, p. 5], который ориентирован на воспроизводство нового как эстетического события в различных сферах жизни общества.

Императив креативности

Всеобъемлющая креативность укоренена в индивидуиде. Но ее универсальная валидность укоренена в публичном пространстве индивидуальных действий. Сегодня публичная сфера трансформируется в частную и наоборот в рамках всеобщего креативного пространства. Границы размываются, критерии различия утрачиваются. Опасность утраты универсального категорического императива, здравого смысла и общих мест удерживает дискуссию о «креативной роли войн» в поле решения конкретных задач.

Немецкий социолог Х. Йоас отказывается от трактовки действия с точки зрения универсальных моделей, но сохраняет принцип универсальности в возможности конкретизации блага и справедливости проекта креативного действия в определенной ситуации. И здесь произвол преодолевается универсальным обязательством прояснить определения блага и справедливости, исходя из обстоятельств здесь и сейчас. Таким образом Х. Йоас объединяет универсалистскую и контингентную концепции морали в своем *акторно-дискурсивном* проекте морали: «С этой точки зрения, в процессе оправдания норм нет более высокой инстанции, чем дискурс. Однако с точки зрения актора, задумывающего свои действия в контингентных условиях, на первом месте стоит не оправдание, а конкретизация блага или справедливости в той или иной ситуации действия» [16, с. 251].

Прагматистская этика Х. Йоаса базируется на двух принципиальных положениях. Во-первых, на принятии теории действия и коммуникации Дж. Дьюи и Дж. Г. Мида. Речь идет о том, что существование универсальных структур человеческого действия предполагает допущение функциональных нарушений и возможности их преодоления с помощью способности человека к принятию ролей: «Оригинальность мидовской критики этики Канта состоит в том, что, по мнению Мида, с помощью категорического императива можно лишь проверить действия на предмет возможности их универсализации, но нельзя определить, какие действия в принципе являются адекватными. Сами действия нуждаются в креативном проекте» [16, с. 251].

Во-вторых, любая ситуация оценивается с точки зрения актора, участвующего в ней. Применение и оправдание универсальных норм и ценностей замещается решением проблем в процессе реализации креативного проекта актора в контингентных условиях: «Из прагматистского понимания действия и из построения прагматистской этики с точ-

ки зрения актора следует, что в самой ситуации действия неизбежно должен проявиться ограничивающий аспект справедливости, но проявиться он может не иначе, как один из аспектов наряду с ориентациями на благо» [16, с. 252–253]. Определение ситуации предполагает наличие ограничивающего аспекта справедливости как проявления свободы воли индивида: «Очевидно, что приверженность определенным ценностям не возникает благодаря осознанному намерению, но, несмотря на это, сильную приверженность (“Я не могу иначе”) мы воспринимаем не как ограничение, а как высшее проявление свободы воли. Не стремясь к тому, чтобы снабдить политиков или педагогов простыми и надежными рекомендациями, я надеюсь, что своей книгой внесу вклад в выяснение этого принципиального вопроса: из какого опыта возникает, казалось бы, парадоксальное чувство недоступной сознательному выбору, но все же добровольной приверженности ценностям?» [16, с. 15].

Вопрос о добровольной приверженности ценностям – один из центральных в творчестве Х. Йоаса 2000-х гг. Он обращается к истории войн («Война и ценности» (2000), «Война в социальной мысли» (2008), «Длинная ночь скорби» (2013)), чтобы раскрыть генезис определенных ценностей до, во время и после войны и продемонстрировать «креативную роль войны» в трансформации ценностной приверженности. Его интересует не столько описание нормативных суждений, сколько выработка модели, которая способна была бы объяснить на эмпирическом уровне, как зарождается вера в истинность некоего ценностного убеждения, оформляющегося во множестве ситуаций личного опыта.

Императив креативности утверждает в современном обществе новую систему ценностей, исходя из безусловного требования, согласно которому каждый *должен* стремиться быть творческой личностью. Установление такого требования в качестве универсальной нормы необходимо подвергнуть социальной критике, так как «социальное и моральное имеют свои собственные императивы и не могут подменяться эстетическим» [2, р. 228]. К такому выводу приходит А. Реквигц в своей теории креативного общества, призванной не столько провозгласить пришествие новой эры в развитии человечества, сколько предупредить о возможных последствиях перерождения творческого воодушевления в «креативную истерию» и эмоционального выгорания личности в плену категорического императива креативности.

Режим креативности

Французские социологи Л. Болтански и Л. Тевено в работе «Об оправдании. Экономика величия» [17] исследуют *операции квалификации* как

элементарные компоненты научной деятельности, конституирующие основные когнитивные операции социального взаимодействия, предполагаю-

щие наличие *согласия* или *несогласия* (между индивидами, вещами, а также вещами и индивидами) в отношении используемых понятий и идентификаций. Понятие *креативности* является продуктом соглашения, ориентированного на определенные ценности конкретного мира со своими критериями оценки справедливости, принципами формулирования суждения о ней. Существенная проблема современной действительности заключается в том, что данный мир вступает во взаимодействие со множеством иных миров, ориентирующихся на альтернативные ценности. Вопрос, который волнует социологов, касается возможности нахождения и оправдания общих ценностей, достижения согласия в отношении их статуса и права на легитимное признание в качестве таковых. Они сравнивают современную версию практического разума (др.-греч. φρόνησις) с императивом оправдания общего блага, исходя из понимания того, какие операции квалификации людей и вещей признаются легитимными в мире, где ведется дискуссия. Подобно новоевропейским учебникам по этикету поведения в светском обществе для достижения общего блага (Б. Кастильоне «Придворный», Б. Грасиан «Остроумие, или Искусство изощренного ума»), выстраиваются сегодняшние практические руководства по успешному ведению бизнеса и политических переговоров [17, р. 148–151].

Однако даже в рамках одного мира существует множество различных *режимов* практического вовлечения в него, детерминированных некой ориентацией на конкретное видение общего блага (не всегда совпадающее с идеалом общей человечности, но подвергающееся испытанию ею в каждой новой ситуации). Одним из таких режимов является *режим оправдания* в формате публичных обоснований, вырабатываемых в некоторой системе ценностей («порядке величия» [17, р. 74]), претендующей на публичную легитимность. В этом контексте возникает закономерный вопрос о возможности оправдать креативность как универсальную ценность, выходя за рамки «мира вдохновения» [17, р. 159], не подвергающего очевидность данного высказывания сомнению. Л. Болтански и Л. Тевено допускают, что претензия креативности на легитимный статус может быть опровергнута не только в других ценностных мирах, но и в том же мире, исходя из видения альтернативных режимов оправдания определенной «формы величия» [17, р. 83]. Однако с таким оптимистичным видением перспектив выхода за рамки порочного круга мира креативности мог бы не согласиться тот, кто обосновывает детерминированность всех миров позднего модерна социальным *диспозитивом* креативности в *режиме* обостряющейся ориентации на нечто новое.

Немецкий социолог А. Реквитц, будучи вовлеченным в дискуссию французской школы прагма-

тической социологии, предлагает ввести в научный оборот термин «социальный режим эстетической новизны» [2, р. 9], обозначая им «модус структурирования» [2, р. 25] характеристик позднего модерна, определяющих облик социальной действительности.

Рассмотрим основополагающую структурную характеристику позднего модерна – «новизну» [2, р. 25]. Ее современный идеал ассоциируется не столько с прогрессом, сколько с чувством времени, которое отличает настоящее от прошлого и будущего. Былая оппозиция *новое – старое* заменяется циклами воспроизводства новизны в форме настроенности на восприятие многообразия форм того же самого. Этот режим новизны предполагает наличие особой чувствительности к многообразию проявлений повторения того же самого. Его феноменальная данность во временной перспективе замещает былую оппозицию старого и нового категориями «другое» и «одинаковое» [2, р. 25]. Социальный срез анализа демонстрирует новое как расходящееся с нормативным ожиданием, но при этом именно «социальные критерии диктуют, какая новизна является ценной и какая не является таковой» [2, р. 25]. Поэтому даже расходящееся с нормативным видением подчиняется управлению и контролю с помощью социальной диагностики ценностного поля современного общества.

Стоит заметить, что в теории А. Реквитца трактовка социального предполагает принятие категорий должного и допустимого в обществе, т. е. этическую валидность и верифицируемость сущности социального в конкретных социальных действиях, ситуациях и событиях. Чтобы продемонстрировать, каким образом валидное высказывание может быть неоправданным, приведем пример переименования одной из должностей в Еврокомиссии в 2019 г.: председатель Европейской комиссии У. фон дер Ляйен предложила переименовать должность еврокомиссара по вопросам миграции, внутренних дел и гражданства и обозначить ее менее официальным, более понятным для большинства европейцев и ценностно нагруженным концептом – еврокомиссар «по защите европейского образа жизни». Валидные аргументы У. фон дер Ляйен были признаны неоправданными в ценностном поле институтов ЕС и подвергнуты резкой критике [18].

А. Реквитц выделяет три современных режима, т. е. «три модуса структурирования фокуса на новизне» [2, р. 25]: новое как сцена, новое как вытеснение и вытеснение, новое как стимуляция. Эти три режима в качестве модусов структурирования действительности соответствуют трем моделям современного общества: современность как совершенствование, современность как прогресс, эстетическая современность [2, р. 26].

Возрастающая со второй половины XX в. ориентация на ценность креативности подкрепляется

данными эмпирических исследований ценностных предпочтений различных поколений [1; 2; 7]. Эта тенденция проявляется в исчезновении условных критериев различия профессиональной и частной жизни. Последняя рассматривается как художественное произведение, создаваемое с помощью выбора в пользу так называемой креативной профессии.

Возникает иллюзия некоего ценностного поворота, повлекшего за собой структурные изменения в обществе. Х. Йоас полагает, что для воплощения в реальности обозначенных новых ценностей должны быть определенные структурные условия. Например, уменьшение количества рабочего времени, более высокий уровень формального образования, трудоустройство женщин, командная самоорганизация, наличие гибких связей между карьерной работой и другими видами деятельности. С помощью обновленной инфраструктуры мы создаем определенный шаблон для «дизайна автобиографий» [7, р. 253] личности, для ее форматирования. Вместе с частичным разрушением или существенным видоизменением старых ценностей появляются новые формы социальной дискриминации, хотя и подразумевается сохранение ориентации на государство всеобщего благосостояния.

В раскрытии специфических черт современной социальной реальности сложно обойтись без идеи самореализации творческого индивида. Огромную роль в этом контексте играет концепт «индивидуализация» [7, р. 254]. Он определяет развитие современного публичного пространства и его дискурса. Индивидуализация – процесс все возрастающего обоснования собственной жизни с помощью ценности личной автономии. Вместе с тем появляется страх перед аномией, страх утратить общественные связи между ценностными системами. «Но анонимизация не есть следствие автономизации» [7, р. 253]. Если вся проблема в индивидуализации, то необходимо установить для нее «нормативные ограничения» [7, р. 254].

Однако не все социологи соглашались с такой точкой зрения. В отличие от Х. Йоаса, А. Реквитц утверждает, что общество позднего модерна характеризуется все в большей степени не столько процессами индивидуализации, сколько сингуляризации [1, S. 181–272]. Если прежде сингулярность казалась чем-то «антисоциальным» или «предсоциальным», то уже «в позднем модерне сингулярности, напротив, есть то, вокруг чего вращается социальное» [1, S. 13]. Использование понятия «сингулярность» в социологии А. Реквитца во многом инспирировано работами американского специалиста по культурной антропологии И. Копытоффа и французского социолога Л. Карпика. Для него сингулярность – «сущее, которое в рамках социальных практик воспринимается и оценивается, производится и используется как особенное» [1, S. 50–51]. Здесь

следует прояснить отличие логики особенного от логики сингулярностей. В рамках ситуации *модерна* особенное работает в связке с общим и постоянно отсылает к нему для прояснения своей сути. В эпоху *позднего модерна* особенное воспринимается как «единственное в своем роде» (*einzigartig* [1, S. 51]), подлежащее сертификации вне противопоставления его общему.

А. Реквитц исследует типы социальной логики, сформированные на протяжении XIX–XXI вв. различными типами экономических взаимоотношений. В индустриальном обществе доминировала «экономика индустриального общего» [1, S. 15], в постиндустриальном обществе 1970-х гг. – «экономика культурного особенного» [1, S. 113]. Но с 1980-х гг. в обществе позднего модерна она постепенно перерождается в «креативную экономику сингулярностей» [1, S. 111]. Для раскрытия специфики «социальной логики сингулярностей» [1, S. 13] в XXI в. А. Реквитц проводит генеалогический анализ феномена социальной сингулярности и демонстрирует, каким образом он выходит за рамки оппозиции *общее – особенное*. «Революция аутентичности» [1, S. 19] среди представителей сегодняшнего среднего класса порождает новый тип социально-культурного опыта, ориентированного на *единственное и исключительное*, характеризующееся своей собственной сложностью и глубиной трактовки, доступной для понимания другими, но не сводящейся к языку здравого смысла. При этом следует отметить, что в таком обществе процессы «десингуляризации» [1, S. 14] также имеют место, но они остаются зависимыми от процессов сингуляризации, формирующих облик современности.

Два основных недостатка понятия «индивидуализм», согласно А. Реквитцу [1, S. 57]: во-первых, оно является слишком многозначным, во-вторых, характеризует преимущественно людей. Однако сущее сингулярностей включает в себя вместе с индивидами и коллективами также и неодушевленные объекты, пространства и времена.

Чтобы более детально сопоставить взгляды двух социологов на обозначенную проблему, вернемся к теории Х. Йоаса и рассмотрим преимущества использования понятия «индивидуализм» в конце XX в. для диагностирования характерного для общества того времени состояния. Конфликт между утилитаристским и экспрессивным индивидуализмом обусловлен историческими обстоятельствами. Сам конфликт вторичен по отношению к всеобъемлющей креативности, укорененной в индивиде. Здесь Х. Йоас истолковывает суть всеобъемлющей креативности в терминах гуманистической психологии А. Маслоу, различая первичную (высвобождение воображения и фантазии), вторичную (рациональное производство нового) и интегрированную креативность (переоценка первичной креативности, исходя из вторичной). В понятии

интегрированной креативности «открытость самоартикуляции» соединяется с «ответственностью самоконтроля» [7, р. 255].

Современная теория действия, с точки зрения Х. Йоаса, должна акцентировать роль интегрированной креативности в обществе. Тогда мы увидим, что приход автономной личности не был достигнут ценой моральной регрессии. Хотя немецкий социолог не отрицает факт существования коммерческой креативности в формах «подавленной креативности» [7, р. 255]. В целях выявления оснований ее развития он обращается к понятиям «участие», «яппификация» и «насилие», демонстрируя многообразие форм *подавленной креативности*.

Понятие «участие» обозначает «жажду публичной, осязаемой социальности и серьезной креативности в рамках сообщества» [7, р. 255]. Эта жажда развивается в направлении приватизации. Участвуя в жизни современного демократического общества, индивид испытывает в одно и то же время свои рациональные интересы, моральные обязательства и креативную самореализацию. Участие – «практическая форма интегрированной креативности, если только она не преследует исключительно собственные материальные интересы или нормативное обязательство вне связи с самореализацией, осуществляемой в публичной сфере» [7, р. 256]. Сегодня есть опасность инструментализации участия сугубо для самореализации. Участие не может быть приватизировано и превратиться в синоним успешной жизни. Поэтому нельзя забывать, что на вопрос о значимой жизни можно попытаться ответить лишь «в терминах публичного и политического действия» [7, р. 256]. Должен соблюдаться баланс различных модусов действия.

Понятие «яппификация» отражает «замалчивание напряжения между нормативностью и креативностью, которое произрастает из радикальной потери морали, присущей утилитаризму и экспрессивному индивидуализму» [7, р. 256]. Понятие «яппи» входит в повседневный оборот в середине 1980-х гг. и обозначает «тип личности, которая не ощущает мучения совести, будь то в процессе напряженного использования средств, сулящих деловой и карьерный успех, или в наслаждении красотой роскоши и получении удовольствия от своего стиля жизни и досуга» [7, р. 256]. Жажда новизны лишь ради новизны, карьеризм, денежная жадность, показное потребление, потворство своим желаниям – все это признаки нового стиля жизни, который не поддается универсальному обоснованию или оправданию.

Сегодня поколение «яппи» сменяется поколением «якки» (*yuccies* от англ. *young urban creatives* – молодые креативные горожане), иногда обозначаемых как «маппи» (*muppies* от англ. *mature urban professionals*, *millennial yuppies* – миллениалы-яппи) и «бобо» (*bobo* от фр. *bourgeois bohemian* – богемная

буржуазия). Последнее понятие часто используется в теории креативного класса (Р. Флорида), но ввел его в широкий научный и повседневный оборот американский социолог Д. Брукс. В 2000 г. он опубликовал книгу «Бобо в раю: откуда берется новая элита» и обозначил понятием «бобо» новую элиту информационной эпохи, раскрыв специфические черты ее стиля жизни.

Само существование множества стилей жизни и толерантность по отношению к этому множеству не могут заменить универсальное обоснование их притязания на значимость. То, что они разделяются определенной группой людей, еще не значит, что они валидны для других. А такое притязание на *универсальную валидность* для других, согласно Х. Йоасу, должно присутствовать. Иначе «культурная инновация» деградирует до уровня «приватно формирующихся культурных анклавов» [7, р. 256], а публичная сфера превратится в пространство навязывания чьих-то принципов.

Напряжение и механизмы сдерживания в определенных рамках должны сохраняться. Без них креативный потенциал не будет должным образом использован. Опыт *Другого* – важная провокация. Не может быть абсолютного консенсуса даже в отношении принятия многообразия стилей жизни. Здесь Х. Йоас переходит к анализу понятия «насилие» (индивидуальное и коллективное), обозначающего «выражение барьеров интегральной креативности» [7, р. 257]. Всегда есть вероятность, что часть креативности не окажется значимой для *Другого* и будет отрицаться в качестве таковой, порождая беспокойство и насилие против других. Х. Йоас предупреждает, что должны устанавливаться пределы принятия межкультурной и либеральной эйфории. Без них в современной Германии вместе с обострением проблемы ксенофобии и расизма наблюдается одновременно и рост насилия со стороны так называемых автономов [7, р. 257].

Рассуждая о взаимосвязи креативности и деструктивности, об опыте приверженности ценностям и его травматичности, Х. Йоас отмечает, что испытал влияние рассуждений американского философа Р. Рорти об унижении: «Это послужило отправной точкой для моих исследований на тему насилия и его последствий, где я попытался раскрыть такие явления, как эйфоризирующее воздействие насилия и изменение идентичности после опыта применения или переживания насилия» [16, с. 234].

Немецкий социолог допускает, что кто-то упрекнет его за нормативный пафос. Он отвечает критикам, что «даже понятие “интегрированной креативности” не является ценностно нейтральным» [7, р. 257]. Необходимо пересмотреть основания морали и нормативности в ситуации, когда идея креативности задает направление развития индивида и общества.

Ссылаясь на Ф. Ницше и его критику христианских ценностей и призывая к открытию подлинной морали, он рассматривает всю парадоксальность современной ситуации, когда креативность не может быть лишена моральных оснований, и в то же время требует дистанции по отношению к ним. В результате центральный вопрос, на который Х. Йоасу не удастся ответить в своей теории, переадресован теории морали как вопрос о субстанции морали, укорененной в креативности. И чтобы ответить на него, теория морали вынуждена посмотреть на предмет собственного исследования с точки зрения теории креативности действия.

Здесь встречаются две концепции креативности. Одна из них раскрывается в эстетизации жизни (М. Фуко, Ж.-Ф. Лиотар, Р. Рорти). Однобокая трактовка эстетического приводит к обесцениванию стиля жизни. Вторая (романтизм, постмодернизм) демонстрирует непреодолимое напряжение между креативностью и нормативностью. На нас возлагается ответственность за тот социальный порядок, который мы хотим и должны создавать для самих себя. Без каких-либо метасоциальных гарантий установления и сохранения порядка мы вынуждены принять креативность человеческого действия в современном обществе.

Переход Х. Йоаса от теории действия к явно артикулированной теории ценностей обозначен уже в четвертой главе «Креативности действия» [7]. Однако в этой работе ему не удастся ответить на ключевой вопрос: «Каким образом нормативность может быть укоренена в креативности, и в какой мере последняя допускает принятие определенных социально обозначенных границ ее реализации?»

Для получения ответа необходимо детально исследовать сам процесс появления новых ценностей, их установления в публичной сфере в качестве значимых. Х. Йоас отвергает возможность принятия постмодернистских версий обоснования бесконечного многообразия стилей жизни и их ценностных миров. Констатируя увеличение числа столкновений в Германии того времени на почве ксенофобии и расизма, немецкий социолог ищет выход в универсальном обосновании креативного действия в ситуационно обусловленных нормативных границах. Эта задача реализуется в его последующих трудах.

Принять такого рода аксиологическую трактовку удастся только при раскрытии *ценностной* природы креативности. Она не является ценностью нейтральной, так как всегда и везде представляет собой проявление человеческого действия, а последнее всегда укоренено в конкретной ситуации, которая, в свою очередь, не мыслима вне этоса. Укорененность в ценностной ситуации допускает случайность. Но данное допущение случайности универсально.

Индивид допускает случайность в той мере, в какой она допустима. И здесь в самой контингентности проявляется ее универсальная валидность для других. Мера допустимости креативности конкретного действия определяется множеством ситуаций, через которые мы успеваем пройти на протяжении жизни. Сталкиваясь с различными жизненными опытами, исходя из собственных стилей жизни, мы демонстрируем притязание на креативность, обозначая его на карте уже существующего публичного поля, фиксирующего приемлемый стиль жизни на языке здравого смысла.

Социология страдания в эпоху креативности

Проявление человеческой креативности всегда связано с преодолением неких установленных извне и изнутри границ личности, со стремлением преодолеть саму себя в том виде, в каком ее привыкли воспринимать. Такого рода преодоление является преимущественно болезненным процессом. Подлинно творческий процесс всегда сопровождается мучениями и борьбой с собственным несовершенством, работой над своими и чужими недостатками. Достаточно сложно представить творческую личность вне ее страдания и сострадания в отношении *Другого*, вне ее чувствительности к окружающему миру.

Но сегодняшней социологический дискурс креативности достаточно часто пытается скрыть эту темную сторону под видом удовольствия и удовлетворения от некой иллюзорной самореализации в (вос)производстве нового. Не столь важно, насколько новым окажется продукт творчества, для креативного класса важнее сама *установка на новое*. Создание соответствующих условий для

этой «бесконечно позитивной» [2, р. 212] настроенности на новое отнимает большую часть времени и ресурсов обслуживающих креативный класс индивидов. Падение инновационной производительности часто объясняется неспособностью создать соответствующую атмосферу, располагающую к оригинальному взгляду на сложившийся порядок вещей. Обеспечение данной атмосферы – одна из основных задач современной культурной и социально-экономической политики. Построение специальной инфраструктуры социальных институтов призвано сократить издержки инновационного производства с помощью компетентных аниматоров депрессивных регионов. При этом сами аниматоры оказываются зачастую лишними людьми в цифровой экономике будущего: «Мы можем видеть, как функции ценности отделяются, воспаряют и уносятся прочь от чисто человеческих оценок ресурсов. Это последняя переоценка ценностей, которую совершает автономный, самоисполняющийся код, работающий в распределен-

ной глобальной сети вычислительных устройств» [19, с. 244].

Существенные вопросы, которые не должны выпадать из поля рассмотрения социолога, диагностирующего состояние современной социальной реальности, касаются в том числе и природы человеческой чувствительности к боли, переживаемой другим индивидом, вблизи и на расстоянии, в экстазе творчества и в тупике бесплодной деятельности. Этическая и аксиологическая составляющие не должны исчезать из поля социологического исследования. Что такое *общественно значимая боль* в ситуации позднего модерна? Чем она оправдывается и как фальсифицируется? Какой вид индивидуальной боли в этом обществе является валидным? В каких формах возможно выносить суждение о ней в публичном пространстве современного общества? Насколько страдание личности или сообщества поддается оценке в категориях допустимого и приемлемого в креативном обществе? Какое страдание является морально допустимым в публичном пространстве позднего модерна? Какие обязательства мы способны и должны принять на себя в ситуации созерцания чужого страдания, вблизи и на расстоянии в XXI в.?

Все эти вопросы в той или иной мере затрагиваются Л. Болтански в работе «Страдание на расстоянии. Гуманитарная мораль, СМИ и политика» (1993). Главная задача данного исследования – прояснить содержание дебатов о гуманитарном действии, обращаясь к дискуссиям, вводящим в контекст политики *аргумент сострадания*. Л. Болтански верит в силу публичной речи, оказывающейся тем самым действием, в котором мы занимаем позицию принятия определенных обязательств в отношении увиденного и испытанного. Эта речь не должна сводиться к политической программе или форме эстетически привлекательного произведения искусства. Она является действием во благо страждущего в той мере, в какой мы способны как вписывать ее в систему универсальных ценностей, так и подпитывать ее конкретными личными переживаниями определенной ситуации сквозь призму индивидуального опыта, сохраняющего связь с реальностью. Только при сохранении этой связи преодолевается опасность превращения созерцания чужого страдания в спектакль. Сохраняя такого рода надежду, Л. Болтански не спешит вслед за Ж. Липовецким констатировать пришествие «постморалистского общества» с его «милосердием СМИ» [20, р. 179], венчающим доставляемое удовольствие и предполагаемые благие намерения в возможном развлечении зрителя.

Боль лишает нас способности думать. Немецкий философ Х. Арендт рассматривает боль в качестве приватнейшего из всех видов опыта, который не поддается отражению в сфере публичного [21, с. 66–67]. В точке боли нет возможности вы-

строить мост между субъектом и внешним миром. Это «граничная ситуация» [21, с. 67]. Есть вещи, не выдерживающие блеска публичности. Что может быть названо в качестве такой вещи в современном обществе?

Новая форма предельной боли в креативном обществе – неприятие ограниченности времени, ресурсов и перспектив самореализации. Императив креативности заставляет пересмотреть морально-нравственные основания развития индивида в обществе, где личность жертвует множеством значимых социальных отношений ради конституирования собственной жизни как произведения искусства. В результате наше поколение уже не успевает заботиться даже о самых близких: индустрия заботы призвана выполнить эту функцию за нас [3]. Индустрия заботы с ее политикой инклюзивности призвана сделать больных и старых незаметно приемлемыми для публичного пространства. Вспоминая слова И. В. фон Гёте о том, что старение – это «постепенное отступление из явленности» [21, с. 67], можно найти красивое оправдание нашему стремлению убежать от стариков и больных, сдать их на попечение специальной системе социальных институтов, призванных разделить с нами ответственность за благополучие людей с ограниченными возможностями. По мере увеличения количества пенсионеров на душу работающего населения Европы возрастает и число аргументов, оправдывающих осознанный отказ от сопереживания чужой боли в ежедневном уходе за людьми, которых можно было бы назвать близкими в собственном проекте самореализации. У представителей креативного класса достаточно средств, чтобы снять с себя ответственность за этот отказ с помощью социального страхования. Но в этом случае креативный класс вынужден признать свою уязвимость без надежды на спасение категории «социальное», оказавшейся на какое-то время в плену креативного.

В обществе позднего модерна появляется новый тип страдания, выставляемого на показ в публичном пространстве для демонстрации собственной исключительности и уязвимости. Целое поколение популярных среди молодежи фигур публично озвучивают свои «уникальные» диагнозы и повествуют о буднях жизни с тем или иным болезненным синдромом: шведская эоактивистка Г. Тунберг признается в наличии у нее синдрома Аспергера [22], американская певица Билли Айлиш рассказывает о жизни с синдромом Туретта [23], американская супермодель Джиджи Хадид публично заявляет о том, что страдает от редкого заболевания щитовидной железы [24], американская певица Леди Гага признается, что страдает от хронической фибромиалгии [25], американская певица Лана Дель Рей повествует о своей длительной борьбе с разрушающей ее «мистической болезнью», с которой не может справиться ни один врач [26], американская певица

Селена Гомес раскрыла свой опыт борьбы с редкой разновидностью волчанки [27]. Если в XX в. знаменитость стремилась продемонстрировать идеал образа жизни, характеризующегося избытком «красоты, сексуальности, театральности, богатства, динамизма, славы, движения и досуга» [28, р. 6], то в XXI в. все в большей степени культивируется ущербность и неполнокровность как часть политики инклюзивности. Эта политика предполагает как возможность превращения человека с ограниченными возможностями в успешную модель, так и в равной степени вероятность обнаружения у кажущейся здоровой знаменитости ряда физических и психических недостатков, проблематизирующих подведение ее образа под категорию нормальности. Современная индустрия славы лишает своих субъектов атрибутов естественности и правильности. Постепенно расширяя границы, она начинает использоваться в качестве граффити для формирования личных автобиографий каждого индивида. В мире социальных сетей слава оказывается доступной каждому в той мере, в какой он способен разрушить свой мир приватности. Немецкий историк искусства и художественный критик И. Грав в работе «Высокая цена: искусство между рынком и культурой знаменитости» (2008) констатирует превращение мира в «один большой подиум, по которому идет на работу жизнь» [29, с. 198]. В этом

мире тотальной рыночной театрализации жизни с помощью культурных индустрий «различие между публичной и частной идентичностью стирается» [29, с. 195]. Сегодня боль перестает быть интимной, она становится публичной. Современная культура пытается обнажить нервную систему личности, продемонстрировать ее утонченную чувствительность к окружающему миру и предельную ранимость.

В этом контексте возникает вопрос, каким образом возможно сохранить сакральность боли в интимном пространстве. А. Реквигц подчеркивает необходимость развести *эстетическое* и *социальное*, так как эстетизация боли приводит к ее обезличиванию. Достаточно сложно представить дискуссию, в которой предметом обсуждения окажется правомерность выражения страдания 16-летнего подростка в публичном пространстве [30]. Однако такого рода жесткие дебаты имеют место быть в современном обществе ввиду превращения страдания ребенка в политический «патетический спектакль» [31]. Публичная культивация боли, шествуя по пути от визуализации страстей Христовых в европейском искусстве до современной политики сострадания, достаточно часто использует детей на передовых политических движениях, превращая живых и страдающих в символы умиловивления судящих чистотой и наивностью.

Заключение

Все возрастающая со второй половины XX в. экспансия креативности в качестве неотъемлемого атрибута современной личности и поглощение всех сфер жизни ее императивом превращают социальную действительность в рудимент креативной сферы самореализации самотворящей сингулярности. Доминантная мотивация к действию определяется универсальным диспозитивом креативности, вписанным в социальный режим производства нового или кажущегося таковым. В данных условиях возникает потребность самоограничения креативности с помощью реабилитации социального в нормативно-ценностном поле жизни че-

ловека в сообществе с другими индивидами. Выявление аксиологических и этических аспектов эстетизации социального призвано обеспечить возможность вынесения оценочного суждения и его верификации с точки зрения социетального измерения действительности в категориях укорененной в определенной традиции и культуре мысли, оправдываемой мирной жизнью в диалоге духовных традиций. В этом контексте социология страдания становится непосредственным участником дискуссии вокруг вопроса о приемлемых формах воплощения креативности в публичной сфере.

Библиографические ссылки

1. Reckwitz A. *Die Gesellschaft der Singularitäten: Zum Strukturwandel der Moderne*. Berlin: Suhrkamp; 2017. 480 S.
2. Reckwitz A. *The invention of creativity*. Cambridge: Polity Press; 2017. 310 p.
3. Andreas Reckwitz: Digitalisation and society of singularities (video). *Alexander von Humboldt Institut für Internet und Gesellschaft*. 2018 December 25 [Internet; cited 2019 September 28]. Available from: https://www.youtube.com/watch?v=7Wix2PGkl_4.
4. Urry J. *Sociology beyond societies: mobilities for the twenty-first century*. London: Routledge; 2000. 255 p.
5. Урри Дж. *Как выглядит будущее?* Москва: Дело; 2018. 320 с.
6. Nelson C. The invention of creativity: the emergence of a discourse. *Cultural Studies Review*. 2010;16(2):49–74.
7. Joas H. *The Creativity of action*. Chicago: University of Chicago Press; 1996. 336 p.
8. Мацевич-Духан ИЯ. Понятие креативности в западной культуре. *Научные труды Республиканского института высшей школы. Философско-гуманитарные науки: сборник научных статей*. 2019;18:392–400.
9. Бердяев НА. *Кризис искусства*. Москва: Интерпринт; 1990. 48 с.
10. Wallas G. *The Great Society. A psychological analysis*. London: Macmillan and Co; 1914. 406 p.

11. Dewey J. Creative democracy – the task before us. In: Boydston JA, editor. *John Dewey: the later works, 1925–1953. Volume 14*. Carbondale: Southern Illinois University Press; 1988. p. 224–230.
12. Schoenwald J. *A time for choosing: the rise of modern American conservatism*. Oxford: OUP; 2002. 352 p.
13. Мацевич-Духан ИЯ. Концепция «великого сообщества» в философии XX века. *Философские исследования*. 2019; 6:107–118.
14. Joas H. *Pragmatism and social theory*. Chicago: University of Chicago Press; 1993. 280 p.
15. Лэндри Ч. *Креативный город*. Москва: Классика-XXI; 2005. 397 с.
16. Йоас Х. *Возникновение ценностей*. Санкт-Петербург: Алетейя; 2013. 312 с.
17. Boltanski L, Thévenot L. *On justification: economies of worth*. Princeton: Princeton University Press; 2006. 400 p.
18. Stevis-Gridneff M. «Protecting our European way of life»? Outrage follows new E.U. role. *The New York Times*. 2019 September 12. [Internet; cited 2019 September 28]. Available from: <https://www.nytimes.com/2019/09/12/world/europe/eu-ursula-von-der-leyen-migration.html>.
19. Гринфилд А. *Радикальные технологии. Устройство повседневной жизни*. Москва: Дело; 2018. 424 с.
20. Boltanski L. *Distant suffering. Morality, media and politics*. Cambridge: CUP; 2008. 268 p.
21. Арендт Х. *Vita activa, или О деятельной жизни*. Москва: Ад Маргинем Пресс; 2017. 415 с.
22. Hook L. Greta Thunberg: «All my life I've been the invisible girl». *The Financial Times*. 2019 February 22. [Internet; cited 2019 September 28]. Available from: <https://www.ft.com/content/4df1b9e6-34fb-11e9-bd3a-8b2a211d90d5>.
23. Daly R. Billie Eilish discusses living with Tourette syndrome: «The internet hasn't really seen the bad tics». *NME*. 2019 March 6. [Internet; cited 2019 September 28]. Available from: <https://www.nme.com/news/music/billie-eilish-discusses-living-tourette-syndrome-2458021>.
24. Brooke B. Gigi Hadid slams body shamers by revealing she suffers from Thyroid Disease. *Vogue*. 2018 February 12. [Internet; cited 2019 September 28]. Available from: <https://www.vogue.com/article/gigi-hadid-hashimotos-disease-weight-gain-loss-health-new-york-fashion-week-twitter>.
25. Lady Gaga reveals chronic illness, with fibromyalgia featuring in her new documentary. *BBC*. 2017 September 13. [Internet; cited 2019 September 28]. Available from: <http://www.bbc.co.uk/newsbeat/article/41250806/lady-gaga-reveals-chronic-illness-with-fibromyalgia-featuring-in-her-new-documentary>.
26. Boardman M. Lana Del Rey explains her onstage meltdown, reveals devastating mystery illness. *Us Weekly*. 2014 June 6. [Internet; cited 2019 September 28]. Available from: <https://www.usmagazine.com/celebrity-news/news/lana-del-rey-had-mystery-illness-says-she-doesnt-care-about-herself-201466/>.
27. Kounang N. Selena Gomez's disease: what is lupus? *CNN*. 2016 August 31. [Internet; cited 2019 September 28]. Available from: <https://edition.cnn.com/2015/10/08/health/selena-gomez-reveals-she-has-lupus/index.html>.
28. Gundle St. *Glamour. A history*. Oxford: OUP; 2008. 472 p.
29. Грав И. *Высокая цена: искусство между рынком и культурой знаменитости*. Москва: Ад Маргинем Пресс; 2016. 288 с.
30. Baggini J. Greta Thunberg's attackers are morally bankrupt, but her deification isn't helpful. *The Guardian*. 2019 August 19. [Internet; cited 2019 September 28]. Available from: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2019/aug/19/greta-thunberg-attackers-climate-crisis-activist>.
31. Stelhi JS. Face à Greta Thunberg, l'arrière-garde ricane pour les autres mâles blancs. *Le Figaro*. 2019 September 25. [Internet; cited 2019 September 28]. Available from: <http://madame.lefigaro.fr/societe/face-a-greta-thunberg-larriere-garde-ricane-pour-les-autres-males-blancs-250919-167202>.

References

1. Reckwitz A. *Die Gesellschaft der Singularitäten: Zum Strukturwandel der Moderne*. Berlin: Suhrkamp; 2017. 480 S.
2. Reckwitz A. *The invention of creativity*. Cambridge: Polity Press; 2017. 310 p.
3. Andreas Reckwitz: Digitalisation and society of singularities (video). *Alexander von Humboldt Institut für Internet und Gesellschaft*. 2018 December 25 [Internet; cited 2019 September 28]. Available from: https://www.youtube.com/watch?v=7Wix2PGkl_4.
4. Urry J. *Sociology beyond societies: mobilities for the twenty-first century*. London: Routledge; 2000. 255 p.
5. Urry J. *Kak vyglyadit budushchee?* [What is the future?]. Moscow: Delo; 2018. 320 p. Russian.
6. Nelson C. The invention of creativity: the emergence of a discourse. *Cultural Studies Review*. 2010;16(2):49–74.
7. Joas H. *The creativity of action*. Chicago: University of Chicago Press; 1996. 336 p.
8. Matsevich-Dukhan IJa. The notion of creativity in Western culture. *Nauchnye trudy Respublikanskogo instituta vysshei shkoly. Filosofsko-gumanitarnye nauki: sbornik nauchnykh statei*. 2019;18:392–400. Russian.
9. Berdyaev NA. *Krizis iskusstva* [The crisis of art]. Moscow: Interprint; 1990. 48 p. Russian
10. Wallas G. *The Great Society. A psychological analysis*. London: Macmillan and Co; 1914. 406 p.
11. Dewey J. Creative democracy – the task before us. In: Boydston JA, editor. *John Dewey: the later works, 1925–1953. Volume 14*. Carbondale: Southern Illinois University Press; 1988. p. 224–230.
12. Schoenwald J. *A time for choosing: the rise of modern American conservatism*. Oxford: OUP; 2002. 352 p.
13. Matsevich-Dukhan IJa. The «great community» conception in early twentieth-century philosophy. *Philosophical studies*. 2019;6:107–118. Russian.
14. Joas H. *Pragmatism and social theory*. Chicago: University of Chicago Press; 1993. 280 p.
15. Landry Ch. *Kreativnyi gorod* [The creative city]. Moscow: Klassika-XXI; 2005. 397 p. Russian.
16. Joas H. *Vozniknovenie tsennostei* [The genesis of values]. Saint Petersburg: Aletia; 2013. 312 p. Russian.
17. Boltanski L, Thévenot L. *On justification: economies of worth*. Princeton: Princeton University Press; 2006. 400 p.
18. Stevis-Gridneff M. «Protecting our European way of life»? Outrage follows new E.U. role. *The New York Times*. 2019 September 12. [Internet; cited 2019 September 28]. Available from: <https://www.nytimes.com/2019/09/12/world/europe/eu-ursula-von-der-leyen-migration.html>.
19. Greenfield A. *Radikal'nye tekhnologii. Ustroistvo povsednevnoi zhizni* [Radical technologies: the design of everyday life]. Moscow: Delo; 2018. 424 p. Russian.

20. Boltanski L. *Distant suffering. Morality, media and politics*. Cambridge: CUP; 2008. 268 p.
21. Arendt H. *Vita activa, ili O deyatelnoi zhizni* [Vita Activa]. Moscow: Ad Marginem Press; 2017. 415 p. Russian.
22. Hook L. Greta Thunberg: «All my life I've been the invisible girl». *The Financial Times*. 2019 February 22. [Internet; cited 2019 September 28]. Available from: <https://www.ft.com/content/4df1b9e6-34fb-11e9-bd3a-8b2a211d90d5>.
23. Daly R. Billie Eilish discusses living with Tourette syndrome: «The internet hasn't really seen the bad tics». *NME*. 2019 March 6. [Internet; cited 2019 September 28]. Available from: <https://www.nme.com/news/music/billie-eilish-discusses-living-tourette-syndrome-2458021>.
24. Brooke B. Gigi Hadid slams body shamers by revealing she suffers from Thyroid Disease. *Vogue*. 2018 February 12. [Internet; cited 2019 September 28]. Available from: <https://www.vogue.com/article/gigi-hadid-hashimotos-disease-weight-gain-loss-health-new-york-fashion-week-twitter>.
25. Lady Gaga reveals chronic illness, with fibromyalgia featuring in her new documentary. *BBC*. 2017 September 13. [Internet; cited 2019 September 28]. Available from: <http://www.bbc.co.uk/newsbeat/article/41250806/lady-gaga-reveals-chronic-illness-with-fibromyalgia-featuring-in-her-new-documentary>.
26. Boardman M. Lana Del Rey explains her onstage meltdown, reveals devastating mystery illness. *Us Weekly*. 2014 June 6. [Internet; cited 2019 September 28]. Available from: <https://www.usmagazine.com/celebrity-news/news/lana-del-rey-had-mystery-illness-says-she-doesnt-care-about-herself-201466/>.
27. Kounang N. Selena Gomez's disease: what is lupus? *CNN*. 2016 August 31. [Internet; cited 2019 September 28]. Available from: <https://edition.cnn.com/2015/10/08/health/selena-gomez-reveals-she-has-lupus/index.html>.
28. Gundle St. *Glamour. A history*. Oxford: OUP; 2008. 472 p.
29. Grav I. *Vysokaya tsena: iskusstvo mezhdu rynkom i kulturoi znamenitosti* [High price: art between the market and celebrity culture]. Moscow: Ad Marginem Press; 2016. 288 p. Russian.
30. Baggini J. Greta Thunberg's attackers are morally bankrupt, but her deification isn't helpful. *The Guardian*. 2019 August 19. [Internet; cited 2019 September 28]. Available from: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2019/aug/19/greta-thunberg-attackers-climate-crisis-activist>.
31. Stelhi JS. Face à Greta Thunberg, l'arrière-garde ricane pour les autres mâles blancs. *Le Figaro*. 2019 September 25. [Internet; cited 2019 September 28]. Available from: <http://madame.lefigaro.fr/societe/face-a-greta-thunberg-larriere-garde-ricane-pour-les-autres-males-blancs-250919-167202>.

Статья поступила в редколлегию 02.10.2019.
Received by editorial board 02.10.2019.

КУЛЬТУРНОЕ ОДИНОЧЕСТВО КАК АТТРИБУТ СОВРЕМЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ

Э. Д. КОРКИЯ¹⁾

¹⁾Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
Ленинские горы, 1, 119991, г. Москва, Россия

Раскрывается многоликая природа и содержание феномена культурного одиночества как важного и противоречивого духовного состояния человека и социального явления. Систематизированы теоретико-методологические концепции одиночества; раскрыто понятие и сущность феномена «культурное одиночество». В ходе анализа продемонстрирована неоднозначность, сложность данного феномена и показана специфика проявления культурного одиночества в различных формах социальной практики.

Ключевые слова: атомарность; всеобщая апатия; деформированный характер личности; идентичность; культурное одиночество; культурная среда; массовизация; смысловое пространство; социальность; цивилизационная система.

CULTURAL LONELINESS AS ATTRIBUTE OF A MODERN CIVILIZATION SYSTEM

E. D. KORKIYA^a

^aLomonosov Moscow State University, 1 Leninskiye Gory, Moscow 119991, Russia

This article reveals the many-sided nature and content of the phenomenon of cultural loneliness as an important and contradictory spiritual state of a person and as a social phenomenon. The presented article systematizes the theoretical and methodological concepts of loneliness. The concept and essence of the phenomenon of «cultural loneliness» is revealed. In the course of the analysis, the ambiguity and complexity of this phenomenon were demonstrated and the specificity of the manifestation of cultural loneliness in various forms of social practice was shown.

Keywords: atomicity; general apathy; the deformed character of an individual; identity; cultural loneliness; cultural environment; massization; semantic space; sociality; civilization system.

Культурное одиночество, безусловно, несет в себе культурно-историческую ценность для современного общества. Оно ценно, поскольку предполагает момент творения. Это связано с тем, что в одиночестве личность формирует саму себя и творит культуру, создавая цельную систему норм и ценностей, включая произведения искусства.

Анализ проблемы культурного одиночества и рассмотрение феномена творца показывает, что,

безапелляционноверяясь социальным установкам, конкретное лицо утрачивает сущностное начало в виде эксклюзивного дара, представляющего собой «свободное благо». Кроме того, неизбежная потребность современников в саморефлексии и критичности мыслительного процесса позволяет сконструировать собственные мировоззренческие максимы и сформировать благоприятное пространство для проникновения образов интеграль-

Образец цитирования:

Коркия ЭД. Культурное одиночество как атрибут современной цивилизационной системы. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2019;4:35–39.

For citation:

Korkiya ED. Cultural loneliness as attribute of a modern civilization system. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2019;4:35–39. Russian.

Автор:

Эка Демурьевна Коркия – кандидат социологических наук; доцент кафедры социологии коммуникативных систем социологического факультета.

Author:

Eka D. Korkiya, PhD (sociology); associate professor at the department of sociology of communication system, faculty of sociology.
ekakorkiya@mail.ru

ного прогресса в область личностных когний [1, с. 198]. Обозначенная рекомендация не приведет к санкциям в формате изоляции при становлении коллективной сознательности и толерантности. При этом стоит подчеркнуть, что в феноменологическом плане окружающий мир интерпретируется субъективно, однако уникальное позиционирование, имеющее рациональный стержень, в силу аподиктических причин так и остается не артикулированным. В то же время человек, оставаясь социальным элементом, способен при помощи майевтики экстраполировать иной взгляд на членов коммуникативного поля, преобразовывая тем самым окружающую контекстуальность.

Указанные характеристики явились продуктами модернизационных процессов, деформировавших социальную реальность на протяжении столетий. Конверсия всех сфер общественной жизни затронула и глубинные структуры человеческой природы.

Информационно-коммуникационные технологии прямо и непосредственно воздействуют на повседневную жизнь человека, определяя специфику и качество его труда, быта, досуга, образа жизни и даже мышления. Развитие информационных технологий трансформирует всю структуру коммуникативного опыта человека [2, с. 34]. Анонимность, обусловленная развитием опосредованных форм человеческого общения, допускает неоднозначную идентификацию объектов коммуникации. С развитием информационных технологий значительно уменьшается число живых межличностных контактов. Между тем, как отмечают психологи, для нормального самочувствия человеку необходим постоянный контакт с другими представителями близкой по духу социальной среды. Человек, проводящий много времени в киберпространстве, отвыкает от реальной действительности и начинает бояться непосредственного общения с себе подобными. Происходящая под влиянием развития информационных технологий индивидуализация общества приводит к быстрой легитимации социального одиночества как наиболее адекватного воплощения образа жизни индивидуализированной личности [3, с. 17]. Под влиянием информационных технологий возникает «интерактивное» одиночество, складывающееся на базе повышенной включенности индивида в виртуальный мир киберсообщества. Его специфика заключается в вытеснении живых социальных контактов контактами виртуальными.

Проблема самоидентификации как достижения сознания самотождественности индивида получила теоретическое оформление еще у классиков марксизма в понятии «отчуждение», пришедшего из немецкой классической философии. Это понятие используется и в более поздних марксистских теориях для осмысления таких явлений капиталистического общества, как утрата непосредственности

человеческого бытия, искажение и раздробление Я в самопрезентации, создание ложных образов себя и др. В свою очередь, одну из передовых мыслей по данному вопросу высказывал Э. Фромм, представитель «радикального гуманизма», «гуманистического психоанализа». По воззрениям ученого, каждому типу производственных отношений соответствует определенная ориентация. Так, «продуктивной ориентацией... отмечен тот тип характера, для которого рост и развитие всех потенций человека являются той целью, которой подчинены все его усилия» [4, с. 297]; непродуктивные ориентации – рецептивная, эксплуататорская, накопительская, рыночная. Сущностной чертой последней является «глубинное отношение к себе и к другим людям как к товару, ценность которого определяется меновой стоимостью» [4, с. 285]. Следовательно, актуальная экономическая система катализирует не только продажу собственных характерологических индивидуальных особенностей, но и продуцирование значимых на «рынке личностей» черт.

И. Гоффман уделял особое внимание анализу способов адаптации к «сценарным» требованиям в целях получения выгод в процессе социальных взаимодействий. Актер, принимая ролевой диапазон, «маскируется», лишаясь объективных характеристик и растворяясь в пространстве ситуаций. Отсюда и метафора «спектакля», т. е. завораживающего «действия», которое стягивает к себе все взгляды и сознания, отдаляя «зрителей» друг от друга. Последние, в свою очередь, обеспечивают себе место в зале, внося свой вклад в процветание «общества потребления» [5, с. 92].

В указанном алгоритме одной из доминант является цифровая эпоха. Образы небытия, современные ценностные ориентиры, паттерны поведения, системы оценки и самооценки сообщаются «зрителям» изо дня в день по расписанию. Так, в сфере социологического анализа инициируется феномен опосредования образа Я, мимикрирующего в процессе публичного представления. Индивид начал ускользать от самого себя – и ему потребовались новые средства для самоуправления.

С наступлением цифровой эпохи, именуемой новым «спасителем», многие ответвления развивающегося кризиса получили инновационную платформу для форсированной интенсификации, в то время как представители человеческого рода не были готовы к столь кардинальным трансформациям [6, с. 23].

Интернет образует глобальное информационное пространство, служит физической основой для Всемирной паутины. В настоящее время интернет превратился в существенный фактор, влияющий на повседневность значительного числа людей. Интернет полифункционален: это не просто среда личностного и делового общения, но и во все большей степени

среда купли-продажи (электронной коммерции), а также развлечений. Вначале появление интернета способствовало увеличению количества одиноких. Виртуальное общение создало иллюзию насыщенной жизни, позволило реализовать себя в разных ипостасях, при этом отменив такой необходимый атрибут существования в обществе, как обязательство перед другими [7, с. 187]. Но в дальнейшем ситуация стала меняться в противоположную сторону. Количественные характеристики интернета перешли в качественные. В настоящее время возникает большое число самоорганизующихся сообществ. Многие интернет-сообщества носят конструктивный характер и нацелены на «оживление» интернет-пространства. Социокультурным следствием распространения информационных технологий становится возрастающее значение коммуникативности при изменении ее форм, опривычивание новых способов трудовой деятельности, досуга и новых методов поиска информации. Преодолеть одиночество помогают специальные клубы для общения, функционирующие в интернете. Люди с разнообразными интересами могут воспользоваться большим выбором порталов, например, чатами для подростков, бесплатными знакомствами [8, с. 81]. Благодаря интернету гораздо проще отыскать приятного собеседника для переписки, настоящую любовь или верного друга.

Примерно полвека назад телекоммуникационная революция дала старт многим процессам, зреющим уже несколько десятилетий. Экстраординарный уровень включенности аудитории в среду телевидения как массмедиа предоставил возможность для оформления единого информационного поля и возникновения всеобщего коммуникативного субстрата [9, с. 50]. Наблюдается крушение устоявшихся структур и становление совершенно нового, чрезвычайно подвижного социального контекста.

Индустриальное трансформируется в информационно-коммуникативное, что неоспоримо влечет за собой ряд последствий. В период транзита, когда индивид еще не выработал иммунитет к современным моделям поведения и способам общения, фрустрация окутывала социальную общность. Наименее приспособленные впадали в сомнамбулическое состояние, влияние которого наблюдается и сегодня. Все описанное – проявление затянувшегося процесса адаптации к нововведениям в нормативно-ролевом комплексе и к структурно реорганизованной действительности [10, с. 91]. В связи с самопровозглашением культа информации и знаний кадры стали покидать производственные отрасли и «оккупировать» сервисный сектор экономики; последовал логичный перевес в сторону сферы услуг. Состояние эквilibriumа окончательно приобрело статус недостижимого.

В XXI в. сфера влияния традиционных религиозных систем попирается современными формами,

однако алгоритм социализации не подвергся деформации извне. Следовательно, при неизменной обрядовой смысловой нагрузке модернизируются собственно акты. Из этого логично следует тот факт, что СМИ сегодня – ритуальное явление «индустриальной религии современности» [11, с. 18]. Попадая в зону потребления информации, зритель аккумулирует ее порционно. Так, он воспринимает спектр ролевых моделей поведения, ценностей, идеалов и норм. Осуществляя своего рода селекцию, индивид ради удовлетворения собственных интересов реализует определенные паттерны поведения.

Метамедиум задает социуму перцептивную модель, которая диктует «воспринимающим импульсы», как должен отражаться в них полученный материал. Таким образом фиксируется тотальное воздействие на человеческое сознание.

Подчиняя природу, человек создает искусственную среду обитания, которая впоследствии наделяется силой и становится способной управлять толпой. Возникшее технологическое общество использует «индустрию культуры», которая унифицирует сознание и бытие [12, с. 260]. Она представляет собой машину по производству стандартизированных продуктов в сфере искусства; являясь не основой духовного обогащения, а инструментом манипуляции, эксплуатирует массовые средства общения, которые проникли не только в область нашего познания внешней действительности, но и в область нашего самопознания. Это формула ложного мира, созданного и поддерживаемого массовыми средствами коммуникации. Примененная Платоном метафора о пещерных людях с годами лишь интенсивнее актуализируется. Так, не способные освободиться от оков, медиаиндивидуумы с детства воспринимают искаженную реальность, принимая при этом «тени за предметы действительности» [13, с. 285].

В социуме, заявленном свободным, на самом деле царит завуалированное господство системы. Научно-техническая революция изо дня в день создает ложные потребности в виде шикарных машин, одежды и других материальных благ, которые превращают людей в рабов общества потребления. Сегодня социально-культурная деятельность может рассматриваться как самостоятельная подсистема общей системы социализации, социального воспитания и образования людей. Она является важнейшей функцией государственных и негосударственных структур, сферой приложения усилий многочисленных общественных движений и инициатив, средством использования свободного времени различными группами населения. Современная социально-культурная деятельность не просто шире и многограннее прежней культурно-просветительской [14, с. 142]. Принципиально то, что в ее основе лежит упомянутая выше субъект-субъектная модель организации культуры, досуга, просвещения.

Таким образом, в ходе развернутого анализа проблемы культурного одиночества и подробного рассмотрения феномена творца было выявлено, что, безапелляционно веряясь социальным установкам, конкретное лицо утрачивает сущностное начало в виде эксклюзивного дара, представляющего собой «свободное благо». Кроме того, отмечалась неизбежная потребность современников в саморефлексии и критичности мыслительного процесса, которые позволяют сконструировать собственные мировоззренческие максимы и сформировать благоприятное пространство для проникновения образов интегрального прогресса в область когний. Обозначенная рекомендация не приведет к санкциям в формате изоляции при становлении коллективной сознательности и толерантности. При этом стоит подчеркнуть, что в феноменологическом плане окружающий мир интерпретируется субъективно, однако уникальное позиционирование, имеющее рациональный стержень, в силу аподиктических причин так и остается не артикулированным [15, с. 73]. В то же время человек, оставаясь социальным элементом, способен при помощи майевтики экстраполировать иной

взгляд на членов коммуникативного поля, преобразовывая тем самым окружающую контекстуальность.

Ценность человеческого капитала не поддается измерению – каждый актер есть исключительный оригинал, которому под силу овеществить любую идею, совершить гениальный прорыв, пройти титанические испытания, преодолеть все трудности [16, с. 220]. Поэтому концептуально важно пребывать в поиске себя, развивая и актуализируя Самость, несмотря на конвенциональные приоритеты, антропогенные бихевиористские конструкты и стереотипные когнитивные паттерны.

Таким образом, XXI в. ставит перед человеком множество гуманитарных проблем, от решения которых зависит не только судьба одного человека, но и будущее человечества в целом. Проблема самореализации личности в сложных современных социально-экономических условиях многогранна и требует углубленного изучения места и роли индивида в жизни общества. Чтобы выполнить эту задачу, человеку необходимы условия для творческого и интеллектуального развития, самовыражения, самореализации в любом виде деятельности.

Библиографические ссылки

1. Коркия ЭД. *Институционализация перформансной коммуникации в современном социальном пространстве*. Москва: Издательство МБА; 2011. 144 с.
2. Florida R. *The rise of the creative class*. New York: Harper Collins USA; 2016. 326 p.
3. Postman N. *The disappearance of childhood*. New York: Random House; 2014. 177 с.
4. Фромм ЭЗ. *Гуманистический психоанализ*. Лейбин ВМ, редактор. Санкт-Петербург: Питер; 2002. 544 с.
5. Кларк А. *Черты будущего*. Берлин Я, Колтовой В, переводчики; Берлин Я, редактор. Москва: Мир; 2016. 288 с.
6. Bandura A, Ross D, Ross S. Transmission of aggression through imitation of aggressive models. *Journal of Abnormal and Social Psychology*. 1961 November;63:575–582. DOI: 10.1037/h0045925.
7. Королев АА. Личность в истории: гении и таланты. *Среднерусский вестник общественных наук*. 2014;4:219–225.
8. Ломброзо Ч. *Гениальность и помешательство*. Москва: Эксмо; 2003. 352 с. Совместное издание с Terra Fantastica.
9. Будон Р. *Место беспорядка: Критика теорий социального изменения*. Москва: Аспект Пресс; 1998. 284 с.
10. Гирц К. *Интерпретация культур*. Москва: Российская политическая энциклопедия; 2004. 560 с.
11. Гончаренко НВ. *Гений в искусстве и науке*. Москва: Искусство; 1991. 432 с.
12. Коркия ЭД, Мамедов АК. Коммуникативный статус личности: методология исследования. *Общество: социология, психология, педагогика*. 2018;2:33–41. DOI: 10.24158/spp.2018.2.6.
13. Платон. *Государство*. Егунов АН, переводчик. Москва: АСТ; 2019. 448 с.
14. Жоли А. *Психология великих людей*. Москва: URSS; 2014. 344 с. Совместное издание с ЛЕНАНД.
15. Грузенберг СО. *Гений и творчество. Основы теории и психологии творчества*. Москва: URSS; 1999. 261 с.
16. Экземплярский ВМ. *Проблема одаренности*. Москва: Русский книжник; 2016. 136 с.

References

1. Korkiya ED. *Institutsializatsiya performansnoi kommunikatsii v sovremennom sotsial'nom prostranstve* [The institutionalization of performance communication in the modern social space]. Moscow: Publishing House of IBA; 2011. 143 p.
2. Florida R. *The rise of the creative class*. New York: Harper Collins USA; 2016. 326 p.
3. Postman N. *The disappearance of childhood*. New York: Random House; 2014. 177 p.
4. Fromm EZ. *Gumanisticheskii psikhoanaliz* [Humanistic psychoanalysis]. Leibin VM, editor. Saint Petersburg: Peter; 2002. 544 p. Russian.
5. Clark A. *Cherty budushchego* [Features of the future]. Berlin Ya, Koltovoi V, translators; Berlin Ya, editor. Moscow: Mir; 2016. 288 p. Russian.
6. Bandura A, Ross D, Ross S. Transmission of aggression through imitation of aggressive models. *Journal of Abnormal and Social Psychology*. 1961 November;63:575–582. DOI: 10.1037/h0045925.
7. Korolev AA. Personality in the history: geniuses and talents. *Central Russian Journal of Social Sciences*. 2014;4:219–225. Russian.

8. Lombroso C. *Genial'nost' i pomeshatel'stvo* [Genius and insanity]. Moscow: Eksmo; 2003. 352 p. Co-published by the Terra Fantastica. Russian.
9. Budon R. *Place of disorder: a critique of theories of social change*. Moscow: Aspect Press; 1998. 284 p. Russian.
10. Girts K. *Interpretation of cultures*. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya; 2004. 560 p. Russian.
11. Goncharenko NV. *Genii v iskusstve i nauke* [Genius in art and science]. Moscow: Iskusstvo; 1991. 432 p. Russian.
12. Korkiya ED, Mamedov AK. Communicative status of the personality: the research methods. *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika*. 2018;2:33–41. DOI: 10.24158/spp.2018.2.6.
13. Plato. *Gosudarstvo* [State]. Egunov AN, translator. Moscow: AST; 2019. 448 p. Russian.
14. Joli A. *Psikhologiya velikikh lyudei* [Psychology of great people]. Moscow: URSS; 2014. 344 p. Co-published by the LENARD. Russian.
15. Gruzenberg SO. *Genii i tvorchestvo: osnovy teorii i psikhologii tvorchestva* [Genius and creativity: Fundamentals of the theory and psychology of creativity]. Moscow: URSS; 1999. 261 p. Russian.
16. Ekzemplarsky VM. *Problema odarennosti* [The problem of giftedness]. Moscow: Russkii knizhnik; 2016. 136 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 30.09.2019.
Received by editorial board 30.09.2019.

УДК 316.74:94

МЕМЕТИКА КАК НОВАЯ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНАЯ НАУКА И НАПРАВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ СЕМИОТИКИ

В. К. ЩЕРБИН¹⁾

¹⁾Центр системного анализа и стратегических исследований Национальной академии наук Беларуси,
ул. Академическая, 1, 220072, г. Минск, Беларусь

Рассматривается процесс формирования новой междисциплинарной науки – меметики, объектом исследования которой являются исторические, культурные, политические, социальные, экономические и иные типы мемов. Анализируются взаимоотношения меметики с социальной наукой. Обосновывается вывод о том, что меметика становится тем направлением социальной семиотики, которое связывает ее с различными видами семиотических исследований (биосемиотикой, киберсемиотикой, политической семиотикой, семиотикой культуры, экономической семиотикой и др.).

Ключевые слова: мем; меметика; социальная наука; классификация мемов; социальная семиотика.

MEMETICS AS THE NEW INTERDISCIPLINARY SCIENCE AND THE BRANCH OF SOCIAL SEMIOTICS

V. K. SHCHERBIN^a

^aCenter for System Analysis and Strategic Research, National Academy of Sciences of Belarus,
1 Akademičnaja Street, Minsk 220072, Belarus

The process of formation of a new interdisciplinary science – memetics, which studies historical, cultural, political, social, economic and other types of memes is considered in the article. The interconnections between memetics and social semiotics are analyzed. The conclusion is substantiated that memetics is becoming the branch of social semiotics which relates to different branches of semiotic research (biosemiotics, cybersemiotics, political semiotics, semiotics of culture, economic semiotics, etc.).

Keywords: mem; memetics; social science; classification of memes; social semiotics.

По мнению С. Н. Зенкина, переводчика на русский язык книги М. Хальбвакса «Социальные рамки памяти» (1925), «основная мысль книги в том, что память – не чисто индивидуальный процесс хранения и обработки полученных впечатлений, на самом деле ее деятельность определяется обществом» [1, с. 9], т. е. память является очень широким и разнообразным общественным феноменом. Сегодня во многих научных дисциплинах и сферах

деятельности выделяются свои специфические виды памяти (в психологии – *иконическая, кратковременная и долговременная память*; в информатике – *видеопамять, виртуальная, динамическая память, кэш-память, оперативная, разделяемая, сетевая память* и др.; в культурологии – *культурная память*; в социологии, политологии и социальной философии – *живая, индивидуальная, коллективная, социальная память*; в филологии – *ассоциативная,*

Образец цитирования:

Щербин ВК. Меметика как новая междисциплинарная наука и направление социальной семиотики. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2019;4:40–47.

For citation:

Shcherbin VK. Memetics as the new interdisciplinary science and the branch of social semiotics. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2019;4:40–47. Russian.

Автор:

Вячеслав Константинович Щербин – кандидат филологических наук; заведующий сектором исследований макроэкономических рисков.

Author:

Vyacheslav K. Shcherbin, PhD (philology); head of the sector of macroeconomic risks research.
slavalex@mail.ru

словесная память, описываемая в ассоциативных, толковых и прочих словарях; в истории – *историческая память*; в правоведении – *юридическая память* [1, с. 19]) и т. д. В странах Запада такие полидисциплинарные и многоотраслевые исследования феномена памяти обозначаются обобщающим термином *memory studies*.

Отмеченный выше общий для самых разных научных дисциплин и отраслей знаний интерес к феномену памяти является отнюдь не случайным, ибо именно память лежит в основе сохранения и передачи накопленных знаний следующим поколениям исследователей. Причем сам механизм сохранения и передачи научных знаний существенно отличается в разных дисциплинах. В естественных науках его основой выступают лабораторные исследования и эксперименты, в точных науках – математическое моделирование, в гуманитарных и социальных науках – текстовые источники. Однако общим (и ключевым!) способом накопления и передачи новейших знаний для всех научных дисциплин является печать и иные связанные с научным языком способы записи и фиксации информации (устный дискурс, эпистолярный жанр, сетевой дискурс, мультимедиа и пр.).

Как свидетельствует французский социолог Бруно Латур, «до появления печати все возможные интеллектуальные приемы – организованный скептицизм, научный метод, опровержение, сбор данных, создание теорий – уже были опробованы, причем в каждой из дисциплин: географии, космологии, медицине, динамике, политике, экономике и т. д. Но каждое достижение оставалось локальным и временным, потому что не было способа переместить эти результаты куда-нибудь еще и включить в них другие результаты без последующих искажений и ошибок. В эпоху рукописей в каждой тщательно исправленной версии работы автора после нескольких копий снова появлялись ошибки. Нельзя было получить устойчивый доход, поэтому невозможна была крупномасштабная долговременная капитализация. Печатный станок не добавляет ничего к разуму, научному методу, мозгу. Он просто все сохраняет и распространяет, вне зависимости от того, насколько это неправильно, странно или дико. Он делает все мобильным, но эта мобильность не умножает ошибки в тексте. <...> Изобретается механизм необратимого захвата точности. Печать играет роль демона Максвелла. Не нужно никаких новых теорий, мировоззрений или духа для объяснения капитализма, Реформации и науки: они являются результатом нового шага в долгой истории неизменяемых мобильностей. <...> ...Революция Маклюэна произошла уже тогда, когда были напечатаны первые изображения. Инженерия, ботаника, архитектура, математика – ни одна из этих наук не может описать то, о чем она говорит, толь-

ко с помощью текста; им необходимо показывать вещи. Но эта демонстрация, такая существенная для убеждения, была совершенно невозможна до изобретения “гравированных изображений”. Текст мог быть скопирован с небольшими искажениями, но не так обстояло дело со схемами, анатомическими гравюрами или картами» [2, с. 114–115].

Изобретение «гравированных изображений» позволило визуализировать результаты научных исследований и дало определенные преимущества тем ученым, которые воспользовались этим при обработке полученных экспериментальных данных: «Тот, кто плохо визуализирует, проигрывает схватку: его факт не выстоит. <...> Это особенно верно, если явления, в которые нас просят верить, не видимы невооруженным глазом: квазары, хромосомы, пептиды мозга, лептоны, ВВП, классы, береговые линии даны только взгляду, “вооруженному” устройствами записи. <...> Важностью этого каскада записей можно пренебречь при изучении событий повседневной жизни, но ее нельзя переоценить при анализе науки и технологий» [2, с. 124–125]. К примеру, «технический чертеж не только создает на бумаге мир, которым можно манипулировать, как будто в трех измерениях. Он также создает для множества других записей общее место сбора; в чертеж могут быть вписаны пределы допуска, чертеж может быть использован для экономических вычислений, для определения задач, организации ремонтов или продаж. <...> В этом и состоит парадокс. Работая лишь с бумагой, над хрупкими записями, гораздо меньшими, нежели те вещи, из которых они были извлечены, можно господствовать над всеми вещами и всеми людьми. Незначительное для всех других культур становится самым важным, единственно важным аспектом реальности. Слабейший, лишь страстно манипулируя всевозможными записями, становится сильнейшим. Такой образ власти мы получаем, изучив тему визуализации и познания со всеми ее следствиями» [2, с. 139, 148].

Однако те знаковые средства визуализации, которые используются для изучения и отражения природы, считает О. Хархордин, автор предисловия к книге Б. Латура «Наука в действии: следуя за учеными и инженерами внутри общества» (2013), не совсем пригодны для изучения общества: «Социология, например, опирается на опросы, анкеты, интервью, анализ статистики и документов. Казалось бы, почему не построить работающие черные ящики на основе таких методов сбора эмпирических данных? Но попытка сконструировать черный ящик на основании таких методов доступа к реальности проваливается. Потому мы и не имеем до сих пор, например, вакцины от коррупции. Дело в том, что пытаться людей, как пытаются природу, нельзя. Вернее, можно, но очень осторожно – лишь

задавая вопросы или ведя расспросы, не задевающие или не нарушающие интересов опрашиваемого или интервьюируемого. Слово “пытати” в древнерусском означало “спрашивать”, и мы не знаем, было ли связано это вопрошание с насилием или нет в те времена. В современном социологическом исследовании, однако, точно нельзя переходить от опросов или расспросов к допросу с пристрастием, который до сих пор практикуется в полиции некоторых стран. Только пытка или угроза пытки и истязаний превращает человеческое поведение в почти полностью предсказуемое. Черный ящик, который производит такое поведение, история знает – это концентрационный лагерь, ломающий прежние моральные установки и приводящий к смене личности. Потому, хотя техники опроса и расспросов находятся в опасной близости с техниками допроса, социология тем не менее не строит черный ящик, который будет жестко производить заданное или предсказанное поведение людей.

В самом конце книги Латур призывает не описывать естественные науки методами традиционной социологии, тем самым игнорируя феноменологию и прагматику инженерной жизни. Но тогда должно быть верно и симметричное предложение: поняв, в чем заключается специфика жизни в мире естественных наук, надо прагматически и феноменологически рассмотреть и мир общество-веда, а не естество-пытателя, то есть не навязывать модели жизни ученых из естественных наук тем, кто живет по-другому» [3, с. 14–15].

В частности, к настоящему времени социальная наука выработала свои весьма специфические формы визуализации полученных ею научных результатов, коренным образом отличающиеся от знаковых средств, используемых в естественных, точных и технических науках. Если в последних доминирующими видами семиотических средств являются протоколы лабораторных испытаний, многочисленные математические, физические и химические формулы, компьютерные изображения цепочек ДНК, инженерные чертежи и схемы, географические карты и пр., то в рамках социологии (как и в других общественных науках) чаще используются текстовые формы описания полученных результатов: тексты опросов, анкет, интервью, сложных социальных нарративов и их не менее сложных интерпретаций, а также видеофильмы, интернет-дискурсы, интернет-мемы, концепты, сетевые блоги, слоганы и образы социальной рекламы, социальные визитки, фотографии и пр. Все перечисленные выше знаковые средства визуализации социальных данных изучает такое направление социологии, как социальная семиотика, в рамках которой сегодня выделяются еще более специализированные направления (приводятся в алфавитном порядке):

1) **визуальная социология.** К настоящему времени уже опубликованы не только научные статьи и монографии, но даже учебники по визуальной социологии [4]. Во вводной статье к указанному учебнику по визуальной социологии российский социолог Н. Е. Покровский весьма доходчиво объясняет, в чем заключается суть данного социологического направления: «С одной стороны, необычно само понятие визуальной социологии. Ведь оно сокрушает привычное представление о социологии как о словесной дисциплине, опирающейся на опросы, сбор статистических данных, описание и анализ на их основе общественных отношений и поведения людей. В своих теоретических построениях социология даже как бы и незряча, и невидима: она состоит из абстрактных и теоретических конструкций, объясняющих социальный мир. Но, с другой стороны, общественная жизнь и участвующие в ней люди – а именно человек общественный является предметом социологии – даны нам наглядно. Все вокруг, что делают люди, *зримо, видимо, представлено в образах*, а значит, доступно визуальной фиксации. И Петр Штомпка показывает и доказывает, что для познания социальной жизни поток зрительных образов зачастую может дать не меньше, чем поток слов, высказываний и суждений. А точнее, что социология должна не только слушать и записывать, но и видеть и отображать – и лишь в синтезе того и другого она познает свой предмет в целостности» [5, с. VII];

2) **герменевтическая социология.** По мнению российского философа Е. Н. Шульги, «социология, исходящая из герменевтики, не ищет источник социальных смыслов ни в индивидуальном сознании, ни в объективных, внешних по отношению к индивидууму идеях или сводах правил и норм – в центре ее интересов находится сфера intersubjectivity, лежащая вне оппозиции субъективизм – объективизм. При таком понимании смысл предстает как результат процесса интерактивной интерпретации, осуществляемой участниками диалога. Тем самым социальный смысл не может оставаться субъективным, так как его статус зависит от диалогового согласования. Но он также не является и объективным (социальным) смыслом, поскольку не существует независимо от участников диалога и вне объединяющего их отношения взаимопонимания» [6, с. 346];

3) **интерпретативная социология.** По мнению российского философа и социолога Д. Г. Подвойского, данное социологическое направление объединяет «ряд социологических теорий, в рамках которых основной задачей считается изучение “смысловой нагруженности” социальной жизни и образующего ее структуры человеческого поведения. При таком подходе ученый выступает в качестве “интерпретатора” (истолкователя) субъек-

тивных значений и смыслов, которые индивиды приписывают тем или иным фрагментам социальной реальности. <...> Принципы И. с. (интерпретативной социологии. – В. Ш.) используются в качестве базовых концептуальных предпосылок методологии качественных исследований [кейс-стади (case-study), анализ личных документов, нарративный анализ, биографический метод]» [7, с. 455]. Приведенное выше самое общее определение интерпретативной социологии конкретизируется и детализируется в книге немецкого социолога Хайнца Абельса «Интеракция, идентичность, презентация. Введение в интерпретативную социологию» (в русском переводе вышла в 2000 г.). В частности, в качестве исторических этапов развития интерпретативной социологии им рассматриваются следующие социологические теории: символический интеракционизм Дж. Мида, символический интеракционизм Г. Блумера, феноменологическая социология А. Шюца, концепция социального конструирования реальности П. Бергера и Т. Лукмана, техники презентации И. Гофмана [8];

4) **критический дискурс-анализ**. В кратком глоссарии по социальной семиотике, составленном российским филологом М. В. Гавриловой, под критическим дискурс-анализом понимается «тип междисциплинарных аналитических исследований дискурса, который изучает способы, с помощью которых социальная власть осуществляет свое господство в обществе. Анализ призван объяснить, как посредством текста и речи социальное неравенство предписывается, воспроизводится и как ему оказывается сопротивление в социальном и политическом контексте. Материалом критических исследований являются тексты, которые продуцируются в решающие моменты коммуникации, т. е. когда участники находятся в ситуации социального риска и испытывают неудобство от последствий дискурсивного неравенства» [9, с. 409]. Приведенное выше определение критического дискурс-анализа можно дополнить словами известного российского политолога М. В. Ильина о том, что «каждый политический “мир” живет и создается своим биоинтеллектуальным моделированием, своим дискурсом. А раз так... никакой политической институт или процесс нельзя в смысловом отношении “измерить” без анализа дискурса, без использования инструментария семиотики» [10, с. 19];

5) **социологическая концептология**. Проведенный нами ранее анализ проблематики социологической концептологии позволил выявить три ключевые проблемы, на решении которых должны быть сосредоточены усилия представителей данного направления: «...совершенствование понятийного аппарата социологии; концептуализация, категоризация и стигматизация социальных знаний; формирование национального видения со-

циальной картины мира. <...> Изучение практики использования концептов в социологических и политологических исследованиях отечественных ученых дает нам основания достаточно оптимистично оценивать перспективы развития социологической концептологии в постсоветских государствах. Особенно если представителями данного новейшего социологического направления будет своевременно осознана жизненная необходимость в скорейшем решении двух достаточно непростых задач: 1) проведение ширококомасштабных описаний понятийно-терминологического фонда социологии (на материале научных текстов социологического характера); 2) составление социологических словарей новых типов (понятийных тезаурусов, словарей концептов, концептуальных глоссариев, классификаторов, рубрикаторов и др.), позволяющих в максимально эксплицитном виде структурировать понятийно-концептуальное пространство современной социологии» [11, с. 37–38].

Приведенными выше направлениями понятийно-концептуальное пространство современной социальной семиотики, на наш взгляд, не исчерпывается. Наблюдающийся сегодня в социально-гуманитарном познании семиотический поворот [12] убеждает нас в том, что «семиотика имеет дело не просто с отдельным классом явлений, но с особым измерением существования объектов социально-гуманитарного знания. Подобно тому, как все, к чему прикасается наука, превращается в объект, все, к чему прикасается семиотика, превращается в знак и/или последовательность знаков (текст), упорядоченных с помощью системы правил/кодов» [13, с. 10].

Скажем даже больше: тот факт, что «историк, в отличие от естествоиспытателя, не наблюдает события, а работает с описаниями событий в текстах источников» [14, с. 236], на наш взгляд, нельзя понимать таким образом, что изучать историческую память можно только на материале текстовых источников. Во всяком случае, в изданном еще в начале прошлого века «Словаре гуманитария» Н. К. Рамзевича спектр источников исторических фактов и обобщающей их науки определялся намного шире: «Источниками собственно истории (исторический период) служат мифы, предания, сказания, вещественные и письменные памятники разного рода» [15, с. 95].

Кроме того, из истории белорусской фольклористики известно, что до появления рукописных и печатных текстов все этнографические, культурные, исторические, языковые и прочие сведения о жизни белорусского народа в течение многих столетий передавались из поколения в поколение в многочисленных пословицах, поговорках, загадках, шутках, песнях и прочих жанрах устного народного творчества. Вот что писал по этому поводу

известный белорусский языковед и фольклорист XIX в. И. И. Носович: «Белорусы все факты, все случайности человеческой жизни, все поступки, как хорошие, так и плохие, и различные даже суждения о чем-нибудь подводят под мерку пословиц своих» [16, с. 3].

Многие устные жанры народного творчества (к упомянутым выше можно добавить анекдоты, авторские афоризмы, цитаты, перифразы, крылатые слова и выражения) активно используются для передачи сведений о жизни народов и сегодня, в эпоху, перенасыщенную текстами как печатными, так и электронными. В последние десятилетия вышли сборники антипословиц, антиафоризмов, эпиграмм и подобных фольклорных неологизмов, а также новейших типов мини-дискурсов: от изданий «Пароли. От фрагмента к фрагменту» Жана Бодрийера, «Гарики» Игоря Губермана, «Славянские сутры» Эдуарда Скобелева, «Этика любви, жизни и смерти в афоризмах и стихах» Альберта Елсукова, словаря современной политической культуры «Словарный запас» Льва Рубинштейна до многочисленных культурных, политических, социальных, экономических и прочих мемов.

Многие сборники миниатюрных шедевров о ключевых понятиях современной жизни опубликованы. К примеру, кроме вышеназванных книг, можно упомянуть созданные совместными усилиями немецкого лингвиста Харри Вальтера и российского фразеолога Валерия Мокиенко сборники справочного типа: «Пословицы русского субстандарта» (2001), «Словарь русских антипословиц» (2002), «Прикольный словарь (антипословицы и антиафоризмы)» (2004), «Антипословицы русского народа» (2005). Но основной формой существования таких мини-шедевров о ключевых понятиях современной жизни все же является устный, речевой или сетевой дискурс. По мнению российского филолога Н. Н. Федоровой, «активизация употребления трансформированных пословиц объясняется тем, что они выполняют особый “социальный заказ”, “осовременивают” шаблонизированные многолетним (а часто и многовековым) употреблением паремии и отражают актуальные для носителей языка реалии... Особенно частотны в наши дни трансформы, отражающие новые реалии из социально-политической сферы – армия (*Не боевая техника красит воина, а воин – боевую технику*), охрана правопорядка (*Язык до киллера доведет*), медицина (*Лекарства дороже денег*), образование (*Образование дороже денег*), политика и государство (*Делу время – пикету час*), средства массовой информации (*Папарацци на выдумку хитра*); из экономической сферы (*Свой бизнес карман не тянет*); из научно-технической сферы – компьютерные технологии (*Хакерство хуже воровства*), космос (*“Мир” от “Челленджера” недалеко падает*); из обиходно-бы-

товой сферы – алкоголь (*Водку пивом не испортишь*), наркомания (*Чем бы наркоман ни тешился, лишь бы кайф не ломал*), секс (*И для старухи найдется порнуха*), досуг (*Рок попсы не слаще; Не так страшен пейнтбол, как его малюют*)» [17, с. 14].

На наш взгляд, отмеченный выше «когнитивный взрыв», обусловивший появление в самых разных научных дисциплинах и различных общественных сферах многочисленных мини-шедевров о ключевых понятиях этих дисциплин и общественных сфер, является своего рода ответной реакцией на захлестнувший нас постоянно растущий поток информации, который невозможно переработать в реальном времени и который выступает в качестве серьезного препятствия на пути решения жизненных проблем. И постепенно именно такие мини-шедевры о ключевых понятиях нашей жизни становятся основными носителями культурной информации или культурными генами, обеспечивающими передачу духовного наследия следующим поколениям. Как справедливо заметил в своей книге «Эгоистичный ген» (1976) британский биолог Ричард Докинз, «передача культурного наследия аналогична генетической передаче: будучи в своей основе консервативной, она может породить некую форму эволюции» [18, с. 291].

Он же придумал и название для такого культурного гена: «Нам необходимо имя для нового репликатора, существительное, которое отражало бы идею о единице передачи культурного наследия... От подходящего греческого корня получается слово “мимема”, но мне хочется, чтобы слово было односложным, как и “ген”. Я надеюсь, что мои получившие классическое образование друзья простят мне, если я сокращу слово “мимема” до “мем”. <...> Примерами мемов служат мелодии, идеи, модные словечки и выражения, способы варки похлебки или сооружения арок. Точно так же, как гены распространяются в генофонде, переходя из одного тела в другое с помощью сперматозоидов или яйцеклеток, мемы распространяются в том же смысле, переходя из одного мозга в другой с помощью процесса, который в широком смысле можно назвать имитацией» [18, с. 295].

В работах других исследователей можно встретить и другие обозначения и определения мемов. К примеру, в книге Ричарда Броди «Virus of the Mind. The New Science of the Meme» (2009) уже прямо в названии книги отражено другое название мема («вирус мозга» или «мозговой вирус»), а сам мем получает следующее определение: это «содержащаяся в уме единица информации, которая, влияя на ход определенных событий, способствует возникновению своих копий в других умах» [19, с. 11]. В свою очередь, в статье британского исследователя Г. Пауэлла о мемах они «определяются как базовые единицы культурной эволюции. Но на

что они могут быть похожи? Они обычно являются кусочками информации какого-либо сорта, которые переходят из мозга в мозг благодаря имитации. <...> Другие предполагаемые кандидаты на статус мемов включают цепочки букв, шутки, конспирологические теории и всевозможные интернет-феномены» [20, с. 6–7]. Наконец, в книге С. Блэкмор «The meme machine» (1999) обосновывается тезис о том, что человеческий мозг и его идентичность являются продуктами репликации успешных мемов [21].

Несмотря на многообразие существующих подходов к определению и обозначению мемов, в международной практике в качестве названия науки о мемах закрепился термин «меметика», чему в немалой степени поспособствовало соответствующее предложение американского научного журналиста Дугласа Хофштадтера. В частности, из свободной электронной энциклопедии «Википедия» можно узнать о том, что «в январе 1983 года в “Metamagical Themas”, в колонке Дугласа Хофштадтера в журнале “Scientific American”, а также в одноименном сборнике статей было опубликовано предложение назвать дисциплину, изучающую мемы, “меметикой” (по аналогии с генетикой)» [22].

К настоящему времени усилиями исследователей, работающих в рамках меметики, выявлены и описаны десятки различных типов мемов, которые дифференцируются следующим образом:

а) **по сфере своего использования** (в сфере интернета – *интернет-мемы*, к числу которых относятся *фотожабы*, *пародии*, *демотиваторы*, *сообщения-мемы*, *медиа-мемы* и которые «составляют сегодня довольно существенную часть контента новых медиа» [23, с. 31]; в политической сфере – *политические мемы*; в социальной сфере – *социальные мемы*; в экономической сфере – *экономические мемы* и т. д.);

б) **по своей дисциплинарной принадлежности** (к примеру, в области *политологии* ставится задача разработки таких мемов, которые являются «эффективным способом пробить защитный барьер в сознании большого количества людей» [23, с. 31]; напротив, в области *экономической науки* решается задача по выявлению и устранению социально неэффективных решений, которые приобрели свойства экономических мемов: «Однажды принятое

социально неэффективное решение становится устойчивым и определяет деятельность экономических субъектов в течение долгого времени. Экономическая система или ее часть начинает развиваться в таком направлении, которое в итоге ведет общество к кризису и упадку. Экономисты не выработали единую точку зрения по поводу возможности избежать такого развития событий» [24, с. 14]);

в) **по своей позитивной или негативной направленности** (в то время как подавляющее большинство различных типов мемов способствует передаче культурного наследия от поколения к поколению, в основе так называемых *антимемов* лежит «набор определенных тактических приемов, направленных на моделирование ментальных механизмов, изменяющих нравственные убеждения и моральные установки адресата, особенно молодого поколения, и тем самым во многом формирующего для него новую картину мира» [25, с. 9]).

При этом отдельные мемы могут одновременно входить в несколько указанных групп мемов. Например, *политические интернет-мемы* относятся и к интернет-сфере, и к политической сфере, и к сфере СМИ. В свою очередь, *мемы как носители лингвистической информации* изучаются, соответственно, и в рамках лингвистики, и в рамках науковедения [26, с. 29].

Завершая рассмотрение вопросов формирования меметики и определения ее места в современной мировой науке, можно сделать следующие выводы:

1) меметика (как наука об исторических, культурных, политических, социальных, экономических и прочих типах мемов) является в настоящее время новой междисциплинарной наукой, использование методологических и семиотических возможностей которой выступает еще одним фактором в процессах изучения, сохранения и передачи следующим поколениям накопленных научных знаний;

2) меметика, будучи междисциплинарной наукой и одним из направлений социальной семиотики [27, с. 403], способствует установлению более прочных связей последней с другими видами семиотических исследований (биосемиотикой, киберсемиотикой, политической семиотикой, семиотикой культуры, экономической семиотикой и пр.).

Библиографические ссылки

1. Зенкин СН. Морис Хальбвакс и современные гуманитарные науки. В: Хальбвакс М. *Социальные рамки памяти*. Зенкин СН, переводчик. Москва: Новое издательство; 2007. с. 7–24.
2. Латур Б. Визуализация и познание: изображая вещи вместе. *Логос*. 2017;27(2):95–156.
3. Хархордин О. Предисловие. В: Латур Б. *Наука в действии: следуя за учеными и инженерами внутри общества*. Федорова К, переводчик; Милаева С, редактор. Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге; 2013. с. 7–20.
4. Штомпка П. *Визуальная социология. Фотография как метод исследования*. Морозова НВ, переводчик. Москва: Логос; 2007. 168 с.

5. Покровский НЕ. Умение видеть и искусство понимать. В: Штомпка Петр. *Визуальная социология. Фотография как метод исследования*. Морозова НВ, переводчик. Москва: Логос; 2007. с. VII–XVI.
6. Шульга ЕН. Когнитивная герменевтика в системе философского знания. В: Лекторский ВА, редактор. *Когнитивный подход*. Москва: Канон+ РООИ Реабилитация; 2008. с. 323–347.
7. Подвойский ДГ. Интерпретативная социология. В: Кравец СЛ, редактор. *Большая Российская энциклопедия. Том 11*. Москва: Большая Российская энциклопедия; 2008. с. 455.
8. Абельс Х. *Интеракция, идентичность, презентация. Введение в интерпретативную социологию*. Головин НА, Козловский ВВ, переводчики. Санкт-Петербург: Алетейя; 2000. 272 с.
9. Гаврилова МВ. Социальная семиотика: опыт систематизации терминологической системы. В: Ильин МВ, составитель. *МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. Выпуск 8*. Москва: ИНИОН РАН; 2018. с. 404–417.
10. Ильин МВ. Политический дискурс как предмет анализа. В: Герасимов ВИ, Ильин МВ, редакторы, составители. *Политическая наука. Политический дискурс. История и современные исследования*. Москва: ИНИОН РАН; 2002. с. 7–19.
11. Щербин ВК. Социологическая концептология: проблемы и перспективы развития. *Социология*. 2011;2:18–42.
12. Демин ИВ, редактор. *Семиотический поворот в социально-гуманитарном познании: истоки, предпосылки, культурный контекст. Коллективная монография*. Самара: Самарская гуманитарная академия; 2018. 270 с.
13. Демин ИВ. Введение. Семиотический поворот в науках о культуре. В: Демин ИВ, редактор. *Семиотический поворот в социально-гуманитарном познании: истоки, предпосылки, культурный контекст*. Самара: Самарская гуманитарная академия; 2018. с. 5–17.
14. Демин ИВ. Понятие исторического факта в семиотике Ю. М. Лотмана. В: Демин ИВ, редактор. *Семиотический поворот в социально-гуманитарном познании: истоки, предпосылки, культурный контекст*. Самара: Самарская гуманитарная академия; 2018. с. 232–243.
15. Рамзевич НК. *Словарь гуманитария*. Журавлев ВК, редактор. Москва: Былина; 1998. 320 с.
16. Носович ИИ. *Сборник белорусских пословиц. Сборник Отделения русского языка и словесности императорской Академии наук. Том 12*. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук; 1874. 232 с.
17. Федорова НН. *Современные трансформации русских пословиц* [автореферат диссертации]. Псков: Псковский государственный педагогический университет имени С. М. Кирова; 2007. 20 с.
18. Докинз Р. *Эгоистичный ген*. Москва: АСТ; 2016. 512 с. Совместное издание с CORPUS.
19. Brodie R. *Virus of the mind. The new science of the meme*. London: Hay House; 2009. XXII, 249 p.
20. Powell G. Memes. In: Brown K, editor. *Encyclopedia of language and linguistics. Volume 8*. 2nd edition. Oxford: Elsevier Ltd.; 2006. p. 6–8.
21. Blackmore S. *The meme machine*. Oxford: Oxford University Press; 1999. 284 p.
22. Меметика. [Интернет] 2019 [протитировано 20 октября 2019 г.]. Доступно по: ru.wikipedia.org/wiki/Меметика.
23. Шомова СА. Политический интернет-мем: сущность, специфика, разновидности. *Бизнес. Общество. Власть*. 2015;22:28–41.
24. Нестеренко А. О чем не сказал Уильям Баумоль: вклад XX столетия в философию экономической деятельности. *Вопросы экономики*. 2001;7:4–17.
25. Молчанова ГГ. Когнитивные подходы к изменениям дискурса нового поколения. *Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2019;1:9–18.
26. Анисимов ВН. «Паранаучность»: от шутовского колпака до академической шапочки (рецензия на монографию Л. Н. Медведева). *В защиту науки*. 2016;17:25–30.
27. Ильин МВ, Фомин ИВ. Социальная семиотика: комплексное изучение функциональных и смысловых сторон общественных процессов и явлений. В: Ильин МВ, составитель. *МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. Выпуск 8*. Москва: ИНИОН РАН; 2018. с. 399–403.

References

1. Zenkin SN. [Moris Halbwachs and contemporary humanities]. In: Halbwachs M. *Sotsialnye ramki pamyati* [Social memory framework]. Zenkin SN, editor. Moscow: Novoje izdatelstvo; 2007. p. 7–24. Russian.
2. Latour B. Visualization and cognition: drawing things together. *Logos*. 2017;27(2):95–156. Russian.
3. Harhordin O. [Preface]. In: Latour B. *Nauka v deistvii: sleduya za uchenymi i inzhenerami vntri obshchestva* [Science in action: how to follow scientists and engineers through society]. Saint Petersburg: Publishing House of the European University of Saint Petersburg; 2013. p. 7–20. Russian.
4. Sztompka Piotr. *Vizual'naya sotsiologiya. Fotografija kak metod issledovaniya* [Visual sociology. Photography as a research method]. Moscow: Logos; 2007. 168 p. Russian.
5. Pokrovskij NE. [Skill to see and art to understand]. In: Sztompka Piotr. *Vizual'naya sotsiologiya. Fotografija kak metod issledovaniya* [Visual sociology. Photography as a research method]. Moscow: Logos; 2007. p. VII–XVI. Russian.
6. Shul'ga EN. [The cognitive hermeneutics in the system of philosophical knowledge]. In: Lektorskij VA, editor. *Kognitivnyj podhod* [The cognitive approach]. Moscow: Kanon+ ROOI Reablitatsija; 2008. p. 323–347. Russian.
7. Podvojskij DG. [The interpretative sociology]. In: Kravets SL, editor. *Bol'shaya Rossiiskaya Entsiklopediya. Tom 11* [The Great Russian Encyclopedia. Volume 11]. Moscow: Bol'shaya Rossiiskaya entsiklopediya; 2008. p. 455. Russian.
8. Abels H. *Interaktsiya, identichnost', prezentatsiya. Vvedenie v interpretativnyuyu sotsiologiyu* [Interaction, identity, presentation. Introduction to interpretative sociology]. Saint Petersburg: Aleteiya; 2000. 272 p. Russian.
9. Gavrilova MV. [The Social Semiotics: Experience of systematization of the terminological system]. In: Il'in MV, editor. *METOD: Moskovskii ezhegodnik trudov iz obshchestvovedcheskikh distsiplin. Vypusk 8* [THE METHOD: Moscow's year-book of papers from humanities. Issue 8]. Moscow: INION RAS; 2018. p. 404–417. Russian.
10. Il'in MV. [The political discurs as object of analysis]. In: Gerasimov VI, Il'in MV, editors. *Politicheskaya nauka. Politicheskii diskurs: istoriya i sovremennye issledovaniya* [The political science. The political discurs: the history and contemporary researches]. Moscow: INION RAS; 2002. p. 7–19. Russian.

11. Shcherbin VK. Sociological conceptology: problems and perspectives of development. *Sotsiologiya*. 2011;2:18–42. Russian.
12. Demin IV, editor. *Semioticheskii povorot v sotsial'no-gumanitarnom poznanii: istoki, predposylki, kul'turnyi kontekst* [The semiotic turn in the social-humanitarian cognition: the sources, preconditions, cultural context]. Samara: Samara Academy of Humanities; 2018. 270 p. Russian.
13. Demin IV. Vvedenie. Semioticheskii povorot v naukakh o kul'ture [Introduction. The Semiotic Turn in the Sciences about the Culture]. In: Demin IV, editor. *Semioticheskii povorot v sotsial'no-gumanitarnom poznanii: istoki, predposylki, kul'turnyi kontekst* [The semiotic turn in the social-humanitarian cognition: the sources, preconditions, cultural context]. Samara: Samara Academy of Humanities; 2018. p. 5–17. Russian.
14. Demin IV. [The concept of historical fact in the semiotics of Yu. M. Lotman]. In: Demin IV, editor. *Semioticheskii povorot v sotsial'no-gumanitarnom poznanii: istoki, predposylki, kul'turnyi kontekst* [The semiotic turn in the social-humanitarian cognition: the sources, preconditions, cultural context]. Samara: Samara Academy of Humanities; 2018. p. 232–243. Russian.
15. Ramzevich NK. *Slovar' gumanitariya* [Dictionary of humanitarian]. Zhuravlev VK, editor. Moscow: Bylina; 1998. 320 p. Russian.
16. Nosovich II. *Sbornik belorusskikh poslovits. Sbornik Otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti imperatorskoi Akademii nauk. Tom 12* [Collection of Belarusian proverbs. Collection of the Department of Russian Language and Literature of the Emperor's Academy of Sciences. Volume 12]. Saint Petersburg: The Emperor's Academy of Sciences; 1874. 232 p. Russian.
17. Fedorova NN. *Sovremennye transformatsii russkikh poslovits* [The contemporary transformations of Russian proverbs] [dissertation abstract]. Pskov: Pskov State Pedagogical University named after S. M. Kirov; 2007. 20 p. Russian.
18. Dawkins R. *Egoistichnyi gen* [The selfish gene]. Moscow: AST; 2016. 512 p. Co-published by the CORPUS. Russian.
19. Brodie R. *Virus of the mind. The new science of the meme*. London: Hay House; 2009. XXII, 249 p.
20. Powell G. Memes. In: Brown K, editor. *Encyclopedia of language and linguistics. Volume 8*. 2nd edition. Oxford: Elsevier Ltd.; 2006. p. 6–8.
21. Blackmore S. *The meme machine*. Oxford: Oxford University Press; 1999. 284 p.
22. Memetika. [Internet] 2019 [cited 2019 October 20]. Available from: ru.wikipedia.org/wiki/Меметика.
23. Shomova SA. The political internet meme: essence, characteristics, types. *Business. Society. Government*. 2015;22: 28–41. Russian.
24. Nesterenko A. [About what not said William Baumol': the contribution to philosophy of economic activity]. *Voprosy ekonomiki*. 2001;7:4–17. Russian.
25. Molchanova GG. Cognitive approaches to new generation worldview. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seria 19. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsia*. 2019;1:9–18. Russian.
26. Anisimov VN. [«Parascience»: from the fool's cap to the academician little cap (review on the monography of L. N. Medvedev)]. *V zashchitu nauki*. 2016;17:25–30. Russian.
27. Il'in MV, Fomin IV. [The social semiotics: the complex study of functional and sense sides of the society's processes and phenomenons]. In: Il'in MV, editor. *METOD: Moskovskii ezhegodnik trudov iz obshchestvovedcheskikh distsiplin. Vypusk 8* [THE METHOD: Moscow's year-book of papers from humanities. Issue 8]. Moscow: INION RAS; 2018. p. 399–403. Russian.

Статья поступила в редколлегию 21.10.2019.
Received by editorial board 21.10.2019.

УДК 316:39(476)

GENS UNA SUMUS – МЫ ВСЕ ОДНА СЕМЬЯ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЭТНОГЕНЕЗА БЕЛОРУСОВ

С. А. ШАВЕЛЬ¹⁾

¹⁾*Институт социологии Национальной академии наук Беларуси,
ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, г. Минск, Беларусь*

Проведен социологический анализ возникновения белорусского этноса, формирования на его основе белорусского народа и образования суверенного национального государства. Рассматривается полиэтничная идентичность и консолидация белорусского народа в контексте исторической памяти.

Ключевые слова: этнос; этногенез; идентичность; этнократия; полиэтничность; народ; историческая память.

GENS UNA SUMUS – WE ALL ARE A ONE WHOLE FAMILY: A SOCIOLOGICAL ANALYSIS OF ETHNOGENESIS OF BELARUSIANS

S. A. SHAVEL^a

^a*Institute of Sociology, National Academy of Sciences of Belarus,
1 Surhanava Street, 2 building, Minsk 220072, Belarus*

The article explains through sociological analysis how Belarusian ethnic group was emerged and was transformed into Belarusian people as well as forming Belarusian sovereign national state. Such things as multi-ethnic identity and consolidation of the Belarusian people are considered in the context of historical memory.

Keywords: ethnos; ethnogenesis; identity; ethnocracy; multi-ethnicity; people; historical memory.

Образец цитирования:

Шавель С.А. *Gens una sumus – мы все одна семья: социологический анализ этногенеза белорусов. Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2019;4:48–61.

For citation:

Shavel SA. *Gens una sumus – we all are a one whole family: a sociological analysis of ethnogenesis of Belarusians. Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2019; 4:48–61. Russian.

Автор:

Сергей Александрович Шавель – доктор социологических наук, профессор; заведующий отделом социальной теории и методологии.

Author:

Sergey A. Shavel, doctor of science (sociology), full professor; head of the department of social theory and methodology.
d-v-nazarova@yandex.by

Другие придут за другими,
И только для перевода
Останется странное имя – Народа.
Семен Липкин

Введение

После распада Советского Союза по постсоветскому пространству прокатилась «лихорадка этнократизма». Первое, что стремилась немедленно осуществить местная власть суверенных государств, вновь образованных на основе прежних союзных республик, – это любой ценой вытеснить из страны всех представителей иноязычных этносов, особенно из органов администрации, образования, идеологии и духовной жизни, вооруженных сил и силовых ведомств, и заменить их автохтонами, не считаясь даже с уровнем компетентности последних. В большинстве стран был сразу же принят новый закон о языке, в котором государственным языком признавался только язык титульного этноса (нации), несмотря даже на то, что во многих областях – здравоохранении, науке, многих производственных технологиях, высшем образовании, IT и др. – этот язык не имел в то время достаточной лингвистической базы. Сегодня мы видим, какие проблемы вызвала подобная ориентация. Особенно отчетливо это прослеживается на примере современной Украины. Все ее президенты – Леонид Кравчук, Леонид Кучма, Виктор Ющенко (особенно), Виктор Янукович (в меньшей степени, за что и был свергнут националистами), Петр Порошенко и теперь Владимир Зеленский (скорее вынужденно, чем по убеждению) – одержимы – навязчивой мыслью (*idee fixe*) создать в Украине моноэтническое общество. Все неукраинские этносы, проживающие на территории страны, – русские, белорусы, венгры, румыны, поляки, евреи – должны говорить, писать, учиться, вести бизнес, молиться, петь песни только на украинском языке, т. е. ассимилироваться, стать украинцами. При этом ни сами президенты, ни послушный им парламент (Рада), ни подчиненные органы власти и управления как будто не замечают, что подавляющее большинство стран мира живет по-другому, исповедуя толерантность, равноправие всех этносов, консолидируя их в единую нацию, народ своей страны. Не учит их и опыт нацистской Германии, пытавшейся создать арийский моноэтнос – высшую расу, сверхлюдей, что закончилось трагедией.

Беларусь, к счастью, избежала подобных пандемий. Так, на референдуме 1995 г. народ высказался за введение в Беларуси двух государственных языков – белорусского и русского. И, конечно, все проживающие в стране этнические группы, диаспоры имеют право широко использовать свой родной язык в частной жизни и межличностном общении, в повседневном обиходе. Все это и создало необхо-

димые условия и фундамент развития белорусского общества как полиэтнического, многонационального. Слова «белорус», «белорусскость» употребляются в двух значениях: 1) для указания этнической идентичности по происхождению, выбираемой респондентами при переписи населения или социологических опросах; 2) для обозначения гражданской принадлежности к белорусскому народу, т. е. для именованя всех граждан, проживающих в стране, всего населения, за исключением апатридов (лиц без гражданства), иностранцев, беженцев.

Термин «народ» употребляется в социологии для обозначения той области социальной реальности, которая находится между этносом с его простой и замкнутой на себя структурой (койнема, этноцентрум) и современным обществом, где преобладает членение по национально-государственному признаку. Народ является первой производной от этноса. Это значит, что исходной структурой общества, связанной единством языка, обычаев и веры, общим происхождением (родословной), является семья, род, племя. По словам А. Г. Дугина, особенность народа заключается в том, что он «обязательно состоит из двух или более этносов, т. е. является полиэтнической структурой» [1, с. 252]. (Хотелось бы, чтобы эта мысль дошла до украинских и других мечтателей о моноэтноте, делающих ставку на этнократическое общество и государство.)

Народ отличается от этноса по ряду признаков, важнейшими из которых являются целостность и историчность. Народ возникает путем смешения ряда простых этносов при переходе от архаического общества к традиционному и далее – к современному (индустриальному, национально-государственному) и постсовременному (постиндустриальному, информационному, социетальному) обществу. Целостность представлена этносу как органическая данность, она обеспечивается естественным расширенным воспроизводством населения путем рождения. Это архаическое общество с его магией и естественными религиями, где сакральное дано изначально (*arche* – начало) и не подвергается сомнению; с его собирательством и охотой. Для народа такая целостность (интегральность) не может быть данностью, это только цель, которую можно достичь путем сплочения, консолидации тех этносов, из которых рождается народ. М. В. Довнар-Запольский, характеризуя чистоту славянского типа белорусов, замечает, что в украинцах «очень много примесей тюркской крови, остатков печенегов, черных клобуков, торков, половцев и, наконец,

татар. Здесь впоследствии в массе развелись польские колонизации» [2, с. 15].

В этносоциологии народ определяется как *этнос, вступивший в историю* [1, с. 252]. Действительно, простой архаичный этнос не знает трехмодальности времени, поэтому у него не может быть каких-либо воспоминаний о прошлом или представлений о будущем; его «настоящее» – это только течение, длительность жизненных процессов. Народ обретает историческую память и видит в ней главное средство для достижения своей сверхценной цели – стать как этнос, т. е. обрести целостность, интегральность себя и своего социума, которые были свойственны этносу.

Важным методологическим императивом исторической социологии можно назвать тезис о том, что недостаточно просто собирать «улики» о прошедшей жизни (археологические артефакты, документы и пр.) – необходима рецепция (восприятие) и оценка прошлого с точки зрения той реальности, которая существует и переживается в настоящее время. Онтология современной Беларуси на глазах у всех, она очевидна. Беларусь стала суверенной, независимой страной, занявшей достойное место в мировом сообществе. Она имеет полное право гордиться своим заметным вкладом в победоносную Великую Отечественную войну («Это радость со слезами на глазах»), своим упорством, настойчивостью и бесконечной напряженностью в преодолении последствий катастрофы на ЧАЭС, успешным строительством первой БелАЭС, значительными достижениями в сельском хозяйстве, промышленности, науке и культуре, образовании; своей вызывающей у многих зависть стабильностью; общественным порядком и безопасностью, вниманием к сохранению памятников культуры, благоустройству мест проживания, развитию инфраструктуры, строительства; своими достижениями в области IT-технологий, информатизации, цифровизации, здравоохранения; своим курсом на

социальную ориентированность, постепенное укрепление социальной защиты населения, повышение пенсионного обеспечения и социальных гарантий в целом, рост заработной платы и безопасности труда, увеличение числа детских дошкольных учреждений и многое другое – при учете всех присутствующих проблем и поисков их решения.

Если говорить о рецепции прошлого – от возникновения этноса, превратившегося позже в белорусский народ, до современного состояния, – то на этом многовековом историческом пути было достаточно экзогенных (внешних) факторов (войны, революции и др.), в том числе и таких не зависевших от желания и усилий народа, как, например, Брестский мир, по которому больше половины территории Беларуси в то время было отдано Польше. (Официально западнобелорусские земли были аннексированы буржуазной Польшей по условиям Рижского мирного договора, но именно Брестский мир стал в новейшей истории Европы первым примером захвата чужих территорий со стороны Германии и вынужденного согласия с этим молодого советского государства в целях сохранения своего существования.) Были и собственные ошибки, наиболее заметные из них две: инкорпорация Великого княжества Литовского в состав Речи Посполитой и поддержка частью народа униатства. Конечно, они были во многом вынужденные, но их влияние оказалось долговременным и негативным для белорусской ментальности.

Но главное, что предки при самых сложных и неблагоприятных условиях сохранили и пронесли через века свои этнические признаки: веру в общность происхождения, общий язык и религию, обычаи и традиции. Благодаря этому белорусы избежали ассимиляции, сохранили «душу живу», гордое имя Белая Русь и имеют сегодня суверенное национальное государство, передают это бесценное достояние новым поколениям.

Формирование белорусского этноса, белорусского народа и суверенного национального государства

История свидетельствует о том, что точное определение времени возникновения любого этноса, как ныне существующего, так и ушедшего с демографического поля народонаселения планеты Земля, – задача далеко не простая. Это связано с тем, что, во-первых, этнос – весьма сложный организм, обладающий такими качествами, как способность к расширенному самовоспроизводству, репликации (аутодублирование, саморепродукция), голоморфизму (восстановление функциональной целостности за счет внутренних ресурсов) и др. Корневая система этноса, его генезис находятся обычно далеко в глубинах времени и, как правило, недоступны индивидуальной мнемонике, т. е. искусству запоминания. Так, обычный человек знает и помнит свою родословную до четвертого-пятого коле-

на; редко кто – до седьмого; этническая память сохраняется только о некоторых особо выдающихся людях – королях, царях, немногих из их приближенных, вошедших в историю, а также о великих ученых, художниках, полководцах, музыкантах, но лишь благодаря постоянному искусственному тиражированию их жизнеописаний и результатов деятельности.

Во-вторых, восстановлению реальных истоков происхождения этносов серьезно мешает отсутствие достоверных письменных и других материальных источников этого процесса. Справедливо отмечают исследователи, что одной из причин существования в нашей истории (особенно первого периода) белых пятен «является недостаток или полное отсутствие документальных источников по той или иной проб-

леме. Это дает возможность многим «знатокам» истории спекулировать на этих недостатках» [3, с. 3], т. е. произвольно и часто тенденциозно интерпретировать факты и события. Важнейшим письменным источником по первоначальной истории восточных славян является Начальная летопись, ранее называемая Несторова летопись. На нее постоянно ссылался М. В. Довнар-Запольский в своей «Истории Белоруссии» и многие другие отечественные историки.

Заметим, что блестящий анализ этой летописи представил известный русский историк В. О. Ключевский (1841–1911) в своем знаменитом труде «Курс русской истории» (в пятой и шестой лекциях). Он показал, что наиболее вероятным составителем текстов Начальной летописи был игумен Сильвестр. Эти тексты представляли собой не авторскую летопись, как у Нестора, а свод источников (своего рода хрестоматию) по истории первого периода (от древних времен до конца XII в.) восточных славян. Ключевский отмечает: «Нестор был составителем древнейшей киевской летописи, не дошедшей до нас в подлинном (аутентичном. – С. III.) виде, а Сильвестр – составителем начального летописного свода, который не есть древнейшая киевская летопись; он был редактором вошедших в состав свода устных народных преданий и письменных повествований, в том числе и самой Несторовой летописи» [4, с. 78]. Но, к сожалению, в Начальной летописи крайне мало сведений о белорусской земле того времени, о генеалогии проживавших здесь славянских племен, о том, как они объединялись в один этнос, отличавшийся от других ближних и дальних народов. К тому же в тот первый период и на территории современной Беларуси летописное дело практически не развивалось, возможно, потому что с IX в. эти земли входили в состав единого государства – Киевской Руси, которое вместе с церковью и приняло на себя обязательства по сохранению исторической памяти.

В-третьих, любой этнос, даже самый моноэтнический, представляет собой открытую и подвижную систему. В отличие, например, от национальности, которой государство, можно сказать, наделяет своих граждан, в выбор этнической идентичности оно вмешаться не может. Этот процесс осуществляется или естественно, когда родители включают ребенка в свой род (этнос), или в зрелом возрасте – добровольно. Так, Б. Л. Пастернак, отказываясь от получения Нобелевской премии из-за опасения высылки на Запад, писал о том, что он связан с Россией рождением, жизнью, работой и не мыслит своей судьбы отдельно или вне ее. Как видим, автор однозначно идентифицирует себя с русским этносом, при этом не меняя своей национальности или конфессии (что не имело значения в атеистическом обществе).

Рассмотрим теперь этимологию и содержание понятия «этнос». Это слово греческого происхожде-

ния (*ethnos*). По классическому определению, введенному в научный оборот русским этнологом С. М. Широкогоровым (1887–1939), этнос есть группа (общность) людей, отличающаяся от других групп тремя атрибутивными признаками:

1) признанием (верой) единства происхождения;

2) обладанием собственным культурным комплексом, т. е. обычаями, укладом жизни, хранимыми и освещенными традициями как основой высших ее ценностей;

3) общностью языка [1, с. 8].

Атрибутивность этих признаков состоит в том, что в своей совокупности они раскрывают сущность феномена этничности. Но они не раз и навсегда заданы, неизменны. Их диалектичность проявляется в развитии и взаимообогащении. Прежде всего исторически развивается культурный комплекс: возникают новые обычаи, происходит корректировка существующего уклада жизни, расширяется традиционное поле регуляции обычаями поведения и мышления людей; в связи с урбанизацией, внедрением инновационных технологий во всех сферах обновляются уклады, которые сакрализуются и включаются в общий культурный багаж этноса; соответственно, переосмысливается и фундаментальная система его ценностей. Адаптируясь к новым условиям, постоянно и неуклонно совершенствуется язык. Что касается «единства происхождения», то еще С. М. Широкогоров не настаивал на онтологичности этнической генеалогии, он, как мы видели, добавил в этот признак некоторые субъективные диспозиции – представления, признания, в конечном счете веру в то, что корни родословной находятся именно в этом этносе и ни в каком другом. Эта оговорка сделана потому, что людям трудно хранить в индивидуальной памяти свою родословную (за исключением генеалогического древа князей, царей, выдающихся личностей, сведения о которых отражены в летописях и других источниках), в то время как этническая идентичность есть, можно сказать, данность для каждого отдельного человека. Неслучайно у большинства народов рассказ об их изначальном происхождении существует в форме легенды, мифа или хотя бы метафоры, т. е. как образное иносказание. У греков, например, каждый полис имел свою мифическую легенду о корнях рода, как правило восходящих к тем или иным богам. Знаменитый философ Платон считал себя потомком бога Посейдона. Сказание про род римлян начинается с Ромула и Рема, якобы вскормленных волчицей; тибетцы считают, что их предками были красные обезьяны и т. д.

Если обратиться к текстам Библии, то очевидно, что ее первая книга – Бытие – представляет собой попытку создания генеалогии человеческого рода. В ней Адам Кадмон есть первочеловек, родоначальник человечества, созданный Творцом по образу и подобию Божьему: «И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул ему в лицо

его дыхание жизни, и стал человек душою живою» (Быт., 2:7). Женщину Бог создал из ребра Адама, который предварительно был погружен в «крепкий сон» (видимо, наркоз): «И нарек Адам имя жене своей: Ева (жизнь), ибо она стала матерью всех живущих» (Быт., 3:20).

Обращаясь к приведенным в Библии (Ветхом и Новом Завете) генеалогическим построениям, важно учесть, что, во-первых, это не описания истории государства, которое находилось тогда в фазе становления, а своеобразная хроника этноса, т. е. народа, который первым практически осуществил введение монотеизма, в то время как в мире тотально господствовали язычество (многобожие) или архаические «естественные религии». Во-вторых, в этой попытке отражается этническая последовательность и смена поколений, в то время как авторы последующих летописей, хроник, биографий и иных памятников письменности европейских и азиатских народов (в том числе греков и римлян), выбрали (добровольно или принудительно) этатистскую ориентацию, поставив во главу угла роль и судьбу своего государства, его войны, распри и конфликты, захваты и междоусобицы, революции и перевороты, измены и покушения, достижения и кризисы и, конечно, тех великих личностей, полководцев и героев, которые прославили свое государство. В-третьих, и это самое главное, проведение этнических исследований, составление генеалогии высшей целью (может быть, и не всегда осознанной) имеет сохранение исторической памяти и передачу ее в возможно более достоверной форме новым, подрастающим поколениям. И в том этническая генеалогия Библии (как бы к ней не относились) продемонстрировала великий и достойный пример всем странам и народам, непререкаемый даже для воинствующих атеистов.

Говоря об истоках белорусского этноса, следует отметить гипотезу доктора исторических наук, профессора И. А. Юхо. В одном из интервью он отмечал: «Я думаю, белорусская народность (т. е. этнос. – С. III.) и сложилась в то время (в начале нашей эры. – С. III.) так же, как и еврейская, – на основе религии и территории. Каждое общество держится на определенной религии – христианской, марксистской, а наше – на религии крестов (под крестами автор имеет в виду жрецов. – С. III.), и это несерьезно, когда пишут, что белорусская народность сложилась в XIV–XV вв. или даже в начале христианизации. Уже в IV–V вв. здесь было хорошо организованное государство» [5]. Далее И. А. Юхо, опираясь на такое известное аристотелевское определение человека, как *zoon politikon* (существо политическое), утверждает, что люди всегда жили в государствах:

«...не в государстве может жить только животное или Бог», – и никаких племен они не знали: «Племена – это сказка Библии, позже признанная марксистской теорией» [5].

Заметим, что на недавней встрече Президента Республики Беларусь с общественностью Игорь Марзалюк – председатель Постоянной комиссии по образованию, культуре и науке Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент НАН Беларуси – спросил, не должна ли сегодня Беларусь отмечать свое тысячелетие, на что Президент ответил, что для этого нужны точные, неопровержимые научные доказательства¹. С этой точки зрения аргументы И. А. Юхо пока сомнительны. Так, мысль о том, что общества (цивилизации) базируются на религии и территории, высказана английским историком Арнольдом Тойнби (1889–1975). Он также провел типологию обществ по критерию религии. Здесь же возникают очевидные вопросы к И. А. Юхо, например: «Что это за феномен “крестовая религия”?»; «Как она связана с естественными верованиями и последующими формами религиозности, тем же христианством?»; «Как влияет на поведение, чему учит?». Слова Аристотеля о том, что человек от природы есть существо политическое (*zoon politikon*), отвергнуты, и сегодня это определение переводят как «общественное существо». Поэтому утверждение, что люди изначально всегда жили в государстве, звучит странно для историка. Обратимся, например, к дневникам классика мировой антропологии и этнографии, великого русского путешественника Н. Н. Миклухо-Маклая, в которых описаны его наблюдения за жизнью, бытом и обычаями папуасов Новой Гвинеи. У папуасов того времени, в 1870-х гг., нет даже намеков на государственные органы, нет ни налогов, ни суда с его законами, ни паспортного режима, ни полиции, ни таможни, в деревнях нет даже старосты. Есть только местные авторитеты и властное начало в форме этнопотестаризма общественного мнения, которое, как отмечал Ф. Энгельс, уже все отрегулировало. Жившие там люди были по-своему счастливы, им и в голову не приходило, что можно жить иначе, по-другому. В своем предисловии к дневникам исследователя «Тамо-Рус, человек из России» Л. Чуковская писала: «Сегодня таких первобытных (архаичных, по западной терминологии. – С. III.) племен почти не осталось в мире, а с ними вместе исчезает возможность наблюдать раннюю стадию человеческого общества, через которую когда-то прошли все народы» (перевод наш. – С. III.) [6, с. 6]. Только спустя 100 лет после Н. Н. Миклухо-Маклая (в 1970-х гг.) папуасы создали собственное незави-

¹Лукашенко прокомментировал возможность введения Дня белорусской государственности [Электронный ресурс] // ОНТ. Общенациональное телевидение. URL: <https://ont.by/news/lukashenko-belorusy-dolzny-okonchatelno-osoznat-svoyo-nacionalnoe-edinstvo> (дата обращения: 19.04.2019).

симое государство Папуа – Новая Гвинея, занявшее примерно одну пятую часть острова (462,8 тыс. км²), с населением около 5 млн человек. Советские этнографы в те же годы посетили места, где жил и работал ученый, и провели новые исследования. Они, в частности, установили, что, «изучая социальную организацию папуасов, Миклухо-Маклай не добрался до ее середины – родовых экзогамных ячеек. <...> Они выявили в современном Бонгу (деревня, которую изучал Н. Н. Миклухо-Маклай. – С. III.) так называемые вемуны – экзогамные коллективы (внутри которых браки не совершаются. – С. III.), связь членов которых зиждется отчасти на кровном родстве, отчасти на родстве по браку и во многом – на совместном труде и коллективной собственности на землю, на орудия труда, лодки и т. д.» [7, с. 249].

Понятно, что экзогамия вводилась для табуирования, т. е. запрета инцеста (кровосмешения), а сохраняющаяся до сих пор коллективная собственность дала основания К. Марксу назвать эту стадию в развитии человечества первобытным коммунизмом. С точки зрения этносоциологии папуасную вемуны можно, по-видимому, отнести к одному из вариантов койнемы (от греч. *koinon* – общее, *koinonia* – сообщество) как «неделимого начала, которое лежит в основе общества, так же как мифема – в основе мифа, а сема – в основе семантики» [1, с. 16]. Исходя из известного этнологического ряда *семья – род – община – племя – союз племен – государство*, можно утверждать, что, минуя племенную стадию, государство возникнуть не может в естественном саморазвитии той или иной общности. Чтобы возникло искусственное, внеэтническое государство, необходимо было сильное влияние некоторых экзогенных (внешних) факторов. Одним из исторических примеров образования такого государства являются США. Их началом считается прибытие в Массачусетс в 1620 г. сотни пилигримов (отцов-основателей). Это были кальвинисты-пуритане, бежавшие от антипротестантских репрессий, царивших в то время в Англии. Вслед за ними по этому же пути двинулись переселенцы из многих стран Европы, представители самых разных этносов. Первоначально они сближались и объединялись друг с другом вовсе не по этническим признакам – общности происхождения, обычаев, языка, а главным образом по вероисповеданию, единству веры; позже необходимость сплочения определялась вооруженной борьбой с метрополией. Неслучайно, по данным Бюро переписи США, отвечая на вопрос о национальности предков, 51,6 млн американцев назвали немцев, 41,7 млн – ирландцев, 40,0 млн – англичан, 16,0 млн – африканцев, 8,4 млн – поляков, 3,5 млн – русских, 0,525 млн – украинцев и т. д. (всего более 40 национальностей). Н. Смелзер отмечал: «Таблица свидетельствует о том, что американцы представляют собой многоязычную нацию. И хотя некоторые группы выходцев из Северо-

Западной Европы (немцы, ирландцы, англичане) очень многочисленны, ни одна из них не может считать себя преобладающей» [8, с. 305]. Соответственно, распространенный ранее в США термин «белый англосаксонский протестант – БАП» обозначает не этнос, а скорее клан, т. е. сплоченную группу единомышленников, претендовавшую на доминирование в обществе.

С представлением И. А. Юхо о том, что «племена – это придумка Библии», трудно согласиться. Во-первых, у библейского народа долго, по сравнению с его соседями – Египтом, Вавилоном, Сирией и др., – сохранялся племенной строй и, как считают историки религии, такие известные личности, как Авраам, Моисей, Давид, были вначале племенными старейшинами или вождями. Следовательно, термин «племя» был широко распространен и употребим в повседневном разговорном языке, а не придуман авторами текстов Библии. Во-вторых, термин «племя» (от лат. *tribus*) давно вошел в научный оборот антропологии, этнографии, этносоциологии и других наук: в немецком языке – *Der Stamm*, английском – *Triba*, французском – *Tribu* и др. Конечно, племя имело «властное начало», как отмечает М. В. Довнар-Запольский: «Летописец (Начальной летописи. – С. III.) знает, что каждое племя имело свое княжение, т. е. представляло собою отдельный народец» [2, с. 22] (имеется в виду этнос). Иногда эта власть была уже достаточно сильной, например, в условиях трайбализма (замкнутый этнос накануне превращения в нацию). Но функционально она еще не оформилась в специальный институт государства со всеми его службами. Поэтому и этнос племени был только «народцем», но не народом и нацией, возникающими в государстве. В Библии, действительно, выделяется одно из племен («колени Иуды») как избранное Богом. Думается, правильно толковать ситуацию избрания Богом одного племени следует в контексте борьбы за монотеизм, т. е. «избранность» здесь не имеет ценностного смысла, это скорее «вероятность выбора». После образования единого государства царь Иошия в 621 г. до н. э. отменил все культы племенных богов, кроме Бога Яхве. Так идея единобожия, возникшая как «Один Бог для одного племени», канонизировалась в тезис «Один Бог для одной нации».

Сомнителен также упрек И. А. Юхо в адрес марксизма, признавшего и подтвердившего термин «племя». Однако принятие данного термина было вполне естественным в связи с расширяющимися антропологическими и этнографическими исследованиями первобытных (архаических) обществ. Маркс и Энгельс высоко оценили книгу американского этнографа Л. Г. Моргана (1818–1881) «Древнее общество», посвященную анализу истории и культуры индейцев-ирокезов, находившихся на догосударственной (родоплеменной) стадии развития. Он раскрыл роль этнических движущих сил

в прогрессе человечества. Марксизм сделал ставку на классовый подход в ущерб этническому. Но абсолютизация классового подхода, как и интернационального долга (в Афганистане и других странах), были не до конца проработаны теоретически и плохо обоснованы концептуально. Однако в советское время, руководствуясь такими генерализованными, неконкретизированными установками, академик Ю. В. Бромлей (1921–1990) и его ученики утверждали, что «такого явления, как “этнос”, в СССР нет вообще и, возможно, его нет в принципе на современной стадии развития общественных отношений в капиталистических и тем более социалистических странах» [1, с. 11]. Но ведь очевидно, что есть семья как этническая ячейка общества, есть род как сплоченная группа родственников, есть кланы как квазиэтнические образования, выросшие во многих развитых странах на базе прежних племен. Япония, например, вместо того чтобы бороться с nepoтизмом (кумовством, родственностью, этнодинастиями и т. д.) на производстве, как учили классики управления Г. Форд, Ф. Тейлор и др., стала создавать компании на основе кланов, т. е. родственных патрилинейных групп. Это дало большой эффект и преимущества в конкурентной борьбе, поскольку родственные связи между работниками автоматически обеспечивают высокое доверие, взаимоконтроль, дисциплину и ответственность, повышают корпоративную культуру, формируют гордость за свою компанию и местный патриотизм.

К сожалению, вопреки отказу некоторых ученых и политиков от этноса, а также всеобщей тенденции к полиэтничности (многонациональности), есть страны, стремящиеся к созданию на своей территории единой моноэтнической общности и прилагающие для того невероятные усилия. Сегодня в числе таких немногих стран особенно выделяется Украина.

Наши этнонимы (этнические имена) – Беларусь, белорусскость, белорус, и др. – образованы от названия края – Белая Русь. Это сегодня сомнения не вызывает. Правда, существуют разные мнения относительно того, как необходимо дешифровать оба эти термина, иначе говоря, почему «Русь» и почему именно «Белая»? Известный русский этнограф Л. Н. Гумилев (1912–1992) отмечал, что славяне не были аборигенами Восточной Европы, эту территорию уже заселяли россы, или русы, – этнос по топонимике скорее не славянский, а германоязычный. С россами славяне сошлись мирно (места всем хватало) и постепенно их ассимилировали. Один из летописцев в X в. писал: «Греки зовут *Rossos* тот народ, который мы зовем *Nordmannos* (северные люди. – С. III.) – по месту жительства», – и помещал этот народ рядом с печенегами и хазарами на юге Руси [9, с. 12]. Славяне приняли это имя и сохранили его как свой этноним – Русь. На территории Беларуси каких-либо остатков языка россов, кажется, не обнаружено. Но, может быть, прав А. Дударев,

включивший легенду о них в свой фильм «Белые россы». Согласно ей, такие люди были, а белыми их назвали за их достойные восхищения потомков личностные качества. Термин «Русь» быстро распространился, появились названия Киевская Русь, Галицкая, Червонная, Великая, Малая, Черная и Белая Русь. Эпитет «белая» точнее других объяснил Довнар-Запольский, понимая его как «вольная», «свободная». Он пишет: «Действительно, в древнейшем русском языке слово “белый” имело такое значение, тогда как слово “черный” имело значение, указывающее на обложение податью по принуждению» [2, с. 15] (переносный смысл сохраняется в таких названиях, как Белый дом, т. е. главный, Красная площадь – лучшая, красивая, и др.).

С древних времен белорусские земли, за исключением небольшого юго-западного участка, были свободны и независимы. Они успешно сопротивлялись попыткам аннексии, экспансии со стороны киевских князей (Олега, Владимира и др.), позже – немецких орденов крестоносцев, избежали татаро-монгольского ига, окатоличивания и полонизации в составе Речи Посполитой. Население ВКЛ в XIV в. на 80 % состояло из этнических белорусов [3, с. 21].

Во времена Великого княжества Литовского Белая Русь не только сохранила свою самостоятельность, избежала обложения податями по принуждению, но и приобрела доминирующее положение в конфедерации с Литвой: белорусский язык стал языком государственных статуты, законов и подзаконных актов, этнические белорусы выдвинулись на ключевые воинские и гражданские должности, дворянская элита заняла ведущие позиции в экономике, финансах и других отраслях народного хозяйства, в культуре и искусстве.

Черной Русью тогда называли те территории, которые находились в зависимом, подневольном состоянии, выплачивали дань своим соседям. Такими были Новогрудок и Гродно с окрестностями. Но вскоре такое название потеряло, как пишет М. В. Довнар-Запольский, всякое значение, и «народ усвоил себе также наименование белорусов» [2, с. 16]. Надо заметить, что этнические термины бывают как автонимами (самоназвания), так и экзонимами (внешние имена). Этимология этих терминов показывает, что автоним является внутренним продуктом того сообщества, которое именуется, он рождается спонтанно как феномен общественного сознания, народного мнения. Даже если имя предлагалось конкретным лицом, его авторство не сохранялось, ибо оно могло прижиться лишь будучи легитимированным (поддержанным самой общностью, народом). Возьмем, к примеру, Францию: римляне называли эту территорию Галлией, позже здесь возникло Франкское королевство, и хотя номинально название «Франция» существовало, но страны такой не было. Ее графства и герцогства, такие как Бургундия, Нормандия (образована викингами), Шам-

пань, Прованс, Гасконь и др., населяли более десяти самостоятельных этносов, тщательно оберегавших свои этнические особенности. И только Генрих IV Бурбон (1593–1610) стал первым, кто назвал себя королем Франции (все его предшественники носили титул королей франков). Укрепив государство, он дал народу (всем этносам) статус граждан и национальность французов. Все эти политические преобразования, естественно, легитимировались общественным мнением населения страны.

Что касается терминов-экзонимов, то они приходят извне, как правило от ученых, политиков, религиозных деятелей, купцов и дипломатов из других, более «продвинутых» стран или от ближайших соседей. Так, названия двух племен наших далеких предков являются автонимами. Дреговичи – от слова «дрегва» (бел. *дрыгва*): так называли себя те, кто занял северный ареал р. Припять, по местности (болота, трясына). Радимичами называли себя потомки Радима, по легенде Начальной летописи, одного из двух братьев, пришедших с запада из ляхского славянского племени, который и стал родоначальником радимичей, поселившихся на р. Сож. (Второй брат – Вятко – основал на р. Оке племя вятичей.) Название племени кривичей, по гипотезе М. В. Довнар-Запольского, является заимствованным, чужим, «так они себя никогда не называли», и славянская этимология этого названия не обнаружила. Автор считает, что имя «кривичи» произошло от литовского слова *Krievi*, обозначающего топь, трясыну. Литовцы так называли дреговичей, просто переведя это слово на свой язык. Оно стало собственным именем племени, после того как кривичи проникли на территории великорусских племен – на Оку, Волгу, в Новгородские и Псковские земли, постепенно смешались с местными народами и ассимилировались ими.

Термины «Белая Русь» и «белорус» также экзонимы, они заимствованы из зарубежных источников. С возникновением ВКЛ эти термины стали употреблять великие князья для отличия титульного этноса от литовских племен – жмуди, ятвягов и др., а также от поляков, ставших католиками. Но в народе возник новый автоним – «литвин». Это имя приобрело широкое распространение, хотя оставалось неформальным, и вошло даже в книжный язык. В Московском государстве Белой Русью стали называть земли, которые остались не покоренными татаро-монголами – в основном северная и северо-восточная часть страны. В таком значении термин «Белая Русь» закрепился в титуле государей: «князь Великой, Белой и Малой Руси».

Термин *Russia Alba* – латинизированное название Белой Руси – вошел в европейские языки много веков тому назад. Тобиас Майер составил географическую карту этих земель. На ней представлены такие географические объекты, как Полесье, Налибокская пуца, а также реки (Неман, Припять, Двина и др.), многие города современной

Беларуси (Брест, Гродно, Лида, Пинск, Туров, Мозырь, Минск, Полоцк, Молодечно и др.).

В русском языке долгое время сохранялось неоднозначное толкование термина «Белая Русь». Так, Т. С. Георгиева, рассказывая о князе Андрее Боголюбском, основателе Владимирского княжества, приводит его слова: «Я Белую Русь городами и селами застроил и многолюдно сделал», – и поясняет, что «Белой Русью тогда назывались места, где выпадало много снега» [9, с. 43]. Думается, что такое простое объяснение вряд ли мог иметь в виду русский князь. Интересно, что Н. М. Карамзин приводит слова В. И. Даля о кумире Перуна: «В Великой Руси осталось мало следов этого бога грома и молний, грозы. В Белоруссии более, там его описывают: это высокий, плечистый головач, черноволос, черноглаз, борода золотая, в правой руке лук, в левой колчан со стрелами, он ездит по небу в колеснице, пускает огненные стрелы» [10, с. 133]. Стало быть, Даль, как и Карамзин, знает *Белоруссию* как особую землю, пусть и в составе Российской империи.

Отметим противоречие, связанное с хронологией (датировкой и последовательностью дат) наиболее значимых событий и явлений в жизни разных стран и народов. Так случилось, что в исторической науке издавна сложилась тенденция ставить на первое место государство, описывать его устройство, войны и революции, деятельность его руководителей – князей, королей, царей, фараонов, гетманов и т. д. Такой материал о прошедших событиях более доступен, чем этнографический (об образе жизни людей, населяющих государство). Он сохраняется в различных хрониках, дипломатических документах, на каменных скрижалях в виде высеченных заповедей и легче поддается интерпретации по логике обратной связи: от следствия (современное состояние) к возможным основаниям, причинам в прошлом. Тем самым проблема этногенеза отходит на задний план: трансформации этноса уделяется крайне мало внимания. Например, в знаменитой книге Н. М. Карамзина «История государства Российского» в 12 томах, охватывающей период только до Смутного времени 1612 г., догосударственному времени уделено лишь 46 страниц, в первом томе. Здесь бегло сказано о характере, быте, вере, языке славянского этноса, одного из главных (титульных) для будущего государства. Все остальные тома посвящены анализу деятельности великих князей и царей (начиная с Ивана Грозного). Этот перекося в некоторой степени поправлен в лекциях В. О. Ключевского. В научно-популярной книге белорусских авторов И. И. Ковкеля и Э. С. Ярмусика «История Беларуси с древнейших времен до нашего времени» догосударственному периоду отведено 18 страниц, около 3 % всего объема текста. Таких примеров можно приводить много. Не вдаваясь в историю политических учений о происхождении государства, в которых особенно выделяются

теории общественного договора Ж.-Ж. Руссо и классового неравенства и борьбы классов марксизма, отметим лишь следующее.

Подавляющее большинство существующих сегодня 215 государств, как и тех, которые уже сошли с земной арены и растворились в истории (Вавилон, Ассирия, Мидия, Хазария и др.), возникли естественным путем, т. е. на основе этноса или консолидации этносов. Этническая общность – это народонаселение, начиная от семьи, рода, родовой и соседской общины, племени, до союза племен, который представлял собой протогосударственный организм, от которого до подлинного государства дистанция невелика, и она легко преодолевается при благоприятных условиях. И сегодня в мире есть этнические общности, которые активно добиваются своего суверенитета, стремясь стать независимыми и самостоятельными странами, государствами.

Второй путь искусственный, он осуществляется заселением некоторой территории выходцами из разных этносов, из которых формируется постепенно, в процессе ассимиляции, единая народность и нация. Так поступил римский император Константин Великий, создав на окраинах своей империи новое государство – Византию – в 327 г. Вслед за императором сюда переселилась часть римской знати со своей службой, позже – выходцы из ближних и дальних стран, приобретающих здесь жилье, получавших работу или службу, гражданство византийцев. В современной истории самый яркий пример искусственного, хотя и полустихийного создания государства показали США. На территорию Америки переселялись выходцы из разных стран мира: пилигримы, кочевники-номады, протестанты, сбегавшие от инквизиции еретики, преступники, патриоты (как Т. Кастюшко) богатые рабовладельцы, авантюристы и т. д. Перемалывая, переплавляя в «плавильном тигле» все это разнообразие этносов, бывшие английские колонии смогли победить метрополию и поддерживающие ее многие племена индейцев, а также немецких и других наемников, правда, не без сильной помощи со стороны Франции, России и некоторых других стран, и создать свое независимое государство, сформировать новую американскую нацию. Но в современных условиях этот пример повторить вряд ли кому-нибудь удалось бы.

Такой путь образования государства позволяет почти точно датировать время его возникновения и существования. Так, США обрели суверенитет как самостоятельное государство со дня принятия конгрессом Декларации независимости 4 июля 1776 г., и их история на сегодня составляет 243 года. Созданная Константином Византийская империя просуществовала более тысячи лет, до 1453 г., когда ее захватили турки-османы. Она оставила миру православную религию, многие технологии (например, шелковое дело – благодаря выкраденным у Китая

двумя монахами коконам шелкопряда), редкие архитектурные памятники (как Софийский собор, превращенный мусульманами в знаменитую мечеть), а также различные культурные ценности в области литературы, искусства и науки.

Российское государство возникло в 862 г., когда княжить в Новгороде был приглашен Рюрик. Наследственная династия Рюриковичей продлилась 736 лет, пока, подорванная Иваном Грозным, не сменилась царствованием Бориса Годунова, Смутным временем и, наконец, в 1613 г. – устойчивой династией Романовых. Обратим внимание, что начало российской государственности определялось историками по материалам летописей, наибольший вклад в эту реконструкцию внес Н. М. Карамзин (1766–1826). Но этнос уже существовал: основу его составляли кривичи, а также примкнувшие к ним без насилия финские племена – весь, чудь, угры и др. Вот как описывает эту ситуацию Н. М. Карамзин: «Рюрик прибыл в Новгород, Синеус на Белоозере в область финского народа веси, а Трувор в Изборск, город кривичей. Смоленск, населенный также кривичами, и самый Полоцк оставались еще независимыми и не имели участия в призвании варягов» [10, с. 63].

Причину обращения славян к Рюрику летописец Нестор описывал так: «Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет: идите княжить и владеть нами» (по легенде, эти слова принадлежат новгородскому старейшине Гостомыслу). Отсутствие порядка объяснялось раздробленностью земли на мелкие области, что объективно провоцировало распри, конфликты и войны. Н. М. Карамзин пишет: «Отечество наше слабое, раздробленное на мелкие области до 862 г., по летоисчислению Нестора, обязано величием своим счастливому введению монархической власти» [10, с. 62]. Эта мысль легла в основу «охранительной идеологии», сторонники которой (М. Щербатов, К. Ковелин) абсолютизировали самодержавие и всячески защищали и возвеличивали его роль в истории России. Н. М. Карамзин не мог познакомиться с республиканскими и конституционными проектами декабристов Н. М. Муравьева и П. И. Пестеля, тем более с «Философическими письмами» П. Я. Чаадаева, первое из которых было опубликовано в 1836 г., десять лет спустя после его ухода из жизни, в журнале «Телескоп», но история доказала ошибочность его монархических взглядов для будущего России. Но относительно начала политгенеза Н. М. Карамзин был прав, поскольку становление такого мощного и обширного государства, как Россия, было бы невозможно без сильной, централизованной власти – авторитаризма или монархии.

Отказываясь от этносоциологического анализа древних славян, трудно понять причины разногласий между Киевской Русью и Полоцким княжеством, выразившихся не просто в «споре славян

между собой», как оценивал Пушкин конфликт России с Польшей, а приведших к грандиозной по тем временам битве на Немиге в 1067 г. В знаменитом «Слове о полку Игореве», которое К. Маркс оценил как «призыв к единению перед нашествием татаров», сказано: «На Немиге снопы стелят головами, молотят стальными цепями, на току жизнь кладут, веют душу из тела» (цит. по: [2, с. 37]). Чем же вызвано было такое побоище?

Согласно Начальной летописи, Киевская Русь как первое восточнославянское государство было основано Рюриковичами (Рюрик, Олег, Игорь, Ольга и т. д.). Даже если бы легендарные Дир и Аскольд были, как пишет Т. С. Георгиева, «прямые потомки Кия, а вовсе не сбежавшие от Рюрика конунги» [9, с. 14], это не меняет ситуацию. Ведь украинские историки считают, что Киеву более 1500 лет, значит, Дир и Аскольд жили спустя 300 лет после своего предка Кия, и сохранить родословную в то время было просто невыносимо. А оставшаяся в сказаниях и песнях народная память вовсе не обязательно связана с преемственностью.

Важно отметить, что белорусские племена присоединились к возникшему государству добровольно. Они участвовали в совместных походах на Царьград, в битвах с кочевниками (торками) – о чем напоминает Изяславу на допросе находящийся с сыновьями в киевской тюрьме полоцкий князь Всеслав, захваченный в плен обманом, с нарушением клятвы. Киевский князь парирует: «А зачем вы рушите Новгородскую и Псковскую земли?» В этом суть распри и военного конфликта. Киевские князья считают эти земли своими – по наследству от первого новгородского князя Рюрика. Но Полоцк, по словам Н. М. Карамзина, не имел отношения к приглашению Рюрика, к тому же эти земли оставались вечевыми республиками (вплоть до XVI в., пока не были разгромлены Иваном Грозным). Аргументы полочан были этническими. Они ссылались на то, что эти земли были впервые освоены и заселены кривичами, которые смешались с финно-угорскими племенами и ассимилировались. Под Псковом кривичи построили г. Изборск. Следовательно, по этническому критерию, который и сегодня является приоритетным в разграничении территорий (вспомним о возвращении крымских татар и другие примеры), претензии по-

лоцких кривичей были весомее аргументов киевских князей. Но последние предпочли решить этот спор силой.

Второй причиной распада Руси явилась «удельщина». Великие киевские князья раздавали уделы своим близким родичам (братьям, сыновьям и др.), которые также стремились к независимости. В результате великий князь лишь номинально оставался главой государства, но реально он уже не владел розданными уделами. Эту ситуацию характерно описал А. К. Толстой (1817–1875), соавтор, наряду с братьями Жемчужниковыми, знаменитого Козьмы Пруткова. Говоря о деятельности Великого Ярослава в поэме «История государства Российского от Гостымысла до Тимашева», он отмечает:

Но из любви он к детям
Всю Землю разделил.
Плоха была услуга,
А дети, видя то,
Давай тузить друг друга:

Кто как и чем во что!
Узнали то татары
«Ну, – думают, – не трусь!»,
Надели шаровары,
Приехали на Русь (цит по: [9, с. 326]).

И третья причина – это перекрытие кочевниками-половцами и турками-сельджиками торговых путей, что значительно ослабило транзитное значение Киева. В это же время на северо-востоке от Киева началось формирование нового княжества со столицей в Суздале. Позже Андрей Боголюбский (правил в 1157–1174 гг.) перенес столицу во Владимир, поскольку не мог стерпеть ограничения княжеского самовластия со стороны вече, которого во Владимире не было. Он же в 1169 г. штурмом взял Киев и разорил его, подорвав окончательно величие Киевской Руси. Владимиро-Суздальское княжество в этническом плане создали вятичи и кривичи, к союзу которых присоединялись многие северные племена, а также беженцы с южных земель, постепенно ассимилировавшиеся в новой среде и органически вошедшие в единый тогда русский этнос (народ). Этот этнос и образовал основу Московского государства – Великой России.

Полиэтническая идентичность и консолидация белорусского народа в контексте исторической памяти

В социологии под идентичностью (лат. *identitas* – тождество, сходство, подобие) понимается принадлежность людей к той или иной категории, социальной группе, общности. Признаки (критерии), по которым определяется принадлежность, могут быть двоякого рода: 1) аскриптивные (врожденные, унаследованные); 2) достижительные. К пер-

вым относятся пол, возраст, место постоянного жительства (город, село), раса; в кастовом обществе – касты; в сословном – унаследованные титулы: граф, князь, маркиз и т. д. Ко вторым – все достигнутое человеком в процессе его жизнедеятельности (как *selfmademan* – человек, сделавший себя): звания, степени, классы, ранги, статусные отличия и т. д.

Аскриптивную принадлежность можно определить автоматически, по данным статистики, достижительная принадлежность, как правило, определяется субъективным выбором. Человек сам решает, к какой референтной группе он хотел бы принадлежать, на кого быть похожим, в какую общность *мы*, отличную от общности *они*, входить.

В этногенезе издавна противостоят две тенденции – полиэтническая и моноэтническая. В полиэтническом обществе доминирующим, по крайней мере в теории, признается дух демократизма и эгалитаризма этнических отношений. Поскольку в полиэтническом обществе все этносы равны и равноправны, а большие по численности этносы не имеют каких-либо преимуществ или привилегий, то этническая принадлежность выражает не политико-правовой статус, а только особенности культурного, национального и исторического контекста данной этнической группы. Как отметил Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко, армяне, живущие в Беларуси, являются неотъемлемой частью нашего народа². В моноэтническом обществе господствует дух этнократии (букв. – власть этноса). Оно стремится вытеснить иноязычные этносы, заменить их представителей в органах власти, науке, образовании и других областях своими автохтонами, невзирая даже на отсутствие у многих из них соответствующих компетенций.

Белорусский этнос изначально формировался как открытый, дружелюбный, гостеприимный, готовый к сожительству, взаимопомощи, коллективизму, «талаке». Наши предки добровольно впустили на свою этническую территорию литовское племя ятвягов. Еще в XIV в. приняли евреев, татар, мирных поляков, беглых из Московского княжества, таких как Андрей Курбский, разрешили строить храмы и исповедовать свою веру католикам и протестантам, основать учебные заведения иезуитам, позволили социанам создать в г. Ракове свой центр и т. д. Великое княжество Литовское можно считать образцом конфедерации, даже сегодня, в отличие от Бенилюкса (Бельгия – Нидерланды – Люксембург) и других подобных попыток.

Социологический анализ этногенеза – происхождения народов, а также многих явлений, связанных с ним и производных от него, предполагает прежде всего выявление особенностей двух противоборствующих методологических подходов – реализма и номинализма. Социологический реализм принимает за основу исторического бытия людей все общество как единую целостность и его отдельные институты (семья, государство, собственность и др.), не зависящие от действующих здесь и сейчас индивидов. Социологический номинализм, на-

оборот, считает, что общество и его институты создаются этими индивидами, которые и являются подлинными субъектами социальной реальности *Dasain* (в пер. с нем. – здесь и сейчас). Эти подходы имеют свои канонические постулаты: у реалистов – это тезис «в общественной жизни ничего нет менее постоянного (устойчивого), чем сами люди», у номиналистов – «нет людей – нет общества».

Обращаясь к проблематике этногенеза, к проявлениям феномена этничности, в повседневной жизни современный человек руководствуется – целенаправленно или спорадически (от случая к случаю) – двумя представлениями (идеями): во-первых, трехмодальной структурой времени – прошлым, настоящим, будущим; во-вторых, неразрывной связью времен как предназначением и предметом истории. Трехмодальное время – довольно позднее «изобретение» (осознание, понимание) человека. Первобытную эпоху называют доисторией, хотя палеоантропология пытается проследить все 3 млн лет превращения приматов в человека – *homo sapiens*. Этот период действительно доисторичен, поскольку люди, по словам М. Элиаде, «преследуют одну цель – аннулировать истекшее время, отменить историю посредством возвращения во время оно, посредством повторения космогонического акта» [11, с. 88]. Этот процесс осуществлялся путем ритуала как обрядовой церемонии, в которой воспроизводилось прошлое, превращаясь в настоящее. Сама жизнь, все действия людей подразделялись на две части: профанную (рутинную) и сакральную (священную), при этом вторая понималась как неограниченно обратимая, повторяемая до бесконечности, но остающаяся одной и той же во времени. Эта проблема весьма детально рассматривается и в работе белорусского исследователя концепции Элиаде Н. А. Никонович [12].

Принято считать, что собственно история начинается около 5 тыс. лет тому назад. К. Ясперс связывал начало истории с появлением письменности. «Письменные источники, – писал он, – нигде не датируются ранее 3 тыс. до н. э., следовательно, история длится около 5000 лет» [13, с. 56].

Вместе с историей появляется трехмодальное историческое время, становится возможной и приобретает свои права историческая память, что позволяет индивидам заметить, понять и принять объективную связь времен, а значит, консолидироваться в единую целостность, называемую обществом в самом широком смысле, – человечеством. Историческая память – это способность воспроизводить (вспоминать) прошлое, пусть даже и очень далекое, т. е. события, факты, персоналии, конфликты и возможные пертурбации, имевшие ме-

²Лукашенко: политика Беларуси в отношении Армении никогда не изменится, мы всегда будем братьями [Электронный ресурс] // БелТА. URL: <https://www.belta.by/president/view/lukashenko-politika-belarusi-v-otnoshenii-armenii-nikogda-ne-izmenitsja-my-vsegda-budem-bratjami-363965-2019/> (дата обращения: 30.09.2019).

сто в истории с позиций их полноты, адекватности и правды. Изучение данного вида памяти со всей убедительностью доказывает преимущества методологии реализма и вместе с тем выявляет просчеты номинализма. Действительно, отдельный человек, сколь бы ни была богатой, длительной и прочной его индивидуальная память, как, например, у известного мнемониста С. Шершевского, не может выйти за пределы своей личной когнитивной сферы: запоминать то, чего он не слышал, не видел, не воспринимал вообще. Это под силу только всему обществу. К его памяти вполне применима и уместна следующая характеристика И. Канта: «Память отличается от чисто репродуктивного воображения тем, что она способна произвольно (т. е. по своему усмотрению. – С. III.) воспроизводить прежнее представление, что душа, следовательно, не есть только игра воображения» [14, с. 419]. Историческая память отличается рядом атрибутивных признаков, некоторые из которых мы хотим отметить.

1. Архетипичность. Термин «архетип» (от греч. *arche* – начало, *typos* – образ), т. е. прообраз, прототип, исходная идея, был введен древнегреческими философами, но особую интерпретацию и мнемический смысл ему придал К. Юнг (1875–1961). В аналитической психологии Юнга архетип – основной элемент коллективного бессознательного, представляющего собой хранилище латентных следов памяти не одного индивида, а всех людей, проживавших вместе в подобных условиях и переживавших типичные ситуации. Это мысли и чувства, *одинаковые* у всех людей в силу их общего эмоционального прошлого.

Архетипы побуждают к ретроспективному анализу, возврату в историю самых далеких пращуров – архантропов и палеоантропов. Если верно, что коллективное бессознательное fasciniрует (по Канту – пробуждает, усиливает воображение), то можно попытаться представить, например, чем был первый огонь для далеких предков, какое влияние он оказал на их мозг и психику и почему нас так гипнотизирует ночной костер в лесу. Как нам понять и оценить, какие следы в их мнемонике (искусстве запоминания) и интеллекте оставило преодоление таких явлений, как антропофагия (канибализм), промискуитет, бессеркизм (приступ агрессии) и т. д., или введение экзогамии как «главной социальной инновации верхнего палеолита» [15, с. 179], линейного родства, тотема и табу, запрета на инцест, регуляция брака, появление рода и семьи и т. д. Такие события не могли не запечатлеться (импринтинг), сохраняться и транслироваться как некоторые образы-символы. Не будь этого, трудно представить единство и целостность глобального социетального общества (человечества), сохраняющегося столь длительное время, несмотря на множество природных катаклизмов, гибель многих

государств, войны и революции, кризисы и депрессии, иные перипетии.

Теория архетипов приобрела большую популярность, особенно в области искусства, но они являются не столько врожденными, сколько идеями духовной связи людей и социального наследования, т. е. единства и преемственности поколений на основе исторической памяти.

2. Инклюзивность. В теоретической социологии термин «инклюзия» применяется относительно мобильности людей. Он означает включение через признание (у Парсонса часто понимается как обретение членства, гражданства), достижение статуса. Например, по табели о рангах Петра I, доктор наук, профессор или офицер в чине полковника приобретали дворянское звание. По мнению Никласа Лумана (1927–1998), «инклюзия существует лишь тогда, когда возможна эксклюзия», т. е. исключение, изгнание, вытеснение. Он пишет: «Если в области инклюзии люди считаются личностями, то представляется, что в области эксклюзии речь идет чуть ли не только об их телах» [16, с. 47]. В исторической памяти под инклюзией можно понимать признание народом событий и персоналий прошлого как имеющих позитивное значение для сохранения и развития общества.

3. Реперность и селективность отбора. Историческая память крайне избирательна, она аккумулирует свой материал по некоторым реперным (опорным) точкам, критериям отбора, устойчивым в общественном сознании. Она сохраняет те исторические события, явления, личности, которые внесли и вносят свой вклад в консолидацию, сплоченность и единение общества, сохранение его целостности и независимости, поддержание стабильности, устойчивости развития, порядка и безопасности, предавая забвению все то, что этому противоречит, а также тех, кто не мог или не хотел, колебался или по конъюнктурным мотивам отклонился от этой линии.

Из памятных событий далекого прошлого белорусского этноса можно отметить такие, как победа Всеслава Чародея над половцами, идущими на Киев, во время его княжества в Киевском государстве; разгром татар на Синих Водах в 1363 г., за 17 лет до Куликовской битвы, что поспособствовало победе Дмитрия Донского. Особенно выделяется вошедшая в историю и в память народа Грюнвальдская битва против Тевтонского ордена. Нельзя не отметить, что удивление вызывает следующий текст в дайджесте «Всемирной истории»: «Поляки громят Тевтонский орден под Грюнвальдом» [17, с. 730]. Оказывается, английским историкам до сих пор не известно, что в той битве против тевтонцев воевали войска ВКЛ, Польши, отдельные полки некоторых русских княжеств.

Из ближнего прошлого память хранит события и героев Великой Отечественной войны, и с осо-

бой эмоциональностью – наш День Победы, освобождение Беларуси. Историческая память бережно хранит имена многих выдающихся людей, деятельность которых соответствует реперным критериям. В их числе Рогнеда, Всеслав Чародей, Ефросинья Полоцкая, Кирилл Туровский, князь Витовт, Николай Гусовский, Франциск Скорина, Винцент Дунин-Марцинкевич, Франтишек Богушевич, Кастусь Калиновский, Максим Богданович, Янка Купала, Якуб Колас, Василь Быков, Максим Танк, Сапегы, Радзивиллы, Войниловичи и другие шляхетские роды, белорусские космонавты, Петр Машеров, Андрей Громыко, Кирилл Мазуров и многие-многие другие. Конечно, преданы забвению князь Ягайло и его род, Михаил Глинский и другие перебежчики, все коллаборационисты, сознательно ставшие на службу гитлеровскому режиму в период оккупации белорусской территории. Забыт уже и бывший глава государства Николай Слюньков, проявивший в первые годы катастрофы на ЧАЭС растерянность и беспринципность, поддержав линию союзного руководства на сокрытие информации об аварии и отказ от мер по защите населения, особенно детей (йодной профилактики и др.), заявивший позже, что союзная помощь по преодолению последствий аварии «нам не нужна, Беларусь справится сама». А ведь наша страна до сих пор прилагает усилия, тратит немалые средства на реализацию данной программы.

Важно учитывать, что историческая память есть связь времен и ее нельзя сводить только к воспоминаниям о прошлом, – на это обращали внимание многие мыслители. Так, И. Кант писал: «Она служит для соединения восприятий *во времени*, для того чтобы то, чего уже нет, соединить в связном опыте с тем, чего еще нет, посредством того, что существует в настоящее время» [14, с. 419]. Эту же мысль по своему представил известный французский философ и социолог Реймон Арон (1905–1983): «Речь идет не о том, чтобы описать ухронию, но о том, чтобы вычленив рассказ о становлении, обрисовать различные эволюции, их пересечения и их связи, воссоздать в прошлом признаки политической реальности, пережитые в настоящее время» [18, с. 359]. Поясним, что ухрония – время, которого нет (по аналогии с утопией как местом, которого нет), автор имеет в виду описание событий вневременной последовательности.

Применяя логику Р. Арона к настоящему времени, следует подчеркнуть, что политическая реальность современной Беларуси характеризуется государственным суверенитетом, стабильностью, устойчивым развитием, общественным порядком, безопасностью, полиэтничностью и консолидированностью общества. Если попытаться найти (воссоздать) признаки нынешнего состояния в прошлом, то придется признать, что исторический путь к современной реальности был далеко не простым.

Народонаселение современной Беларуси представляет собой единую, высокотолерантную общность, в которой все входящие в нее национальные группы (этноты) имеют одинаковые конституционные права и равные возможности; понятие «меньшинство» если и употребляется, то только в демографическом значении, как меньшее по численности, но не социально-политическом или правовом смысле. По переписи 2009 г., в общей численности населения Беларуси, равной 9 503 807 человек, белорусы составили 83,7 %, русские – 8,26, поляки – 3,09, украинцы – 1,67, евреи – 0,13, армяне – 0,08, татары – 0,07, цыгане – 0,07 %, а также в ней отмечены азербайджанцы, литовцы, молдаване, латыши, арабы и другие малочисленные группы [19, с. 7]. Важно учитывать, что эти сведения представлены не на основе учетных данных (паспорта или метрики), а по ответам на вопрос о самоидентичности. Мы видим, что по сравнению с переписями населения в советское время значительно (почти на 4 %) возросло число белорусов, что можно объяснить большей долей новых, выросших при суверенной стране поколений, а также тем, что некоторые представители старших поколений восстановили свою идентичность. Предстоящая очередная перепись населения 2019 г., конечно, внесет некоторые уточнения в приведенные данные, но общую тенденцию она не изменит.

Известно, что белорусский этнос возник от смешения и слияния трех близких племен: дреговичей, кривичей и радимичей. М. В. Довнар-Запольский отмечал: «Белорусское племя, хотя в глубокой древности делилось на три ветви или даже на две (автор считал кривичей частью дреговичского племени, ушедших на северо-восток с начального его обитания на берегу р. Припять. – С. III.), испокон жило в указанной местности и по происхождению своему отличалось от других русских племен» [2, с. 24]. Он видит в ней «наибольшую чистоту славянского типа», поскольку никакие народы никогда ее не занимали, и белорусы, в отличие от великороссов и украинцев, не знали ни смешения, ни ассимиляций с кем-либо.

Белорусский этнос возник не позже принятия христианства восточными славянами. Даже если исходить из принятой в исторической хронологии датировки «по первому упоминанию в летописи», то можно отметить годы возникновения многих наших городов: Полоцка (862), Витебска (947), Турова (980), Заславля (985), Друцка (1001), Волковыска (1005), Бреста (1017). Но город невозможен без людей, а люди всегда объединены в этноты, из которых складывается народ, пусть и не в форме государства, а только потестарной организации, обеспечивающей совместную жизнь людей, их общежитие. Следовательно, прав профессор И. А. Марзалюк: мы можем отмечать тысячелетие возникновения белорусскости, белорусского этноса, народа, белорусских городов и княжеств.

Библиографические ссылки

1. Дугин АГ. *Этносоциология*. Мелентьева НВ, редактор. Москва: Академический Проект; 2011. 635 с.
2. Довнар-Запольский МВ. *История Белоруссии*. Минск: Беларусь; 2005. 680 с.
3. Ковкель ИИ, Ярмусик ЭС. *История Беларуси с древнейших времен до нашего времени*. Минск: Аверсэв; 2000. 592 с.
4. Ключевский ВО. *Русская история. Полный курс лекций. Книга первая*. Ростов-на-Дону: Феникс; 1998. 608 с.
5. Карпович О. Край Эльдорадо. Интервью с профессором И. А. Юхо. *Свободные новости плюс*. 2002, 3 октября.
6. Чукоўская ЛК. Прадмова. У: Міклуха-Маклай ММ. *Падарожжы*. Мікульскі А, перакладчык. Мінск: Дзяржаўнае вучэбна-педагагічнае выдавецтва БССР; 1954. 345 с.
7. Путилов БН. *Н. Н. Миклухо-Маклай. Путешественник, ученый, гуманист*. Тумаркин ДД, редактор. Москва: Прогресс; 1985. 280 с.
8. Смелзер Н. *Социология*. Ядов ВА, редактор. Москва: Феникс; 1994. 688 с.
9. Георгиева ТС. *Русская культура. История и современность*. Москва: Юрайт; 2000. 576 с.
10. Карамзин НМ. *История государства Российского. Том 5*. Сахаров АН, редактор. Москва: Наука; 1993. 555 с.
11. Элиаде М. *Космос и история*. Васильева АА, Рокитянский ВР, Борисова ЕГ, переводчики. Москва: Прогресс; 1987. 312 с.
12. Никонович НА. *Теоретический анализ философии мифа М. Элиаде: основные идеи и когнитивный потенциал*. Минск: Беларуская навука; 2018. 151 с.
13. Ясперс К. *Смысл и назначение истории*. Левина МИ, переводчик. Москва: Политическая литература; 1991. 527 с.
14. Кант И. *Сочинения. Том 6*. Асмус ВФ, Гулыга АВ, Ойзерман ТИ, редакторы. Москва: Мысль; 1966. 743 с.
15. Шкуратов ВА. *Историческая психология*. Москва: Смысл; 1997. 505 с.
16. Луман Н. *Дифференциация*. Скуратов В, переводчик. Москва: Логос; 2006. 317 с.
17. Ярошенко Н, редактор. *Всемирная история: люди, события, даты*. Москва: Издательский Дом Ридерз Дайджест; 2001. 752 с.
18. Арон Р. *Избранное. Введение в философию истории*. Гобозов ИА, переводчик. Москва: ПЕР СЭ; 2000. 543 с. Совместное издание с «Университетская книга».
19. *Национальный состав населения Республики Беларусь. Перепись населения 2009. Том 3*. Минск: Национальный статистический комитет Республики Беларусь; 2011. 436 с.

References

1. Dugin AG. *Etnosotsiologiya* [Ethnosociology]. Melent'eva NV, editor. Moscow: Akademicheskii Proekt; 2011. 635 p. Russian.
2. Dovnar-Zapolsky MV. *Istoriya Belorussii* [History of Belarus]. Minsk: Belarus'; 2005. 680 p. Russian.
3. Kovkel II, Yarmusik ES. *Istoriya Belarusi s drevneishikh vremen do nashego vremeni* [History of Belarus from ancient times to modern time]. Minsk: Aversev; 2000. 592 p. Russian.
4. Klyuchevsky VO. *Russkaya istoriya. Polnyi kurs lektsii. Kniga pervaya* [Russian history. Complete course of lectures. Volume 1]. Rostov-on-Don: Feniks; 1998. 608 p. Russian.
5. Karpovich O. Edge of Eldorado. Interview with Professor I. A. Juho. *Svobodnye novosti plyus*. 2002 October 3. Russian.
6. Chukovskaya LK. [Preface]. In: Miklouho-Maclay NN. *Padarozhzhzy* [Adventures]. Mikul'ski A, translator. Minsk: Dzjarzhawnae vuchebna-pedagogichnae vydavectva BSSR; 1954. 344 p. Belarusian.
7. Putilov BN. *N. N. Miklouho-Maclay. Puteshestvennik, uchenyi, humanist* [N. N. Miklouho-Maclay traveler, scientist, humanist]. Tumarkin DD, editor. Moscow: Progress; 1985. 280 p. Russian.
8. Smelser N. *Sociology*. Yadov VA, editor. Moscow: Feniks; 1994. 688 p. Russian.
9. Georgieva TS. *Russkaya kul'tura. Istoriya i sovremennost'* [Russian culture. History and modernity]. Moscow: Yurayt; 2000. 576 p. Russian.
10. Karamzin NM. *Istoriya gosudarstva Rossiiskogo. Tom 5* [History of the Russian state. Volume 5]. Sakharov AN, editor. Moscow: Nauka; 1993. 555 p. Russian.
11. Eliade M. *Kosmos i istoriya* [Space and history]. Vasil'eva AA, Rokityanskii VR, Borisova EG, translators. Moscow: Progress; 1987. 312 p. Russian.
12. Nikonovich NA. *Teoreticheskiy analiz filosofii mifa M. Eliade: osnovnye idei i kognitivnyi potentsial* [Theoretical analysis of the philosophy of myth in M. Eliade's works: basic ideas and cognitive potential]. Minsk: Belaruskaja navuka; 2018. 151 p. Russian.
13. Jaspers K. *Smysl i naznachenie istorii* [Meaning of history and its purpose]. Levina MI, translator. Moscow: Politicheskaya literatura; 1991. 527 p. Russian.
14. Kant I. *Sochineniya. Tom 6* [Complete works. Volume 6]. Asmus VF, Gulyga AV, Oizerman TI, editors. Moscow: Mysl'; 1966. 743 p. Russian.
15. Shkuratov VA. *Istoricheskaya psikhologiya* [Historical psychology]. Moscow: Smysl; 1997. 505 p. Russian.
16. Luman N. *Differentsiatsiya* [Differentiation]. Skuratov B, translator. Moscow: Logos; 2006. 317 p. Russian.
17. Yaroshenko N, editor. *Vsemirnaya istoriya: lyudi, sobyitiya, daty* [The world of history: people, events, dates]. Moscow: Riders Digest Publishing House; 2001. 752 p. Russian.
18. Aron R. *Izbrannoe. Vvedenie v filosofiyu istorii* [Selected works. Introduction to the philosophy of history]. Moscow: PER SE; 2000. 543 p. Co-published by the «Universitetskaya kniga». Russian.
19. *The national structure of the population of the Republic of Belarus. Census of 2009. Volume 3*. Minsk: National Statistical Committee of the Republic of Belarus; 2011. 436 p. Russian.

Статья поступила в редакцию: 07.10.2019.
Received by editorial board: 07.10.2019.

СИСТЕМА ОБЩЕСТВЕННОГО ДОВЕРИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ УПРАВЛЕНИЯ ЦИФРОВЫМ ОБЩЕСТВОМ: КИТАЙСКИЙ ОПЫТ

С. Г. ГОЛУБЕВ¹⁾, В. К. СУГАК¹⁾

¹⁾Центр системного анализа и стратегических исследований
Национальной академии наук Беларуси, ул. Академическая, 1, 220072, г. Минск, Беларусь

Рассматриваются вопросы становления системы общественного кредита (системы общественного доверия) в Китайской Народной Республике. Выделены важнейшие постулаты, на которых основывается создаваемая система. Отдельно анализируются система общественного доверия физических лиц и система общественного кредита юридических лиц. Изучаются отличия в восприятии системы общественного кредита жителями стран Запада и гражданами Китая.

Ключевые слова: Китайская Народная Республика; кредитный скоринг; система общественного кредита; система общественного доверия; социальный рейтинг.

CHINESE SOCIAL CREDIT SYSTEM AS THE TOOL OF GOVERNANCE IN THE DIGITAL ERA

S. G. GOLUBEV^a, V. K. SUGAK^a

^aCenter for System Analysis and Strategic Research,
National Academy of Sciences of Belarus, 1 Akademičnaja Street, Minsk 220072, Belarus
Corresponding author: S. G. Golubev (golubev_sergei@tut.by)

The article illustrates the issues of the formation of social credit system in the People's Republic of China. Key principles of creating and functioning of the system are discussed. Study makes separate analysis of the use of the system for scoring of citizens and organizations, including public and private sector. Authors focus on the differences in the perception of the social credit system from the points of view of Western and Chinese citizens.

Keywords: China; social credit system; social rating and scoring.

Введение

Приход к власти в Китайской Народной Республике в 2012 г. Си Цзиньпина был ознаменован началом жесткой антикоррупционной кампании, формы и методы которой постоянно совершенствуются, а масштабы расширяются. Развитие цифровых технологий и систем обработки больших данных по-

зволило применить самые последние достижения в этой области для решения задач социального мониторинга не только в целевых группах «коррупционного риска» (представители крупного бизнеса и руководящих органов различного уровня), но и распространить эту практику на все китайское

Образец цитирования:

Голубев СГ, Сугак ВК. Система общественного доверия как инструмент управления цифровым обществом: китайский опыт. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2019;4:62–74.

For citation:

Golubev SG, Sugak VK. Chinese social credit system as the tool of governance in the digital era. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2019;4:62–74. Russian.

Авторы:

Сергей Григорьевич Голубев – доктор экономических наук, профессор; главный научный сотрудник.
Вадим Константинович Сугак – заведующий сектором «Белорусско-Китайский исследовательский центр “Один пояс – один путь”».

Authors:

Sergey G. Golubev, doctor of sciences (economics), full professor; chief researcher.
golubev_sergei@tut.by
Vadim K. Suhak, head of the «Belarusian-Chinese research center “Belt and Road”».
post@sugakvadim.com

общество. Возникшую в результате этих процессов систему общественного кредита (社会信用体系) некоторые эксперты относят к инновационному

инструменту, призванному стать важным элементом системы, обеспечивающей функционирование цифрового правительства.

Как создавалась система общественного кредита

Следует сразу подчеркнуть, что система общественного кредита не является китайским изобретением – подобное сегодня реализуется и в других странах мира. Вместе с тем Поднебесная в этом плане опережает всех.

Более точный по смыслу перевод термина «система общественного кредита» – **система общественного доверия**. Характерно, что ее создание предполагалось еще при прежнем Председателе КНР Ху Цзиньтао, руководившем страной с 2002 по 2012 г. В 2007 г., как раз накануне мирового финансово-экономического кризиса, были опубликованы «Некоторые замечания канцелярии Госсовета КНР о создании системы общественного доверия» (国务院办公厅关于社会信用体系国务院办公厅关于社会信用体系建设的若干意见, далее – «Замечания») [1]. Подходы, положенные в основу действий по реализации «Замечаний», во многом напоминали систему скоринга (англ. *scoring* – набиение очков), т. е. систему оценки платежеспособности заемщика, которую осуществляет компания FICO (*Fair Isaac Corporation*, США).

Справочно. FICO представляет собой аналитическую корпорацию, специализирующуюся на услугах кредитного скоринга. Она основана в 1956 г., базируется в г. Сан-Хосе, штат Калифорния, имеет многочисленные отделения в различных штатах США, а также международные представительства в более чем 20 странах.

Разработанная компанией методика определения кредитного рейтинга заемщика стала неотъемлемой частью потребительского кредитования в США, а затем и во многих странах мира. Коммерческие банки используют данную методику для оценки потенциального риска, связанного с предоставлением кредитов потребителям, и для снижения собственных потерь, связанных с образованием безнадежных долгов. Присвоение рейтинга кредитополучателю, основанное на его кредитной истории, позволяет определить, имеет ли он право на текущий кредит, а также по какой процентной ставке и по каким кредитным лимитам.

В «Замечаниях» была поставлена задача по разработке и дальнейшему совершенствованию системы скоринга в области кредитования, налогообложения и выполнения контрактов, а также интерполяции мирового опыта на китайскую экономическую модель. Формально побудительным мотивом к принятию китайским руководством таких мер

стало гипертрофированное наращивание внутренней кредитной активности финансовых институтов страны, вызвавшее «взрывной» рост закредитованности предприятий и населения, что в условиях зарождавшегося мирового финансово-экономического кризиса могло привести к разбалансированности экономики Китая.

По поручению руководства Коммунистической партии Китая, к созданию национальной системы кредитных рейтингов приступил коллектив разработчиков, который возглавили выдающиеся ученые: Цянь Сюэсэнь (钱学森) – ключевая фигура в создании межконтинентальных баллистических ракет, участник космической программы США и основоположник космической программы Китая, а также Сунь Цзянь (宋健) – президент Китайской академии инженерных наук. Одновременно учеными велась разработка системы программно-аппаратной оценки надежности и эффективности работы государственных служащих. Их глубокие наработки послужили базисом дальнейших исследований в области системы общественного кредита, а также были использованы для создания уникальной, малоизвестной за рубежом системы сопровождения работы кадров государственного аппарата с элементами кибернетической обратной связи и самокоррекции.

Логическим продолжением начатой работы стало принятие Госсоветом КНР 14 июня 2014 г. нового документа – «Плана создания системы общественного кредита (2014–2020 гг.)» (国务院关于印发社会信用体系建设规划纲要(2014–2020年), далее – «План»). В новом «Плане» были существенно изменены подходы к определению функционального предназначения системы в целом, а также к ее содержанию. Официально в качестве главной задачи системы определено «объединение на единой интеллектуальной платформе разнородных данных о гражданах страны с возможностью их накопления, обработки и систематизации, что позволит оценивать кредитоспособность населения»¹ [2]. Однако ряд экспертов отмечает, что недекларируемая цель разветвления системы заключалась во введении контроля над социальным поведением граждан страны и в получении действенных инструментов влияния на формирование их поведенческих мотивов.

Нынешним Председателем КНР Си Цзиньпином цель создания системы обозначена так: «Для борьбы с острой проблемой недостатка доверия необходимо создать систему оценки надежности, охва-

¹Здесь и далее перевод наш. – С. Г., В. С.

тывающую все общество. Нужно совершенствовать как механизмы поощрения законопослушных и добросовестных граждан, так и механизмы наказания тех, кто нарушает закон и утратил доверие, чтобы человек просто не осмеливался потерять доверие» [3]. Достижение этой цели особенно актуально в свете усиления антикоррупционной кампании (интенсифицировавшейся после XIX съезда КПК, прошедшего в октябре 2017 г.), а также возможного нарастания социальной напряженности, вызванного замедлением темпов экономического роста в результате американо-китайской торговой войны и, как следствие этого, необходимостью проведения структурной перестройки традиционных отраслей экономики Поднебесной, неизбежно влекущей за собой сокращение числа занятых. Некоторые близкие к руководству КПК эксперты, давая оценку современному состоянию китайского общества, утверждают, что оно «нуждается в срочном упорядочивании и в восстановлении морали. Иначе под угрозой оказывается общественная стабильность и в конечном итоге власть партии» [4].

Построение системы общественного доверия (кредита) в соответствии с «Планом» основывается на нескольких важнейших постулатах: **централизме, модульности, единстве подходов к созданию платформ, возможности тиражирования системы.**

Один из важнейших принципов построения системы – централизм. Он подразумевает централизованную разработку архитектуры системы, которая в соответствии с китайскими традициями иерархического управления будет функционировать по следующему принципу: снизу вверх – поступление информации, наверху – анализ полученных данных, принятие ключевых решений и трансляция их вниз.

Система общественного кредита является крупнейшей и наиболее сложной в мире структурой мониторинга и последующего воздействия на поведение как отдельных индивидов, так и социума в целом. Поэтому для внедрения системы необходимо соблюдение еще одного принципа – модульности, который предполагает конструирование системы не целиком и не сразу, а предусматривает достаточно высокую автономность работы отдельных блоков и возможность введения их в действие последовательно, а при возникновении тех или иных проблем в эксплуатации – осуществление доработок, дающих собой элементов системы.

Важнейшим постулатом построения системы общественного кредита выступает также единство подходов к созданию информационной платформы, что проявляется в единстве организационных про-

цедур, одном для всей системы языке программирования, утвержденных для всех разработчиков и операторов протоколов обмена и коммуникаций и т. п.

Наконец, еще одним постулатом построения системы общественного кредита является возможность тиражирования системы. Декларируя стремление к строительству мирового сообщества единой судьбы, руководство Китая не исключает, что после отработки системы общественного доверия (кредита) ее отдельные модули, а также упрощенные варианты системы могут продаваться либо безвозмездно передаваться третьим странам. Прежде всего предполагается возможность передачи странам, расположенным вдоль стратегической инициативы «Пояс и путь», а также дружественным государствам Африки и Латинской Америки.

Общая координация действий по реализации «Плана» возложена на Национальную комиссию по развитию и реформам (中华人民共和国国家发展和改革委员会, англ. *National Development and Reform Commission*). Одной из основных функций комиссии, наряду с формированием регламентирующей законодательной базы и руководством научными разработками в соответствующих областях знаний, определено «активное содействие внедрению системы общественного кредита и руководство действиями провинций по созданию региональных систем на местах, формированию соответствующих баз и банков данных, а также выработке действенных механизмов их применения в рамках комплексного мониторинга социально-политической ситуации» [5]. Стандарты и критерии систем общественного кредита, созданных на региональном уровне, могут иметь, как это будет показано ниже, некоторые различия, но все они одобрены Национальной комиссией по развитию и реформам.

В соответствии с положениями «Плана» все данные, собранные в провинциях, стекаются в единую национальную платформу обмена кредитной информацией – своеобразный центральный информационный банк, представляющий собой массив гетерогенной информации, содержащий наиболее полные данные на граждан материкового Китая, а также на китайские и иностранные компании, ведущие деятельность в стране.

В настоящее время в национальную базу данных, формируемую в рамках создания системы общественного кредита КНР, объединены информационные массивы 37 министерств и ведомств, содержащие более 1 млрд единиц информации по физическим лицам и более 33 млн по юридическим [3; 4]. В качестве единицы информации определено электронное досье на физическое или юридическое лицо.

Система общественного кредита физических лиц

Базисом системы общественного кредита физических лиц выступает наличие у каждого ки-

тайского гражданина уникального электронного идентификатора. Идентификатор представляет со-

бой привязанный к внутреннему паспорту (карте) гражданина 18-разрядный пожизненный код, который никто не имеет права изменять, кроме уполномоченных на это органов власти.

Начиная с 2021 г. любые экономические, социальные и даже бытовые действия в Китае не только онлайн, но и оффлайн будут осуществляться исключительно на основе электронного идентификатора.

На базе электронного идентификатора личности, дополненного модулем биометрической идентификации, формируется досье китайского гражданина, содержащее **совокупность данных**, служащих основой для оценки его добропорядочности и присвоения ему определенного рейтинга [6]. Что это за данные?

Во-первых, это **централизованные сведения**. В их число входят данные, которые в настоящее время официально собираются китайскими министерствами и ведомствами. Это сведения о фамилии, имени, месте и времени рождения, прописке, семейном положении, наличии или аренде недвижимости, размерах другого имущества, данные судебных органов, сведения из полицейских и иных правоохранительных баз и т. п.

Во-вторых, это **локальные данные**. В их число входит информация о повседневной жизни граждан, которая сосредоточена в настоящее время в базах данных кредитно-финансовых учреждений, производственных компаний, торговых и транспортных организаций, социальных сетей, а также территориальных органов самоуправления. Это прежде всего кредитное досье гражданина и сведения о его надежности как кредито- или ссудополучателя. Кроме того, в них содержатся сведения о соблюдении работником трудовой дисциплины, техники безопасности, наличии/отсутствии проступков, связанных с производственным процессом, и т. п. Здесь же аккумулируются данные о потребительских предпочтениях граждан на основе ежедневно совершаемых ими покупок. Сведения из социальных сетей содержат информацию о круге общения того или иного гражданина, отношениях в нем, его общественно-политических взглядах, социально-экономических предпочтениях, культурной направленности. Соответственно, в базах данных нижнего уровня ячеек местного самоуправления содержится информация о том, насколько активно человек участвует в мероприятиях по благоустройству территории, уборке мусора, как он заботится о местной экологии, не создает ли проблем соседям своим поведением и т. п. Все эти данные влияют на социальный рейтинг гражданина, повышая либо понижая его.

В-третьих, это **сигнальные данные**. К ним относятся сведения, получаемые системой общественного кредита в результате обработки и анализа информации, поступающей от систем видеонаблюдения в городах (идентификация граждан по чер-

там лица, походке и т. п.), а в дальнейшем – из интернета посредством цифровых устройств. Если эти данные указывают на нарушения норм порядка, морали и нравственности, то, соответственно, рейтинг гражданина понижается, если же фиксируют положительные поступки человека – рейтинг растет. Главный акцент в поступающей информации делается на распознавании бытовых поступков, позитивных (например, спасение ребенка, помощь старикам при переходе улицы и т. п.) и негативных (курение в неположенных местах, нахождение на улице и в общественных местах в состоянии алкогольного опьянения, нарушение правил дорожного движения, правил уличной торговли, мелкое воровство, драки и т. п.).

В перспективе досье физических лиц, формируемые на основе трех выделенных нами выше видов данных (централизованных, локальных и сигнальных), предусмотрено дополнять так называемыми **контекстными индикаторами**. До 2025 г. в систему общественного кредита не предусматривается включать данные, связанные с состоянием здоровья граждан, их семейными отношениями в части соблюдения супружеской верности, воспитания детей и заботы о родителях. В то же время на совещании в Госсовете КНР в конце 2018 г. было принято решение о включении подобного рода показателей в их общую совокупность на следующем этапе развертывания системы. Пока нет четкой информации о том, каким образом предполагается получать достоверные сведения для формирования оценочных показателей поведения граждан в отношении их здоровья, родственников, родителей, супругов и т. п. Однако, как показывает опыт, в Китае постановка вопроса крайне редко носит показной и не предполагающий развертывания конкретной работы характер.

Сегодня в мире нет опыта интеграции централизованных баз данных с информационными хранилищами, характеризующими поведение гражданина не только в банковско-финансовой и торговой сферах, но и в производственном процессе, а также в своей общине по месту жительства. В рамках китайской системы общественного кредита это происходит впервые. Характерной чертой системы общественного кредита является то, что в отличие от большинства североамериканских, европейских, южноазиатских стран все эти разнородные данные, сконцентрированные на одной платформе, бесплатно предоставляются государством всем заинтересованным, например, фирме, нанимающей работника, для проведения оценки его готовности выполнять те или иные функции.

Ключевую роль в успешной реализации системы общественного кредита играет **искусственный интеллект (ИИ)**.

В 2017 г. Госсовет КНР опубликовал документ под названием «Проект развития искусственного интеллекта следующего поколения» (新一代人工智

能发展规划, далее – «Проект») [7]. В документе прямо указано, что новое поколение искусственного интеллекта должно обеспечить вычислительные мощности, аналитический потенциал и прогнозные когнитивные вычисления, достаточные для эксплуатации самых сложных систем, включая систему общественного кредита. К 2030 г. Китай должен стать мировым лидером в области ИИ, а объем ИИ-индустрии к этому времени должен превзойти 150 млрд долл. США. Кроме того, еще 1,5 трлн долл. США будут вложены в компьютеризацию важнейших государственных институтов, программ и в превращение Китая в первое в мире государство, комплексно управляемое на основе больших данных [8].

Следует подчеркнуть, что особенностью китайской системы общественного кредита является ее автаркичность, слабая зависимость от глобальных сетей и развития информационно-коммуникационных технологий. Система общественного кредита является одним из краеугольных связующих блоков феномена замкнутого китайского интернета, располагающего собственными поисковиками, торговыми площадками, коммуникаторами и т. п., никак не связанными с их западными конкурентами. И именно эта китайская цифровая среда будет анализироваться, прогнозироваться и управляться китайским же искусственным интеллектом.

Начиная с 2017 г. система общественного кредита благодаря инициативе местных администраций в пилотном режиме «обкатывается» более чем в 30 городах Китая. Наиболее интенсивно проект реализуется в регионе дельты р. Янцзы – г. Шанхае и провинциях Цзяньсу, Анхой и Чжэцзян [9]. Однако имеются данные о том, что «эксперимент» по построению систем общественного кредита на региональном уровне начат практически во всех провинциях страны.

В рамках пилотного проекта администрация одного из крупнейших городов страны – Шанхая – запустила систему поощрительного социального рейтингования под названием «Искренний Шанхай». Система представляет собой трехблочную программно-аппаратную конструкцию. Первый блок конструкции – это охватывающая весь город система видеонаблюдения. Второй блок включает в себя Центр искусственного интеллекта Шанхайского университета – одну из наиболее мощных структур подобного рода в Китае, способную в режиме реального времени к оперативному распознаванию не только лиц, но и ситуаций, с отнесением их к различным классам или типам. Наконец, третий блок архитектуры – это программа, реализованная как приложение к смартфонам, которая фиксирует на видео те или иные поступки владельца гаджета и передает их на центральные сервера.

Каждый шанхаец может по собственному желанию скачать приложение «Искренний Шанхай» и поучаствовать в скоринговой программе. Администрация Шанхая разработала шкалу поощрений за каждый положительный поступок, включая помощь правоохранительным органам в задержании преступников, помощь детям, инвалидам и старикам в преодолении жизненных трудностей или нежелательных ситуаций и т. п. Соответственно, жители Шанхая в течение каждого месяца набирают положительные баллы и по итогам получают месячную оценку. Начиная с определенного уровня рейтинга шанхайская администрация премирует жителей города льготами по оплате коммунальных услуг, скидками на посещение различных развлекательных мероприятий, возможностью посещения городских торговых центров, где проводятся распродажи, до начала их официального открытия и т. п. Кроме того, набранные рейтинги учитываются не только при предоставлении социальных благ, но и при определении общественных и профессиональных перспектив гражданина.

Власти провинции Цзяньсу, проводя эксперимент по внедрению системы общественного кредита на основе накопленных баллов, разделили граждан на четыре категории – А, В, С и D. Причисленные к категории А получают поддержку правительства, льготные кредиты, преимущества при поступлении на работу и т. д. Попавшие в категорию D не могут рассчитывать на поддержку властей и зачастую первыми лишаются работы при сокращениях рабочих мест на предприятиях.

В г. Жунчэн (провинция Шаньдун) для 670 тыс. граждан власти установили одинаковый первоначальный рейтинг в 1000 баллов. С течением времени он растет или снижается – в зависимости от добропорядочности гражданина. Согласно информации, размещенной на официальном сайте системы общественного кредита провинции (<http://sd.gsxt.gov.cn>), используя технологии обработки больших данных, власти Жунчэна при определении рейтинга учитывают несколько тысяч различных параметров. Массив данных формируется за счет информации, поступающей от 142 государственных ведомств и учреждений.

Самые законопослушные горожане Жунчэна имеют ряд преимуществ: бесплатный медосмотр, 30 кубометров бесплатной воды в год, скидка в 300 юаней (44 долл. США) на оплату счетов за отопление и льготы по кредитам. Граждане с низким рейтингом теряют доступ к государственным субсидиям, лишены возможности занимать государственные должности или участвовать в конкурсах на государственные тендеры. Помимо этого, они сталкиваются с ограничениями по банковским кредитам, их могут ограничить в передвижениях по стране или отказать при приеме на работу [10].

Если в городах начисление баллов в рамках системы общественного доверия (кредита) автоматизировано, то в сельской местности приходится обходиться старыми проверенными методами. Так, в д. Цзякуан Мацзя (провинция Шаньдун) все десять сборщиков информации для составления рейтинга жителей деревни располагают только ручкой и бумагой. Принципы составления рейтингов поясняет Ян Цююнь: «[Сегодня] Ма Шаоцзюнь бесплатно установил баскетбольное кольцо на детской площадке – я начисляю волонтеру два очка. Ма Хунъюнь пожертвовала телевизор за 3 тыс. юаней (445 долл. США) местному центру собраний, ей полагается 30 очков. Сын Ма Шутин и Ма Цюлин служат в армии в Тибетском автономном районе, за это они получают по 10 очков. Таким образом, ваш рейтинг растет с каждым хорошим делом, которое вы совершаете. И наоборот, рейтинг падает с каждым дурным поступком».

У жителей д. Цзякуан Мацзя, имеющих высокий рейтинг, есть ряд привилегий. Например, в качестве вознаграждения они получают от сельского комитета рис и растительное масло, а также могут рассчитывать на денежное вознаграждение. Для них предусмотрено и моральное поощрение: их фотографии размещают на местных досках почета как пример для подражания [10].

Особое внимание руководством КПК уделяется распространению системы общественного кредита на партийных функционеров, пока только низового уровня. Так, партийная школа при Комитете КПК провинции Сычуань (中共四川省委党校) подписала с Университетом электроники и технологий КНР (电子科技大学) соглашение о создании первой в стране системы рейтингов и оценки надежности для чиновников низового уровня. Система называется «Умное красное облако» (智慧红云). С помощью технологий искусственного интеллекта и методов обработки больших данных система будет анализировать аккумулируемые сведения о каждом чиновнике – посещаемость партийных собраний, образование, семейное положение. Система будет сопоставлять данные о доходах чиновников и членов их семей с данными о приобретенной недвижимости и предметах роскоши. На основании этих сведений, а также информации об активности чиновника в соцсетях будет оцениваться степень его политической благонадежности. Отмечается, что «таким образом можно будет гораздо эффективнее предсказывать поведение чиновника, оценивать его моральный облик и выявлять потенциальных коррупционеров».

В конце 2018 г. на совместном заседании ЦК КПК и Госсовета КНР был рассмотрен и одобрен нарабатанный опыт наказания руководящих партийных и государственных работников в зависимости от показателей социального рейтинга. В случае понижения рейтинга они лишаются права покупать

недвижимость и землю, а члены их семей, включая взрослых детей и разведенных супругов, автоматически попадают в черные списки, ограничивающие их возможность приобретать или легально вывозить за рубеж валюту, участвовать в компаниях, эксплуатирующих природные ресурсы, а также экспортно-импортных операциях и операциях на бирже. Также такие руководящие работники и члены их семей ограничиваются в престижном потреблении: лишаются права путешествовать первым классом и бизнес-классом, на высокоскоростных поездах и самолетах, посещать оцениваемые более чем четырьмя звездами отели, курорты, им полностью запрещается бывать в любых ресторанах, ночных клубах, на полях для гольфа, выезжать за границу в отпуск. Для их детей закрываются престижные платные школы и т. п. На этом же совещании было принято решение начиная с 2020 г. публиковать черные списки руководящих партийных и государственных работников. Кроме того, была поддержана инициатива Шанхая, в котором местные АТС при установлении мобильной или иной телефонной связи с людьми, внесенными в черный список, перед соединением включают автоматизированные информаторы, которые сообщают абоненту, что «человек, которому вы звоните, находится в черном списке в системе общественного кредита и не вызывает полного доверия».

Не обойдено вниманием и идущее на смену старшим партийным товарищам молодое поколение. В конце марта 2019 г. китайская компания *CY Credit* в партнерстве с Центральным комитетом Коммунистической молодежной лиги и Национальной комиссией по развитию и реформам запустила проект социального рейтинга для молодежи. Мобильное приложение *Unictown*, которое разработала компания *CY Credit* по заказу Коммунистического союза молодежи Китая, анализирует «цифровой отпечаток» молодых людей в стране, присваивая каждому пользователю от 350 до 800 баллов. Любой, кто наберет больше 640 баллов, попадет в особую группу и получит доступ к привилегиям, например преимуществу на собеседовании при приеме на работу, льготы по дополнительному обучению. В целом вознаграждение может включать также льготную аренду квартир, образование за рубежом и даже выгодный брак. Приложение собирает, сортирует и анализирует огромное количество данных от уровня образования до поведения в бытовых условиях и покупок в онлайн-магазинах. К 2021 г. к системе планируют подключить всех жителей Поднебесной в возрасте от 18 до 45 лет, то есть около 460 млн человек [11].

Как сообщает издание *South China Morning Post*, обладателей низкого рейтинга наказывать не планируют. Предполагается, что они сами захотят улучшить свои показатели, чтобы открыть доступ к привилегиям. «В отличие от других программ

наша система поощряет хорошее поведение. Она помогает молодым людям понять, как вести себя, чтобы стать лидерами и ролевыми моделями для представителей своего поколения», – рассказал изданию *South China Morning Post* президент *CY Credit* Ши Яньин [12].

Характерно, что к разработке системы общественного кредита, кроме центральных органов власти и правительств провинций, привлекаются и негосударственные организации. Так, для запуска системы общественного кредита в тестовом режиме правительство Китая выдало восьми частным компаниям лицензию на разработку программно-аппаратных комплексов и алгоритмов определения социального рейтинга. Учитывая доминирование на китайском рынке электронных услуг таких техногигантов, как *Tencent* и *Alibaba*, именно они осуществляют два наиболее продвинутых проекта в сфере создания системы общественного кредита в стране.

Первый проект под названием *Sesame Credit* находится под управлением *Ant Financial Services Group* (AFSG), дочерней компании *Alibaba*. *Ant Financial*, имеющая собственную электронную платежную систему *AliPay*, занимается страхованием и предоставлением займов малому и среднему бизнесу.

Второй проект реализуется *China Rapid Finance* – партнером компании *Tencent*, разработавшего мессенджер *WeChat*.

Остановимся на этих проектах подробнее.

Sesame Credit сотрудничает с другими платформами, специализирующимися на сборе данных, например с каршеринговым сервисом компании *Didi Chuxing* (滴滴出行), которая выкупила в 2016 г. китайское подразделение *Uber* (своего главного конкурента). Еще один партнер *Sesame Credit* – это *Baihe* (百合), крупнейшая китайская социальная сеть, ориентированная на сервис знакомств. Все эти сервисы передают в *Sesame Credit* огромное количество данных о пользователях, на основе которых составляется его детализированный профиль и вычисляется рейтинг человека, определяющий его место в социальной иерархии. Однако наибольший интерес с точки зрения сбора данных о персоналиях представляют возможности другого актива компании *Alibaba* – крупнейшего китайского сервиса микроблогов *Weibo*, который, по утверждению некоторых экспертов, «знает о своих пользователях больше, чем Министерство государственной безопасности КНР». Системой *Sesame Credit* пользуются в настоящее время компании холдинга *Alibaba*, Национальная полиция и Министерство внешней торговли, а также Таможенная служба Китая.

По состоянию на конец 2018 г. рейтинг охватывал почти 600 млн китайцев. Пользователи *Sesame Credit* оцениваются по шкале от 350 до 950 баллов. Разработчики не раскрывают «сложные алгорит-

мы», по которым рассчитывается это число, но называют пять факторов, учитываемых при подсчете:

- 1) собственно кредитная история человека;
- 2) исполнительность, т. е., как сказано в официальных документах, «способность пользователя исполнять обязательства по контракту», включая данные о стабильном экономическом доходе (заработной плате, поступлений от ценных бумаг, аренды жилья и т. п.), а также оценку его персональных активов;
- 3) персональные данные (имя, фамилия, год рождения, место жительства, семейное положение, наличие судимости, контактные данные и т. п.), включая параметр достоверности представленной информации;
- 4) поведение и потребительские предпочтения, учитывая данные о приобретении товаров и услуг на платформе *Alibaba* или дочерних сайтах, соотношение между покупками с использованием безналичных расчетов, кэша, покупок в кредит, а также структуры покупок с предоплатой и покупок по факту;

5) социальный портрет человека, формируемый по данным из социальных сетей по 15 параметрам (круг общения, отношения в нем и т. п.).

Удельный вес каждого фактора при расчете рейтинга гражданина равен 35, 20, 15, 25 и 5 % соответственно.

Действенность и востребованность правительством КНР системы, применяемой *Sesame Credit*, подтверждается тем, что на конец 2017 г. на основе сведений, накопленных в рамках проекта, Верховный суд КНР наложил штрафы на 10 млн человек [13].

С точки зрения накопления и систематизации персональных данных и социальных предпочтений еще более интересными выглядят возможности компании *Tencent*, контролирующей китайскую социальную сеть *WeChat*, база аккаунтов которой составляет около 1 млрд человек. Анализ информации, циркулирующей в чатах социальной сети, дает не только возможность накапливать личные данные пользователей, но и отслеживать их реакцию на различные события, круг общения и социальные предпочтения, что является особенно важным для достижения целей, определенных правительством в рамках системы общественного кредита. В частности, для оценки лояльности клиента система использует такие показатели, как частота пользования интернетом в течение дня; доля времени, проводимого в интернете; соотношение между развлекательным, информационным, торговым и иным контентом; соотношение между временем, проведенным на текстовых, торговых и видеосайтах (по мнению китайских психологов, соотношение между временем, проведенным на текстовых и визуальных сайтах, является одним из лучших показателей уровня рациональности принятия реше-

ний. Посетители видеосайтов, как правило, гораздо более импульсивны, поддаются манипулированию и не способны к долговременному планированию).

Кроме двух рассмотренных выше техногигантов правительство Китая выдало лицензию на разработку программно-аппаратных комплексов и алгоритмов определения социального рейтинга еще шести компаниям с обширными скоринговыми базами: *Kaola Credit*, *Pengyuan Credit*, *China Chengxin Credit*, *Intellicredit*, *Sinoway Credit*, *Qianhai Credit Service*. Наибольшего внимания из них заслуживают первые четыре.

Рейтинговая компания *Kaola Credit* была основана в 2015 г. в Шеньчжэне. В настоящее время в этой системе обслуживается около 150 млн человек. Она является эксклюзивным партнером крупнейшей платежной системы *China UnionPay*. По состоянию на начало октября 2019 г. *China UnionPay* эмитировала более 120 млн карт в 50 странах и регионах мира. Всего же свыше 28 млн зарубежных торговых предприятий в 176 странах и регионах мира пользуются данной платежной системой [14]. Сама по себе система рейтингования *Kaola Credit* является калькой с *Sesame Credit*, которую она приобрела у *Alibaba* с усеченным блоком социального анализа. В системе *Kaola Credit* информация из социальных сетей анализируется исключительно с точки зрения надежности заемщика без выставления оценок его лояльности и иных характерных черт.

Старейшей рейтинговой компанией Китая, включенной в разработку системы общественного кредита, является *Pengyuan Credit*. Компания основана в 2005 г. и использует традиционные методы оценки надежности заемщика. Главным аргументом для включения ее в общенациональную рейтинговую систему стали 130 млн клиентов, не пересекающихся с означенными выше скоринговыми компаниями.

China Chengxin Credit является скоринговой компанией, которая не только имеет собственную базу кредитных рейтингов, но и подключена к *Sesame Credit*. Эта компания, наряду с выполняемыми ею обычными скоринговыми функциями, является своего рода двухсторонним шлюзом между скоринговыми компаниями, с одной стороны, и полицией, судами, с другой. Именно база этой компании находится в распоряжении правоохранительных органов, судебной системы, местных администраций. И именно через нее они могут просматривать и использовать в том числе базы *Sesame Credit*. В свою очередь, в базах этой компании находятся важные

для оценки надежности и лояльности заемщиков официальные данные от полиции и судов.

Компания *Intellicredit* на сегодняшний день является крупнейшей скоринговой организацией, располагающей данными относительно кредитной истории, надежности и лояльности китайцев, проживающих или работающих за рубежом. *Intellicredit* имеет также внушительную базу данных на граждан Китая, живущих на территории страны, однако в этом качестве она на порядок уступает перечисленным выше компаниям. Таким образом, именно благодаря наличию зарубежной базы данных и отлаженной системе ее пополнения она была включена в тестовый проект по отработке системы общественного кредита.

В целом по состоянию на начало 2019 г. совокупная рейтинговая система названных выше восьми частных компаний представляет собой отлаженную, продвинутую и эффективную систему оценки кредитоспособности, надежности и лояльности 1,2 млрд китайцев в метрополии и за рубежом. По сути, она является одной из крупнейших в мире работающих систем анализа персональных данных.

На основе приведенных выше примеров формирования социальных рейтингов граждан КНР можно сделать вывод об отсутствии на данный момент времени четко выстроенных и однообразных критериев определения индикаторов, применяемых для формирования соответствующих электронных досье. Предположительно, унификация критериев присвоения рейтингов гражданам КНР будет следующим этапом построения системы общественного доверия (кредита).

Об этом же свидетельствуют и результаты анализа проводимого эксперимента по введению национальной системы кредитных рейтингов в отдельных провинциях и городах, которые нашли отражение в соответствующих документах Госсовета КНР, назвавшего систему **инновационным инструментом управления социальными процессами в обществе**. В этих же документах Госсовета КНР обозначены существующие проблемы, а именно: не сформирована единая система накопления данных кредитных историй, которая охватывала бы все общество; механизмы стимулирования к достижению гражданами позитивных рейтингов не всегда эффективны; меры воздействия на обладателей низких рейтингов пока недостаточны.

Вплоть до 2021 г. участие в китайской системе общественного кредита является добровольным, но с 2021 г. оно станет обязательным [15].

Система общественного кредита для юридических лиц

Правила системы общественного кредита для **юридических лиц** сформулированы более четко. В их основе лежит массовый сбор данных о деятельности компаний государственными учреждениями

и уполномоченными рейтинговыми агентствами. Данные включают в себя: кредитные записи центрального правительства, в которых основное внимание уделяется крупным правонарушениям;

отраслевые социальные кредитные рейтинги, формируемые профильными министерствами; информацию коммерческих кредитных рейтинговых агентств, а также сведения кредитно-рейтингового центра Народного банка Китая (уставный капитал компаний, состав руководящих органов и юридических представителей, инвестиционная активность, участие в разбирательствах хозяйственных и арбитражных судов, данные о нарушениях налогового законодательства и прав интеллектуальной собственности).

Кроме того, компании проверяются на соответствие их деятельности экологическим, юридическим нормам, инспектируются условия и безопасность труда, финансовая отчетность, инвестиционная активность, качество выпускаемой продукции, соответствие выпускаемой продукции санитарным и другим нормам и т. д. Если претензии отсутствуют, компании присваивается высокий рейтинг, и она пользуется льготным режимом налогообложения, благоприятными условиями кредитования, по отношению к ней упрощаются административные процедуры по принципу «принятия упрощенного административного комплекта» (容缺受理). Компаниям с низким рейтингом кредиты предоставляются по повышенным процентным ставкам, повышаются ставки налогов, вступает в силу запрет на эмиссию ценных бумаг и вложение средств в компании, акции которых торгуются на бирже, а также вводится в практику необходимость получения государственного разрешения на инвестирование даже в те отрасли, доступ к которым в принципе никак не ограничивается.

В документе, опубликованном 16 сентября 2019 г., Национальная комиссия по развитию и реформам заявила, что она завершила первоначальную оценку результатов рейтингования юридических лиц страны, которые теперь будут направлены в местные органы власти для дальнейших проверок и обновлений. Все компании ранжированы как имеющие отличный, хороший, удовлетворительный или плохой социальный рейтинг, на основании чего правительство будет устанавливать различные степени надзора. Руководство компаний с плохим рейтингом (государственных или частных, национальных или иностранных) будет вызвано местными чиновниками для подробного анализа, включающего в том числе и разработку планов по устранению проблем [11].

Кроме того, предусматривается, что если руководители бизнес-структур и компаний допускают серьезные нарушения, выражающиеся в снижении уровня доверия, то они лишаются права основывать компании или владеть ими в финансовом секторе, экспортно-импортных операциях, выпускать акции, облигации, получать фондовые опционы, участвовать в тендерах на федеральном и местном уровнях, не могут больше рассчитывать на прави-

тельные субсидии или государственную поддержку. Руководители подобных структур также при снижении их рейтингов лишаются права переходить на высокопоставленные должности на государственной службе, в Коммунистической партии Китая и Вооруженных силах.

В конце 2018 г. на совместном заседании ЦК КПК и Госсовета КНР был одобрен опыт поощрения и наказания руководителей и владельцев бизнеса в зависимости от показателей социального рейтинга их компаний. На этом же совещании было принято решение начиная с 2020 г. публиковать черные списки топ-менеджеров и владельцев бизнеса, рейтинг компаний которых невысок. Согласно отчету о ходе внедрения системы общественного кредита, Государственный центр информации о социальном кредите в Китае сообщал, что к началу 2019 г. в «черные списки» внесены почти 4 млн юридических лиц.

Что касается высокорейтинговых руководителей и владельцев бизнеса, то им открываются дополнительные возможности: льготное кредитование, преференции при проведении тендеров на госзакупки, государственная поддержка при проведении импортно-экспортных операций.

По сути, в отношении юридических лиц система общественного кредита Китая вводит новый обширный набор инструментов для мониторинга, оценки и управления поведением участников рынка. Реализация проекта позволит существенно повысить возможности китайского правительства по «тонкой настройке» промышленной политики и рыночных правил в целом. Система создаст сильные рычаги воздействия на компании, которые позволят обеспечить соответствие их бизнес-решений не только законам и правилам, но и сформулированным правительством Китая целям промышленной и технологической политики.

Иностранные компании, действующие на китайском рынке, также являются объектами «изучения» и будут интегрированы в систему, как их китайские конкуренты. Действующими в настоящее время руководящими документами, регламентирующими вопросы создания системы социальных кредитов, не допускается дискриминация иностранных компаний, равно как и компаний негосударственных форм собственности. Однако нельзя исключить, что рейтинги, формируемые в рамках системы социальных кредитов, могут оказаться дополнительным и очень деликатным инструментом для дискриминации международных компаний: они могут быть легко подвергнуты систематической и преднамеренной «корректировке» в пользу китайских предприятий. Об этом же говорят и руководители иностранных фирм, работающих на китайском рынке. Они обеспокоены возможностью использования системы общественного

кредита в качестве оружия в ходе торговых споров с китайскими контрагентами или для предоставления иных преимуществ китайским компаниям.

О том, что эти опасения небезосновательны, свидетельствует сообщение Министерства коммерции КНР, сделанное им в конце мая 2019 г., о создании списка иностранных компаний, организаций и физических лиц, которых оно считает неблагонадежными за нанесение вреда китайским компаниям. В «список неблагонадежных субъектов» будут внесены лица, которые нарушают рыночные правила, культуру соблюдения договорных обязательств, блокируют поставки китайским компаниям по некоммерческим причинам и «наносит серьезный ущерб законным правам и интересам» китайских фирм [16].

С октября 2015 г. данные, аккумулируемые в рамках проводимого на базе ряда провинций, городов и зон экономического развития эксперимента по созданию системы общественного кредита для юридических лиц, размещаются на так называемой Национальной платформе обмена кредитной информацией (全国信用信息共享平台, далее – Платформа). Через нее осуществляется распространение данных, формируемых центральным и местными прави-

тельствами, отраслевыми системами социальных кредитов, а также коммерческими кредитными рейтинговыми агентствами.

Причем более 80 % размещенных на Платформе интегрированных данных о компаниях сформированы двумя ведомствами, отвечающими за экономическое развитие, а именно упоминавшейся выше Национальной комиссией по развитию и реформам и Министерством промышленности и информационных технологий [17].

На сегодняшний день около 75 % данных, собранных на платформе обмена кредитной информацией, являются общедоступными (公开). Только 25 % сведений квалифицируются как данные для ограниченного распространения (有限共享), или предназначенные только для межправительственного обмена (政务共享). Онлайн-поиск осуществляется по названию компании или по номеру общественного кредита компании (统一社会信用代码).

К наполнению досье юридических лиц, собранных на Платформе, активно привлекаются коммерческие кредитные агентства. По состоянию на март 2017 г. в этой работе участвовали 137 компаний, большинство из которых базируются в Пекине и Шанхае.

Отношение граждан Запада и Китая к системе общественного кредита

Многих жителей стран Запада возмущает то, что они узнают из западных СМИ о системе общественного кредита в Китае, хотя подобные системы не уникальны для КНР. Запад сам давно живет в аналогичных условиях. В США, например, *Big Tech* (собирает название американских транснациональных онлайн-сервисов или компьютерных и программных компаний, которые доминируют в киберпространстве: *Google, Amazon, Apple, Facebook, Microsoft*) осуществляет контроль за населением, отслеживая потребительские предпочтения практически каждого индивида и воздействуя на его поведение через целенаправленно размещаемую в сети рекламу.

Единственное отличие ситуации в странах Запада от Китая заключается в том, что в так называемых демократических государствах контроль над социумом децентрализован и осуществляется транснациональными корпорациями в их же интересах. В отличие от «демократических» стран в Китае контроль над обществом осуществляется централизованно – в интересах государства и государственных субъектов хозяйствования.

В 2018 г. немецкие исследователи опросили 2200 граждан Китая, чтобы узнать их отношение к системам социального рейтинга. Оказалось, что 80 % респондентов в какой-то степени или полностью поддерживают рейтинги благонадежности. При этом чаще всего за системы социального скоринга высказывались образованные городские жители

более старшего возраста с более высоким уровнем достатка, что весьма необычно, поскольку представители этой группы в других странах выше других ценят приватность. В то же время 76 % опрошенных признали, что считают взаимное недоверие главной проблемой китайского общества, а системе общественного кредита – способной разрешить эту проблему [12].

Исследователи называют две основные причины, по которым китайское общество толерантно относится к системе общественного доверия (кредита).

Первая из них заключается в том, что основные принципы системы общественного кредита глубоко укоренены в китайском менталитете и традиции государственного управления.

Уже в Древнем Китае была осознана необходимость создания методики оценки и ранжирования людей, в первую очередь чиновников и военных различных уровней для благополучия Поднебесной. Первым письменным сочинением на эту тему считается трактат Лю Шао «Жэнь у чжи» («О человеческом существе»), созданный около 240 г. н. э. Эта книга была написана крупным государственным деятелем и администратором в эпоху длительной политической раздробленности, последовавшей за распадом империи Хань. Разработкой, а главное, применением созданной им методики оценки Лю Шао надеялся избавиться от нерадивых чиновников, бездарных военачальников и заменить их талантливыми, добросовестными и преданными государству людьми.

В начале VII в. в императорском Китае была введена система государственных экзаменов (科举), обеспечивавшая оценку и отбор соискателей на ту или иную должность, а также доступ лучших из них в государственный бюрократический аппарат. Просуществовавшая (с перебоями) 1300 лет система кэцзюй (государственных экзаменов) стала неотъемлемой частью существования сильной централизованной империи и, помимо всего прочего, одним из главных факторов социальной мобильности в китайском обществе.

Таким образом, Китай еще в начале первого тысячелетия стал первой и единственной вплоть до XX в. страной мира, где использовались методики ранжирования достаточно большого, измеряемого тысячами, числа людей.

В 2013 г. Председатель КНР Си Цзиньпин выдвинул концепцию «китайской мечты», под которой

подразумевалась мечта о создании процветающего и могущественного государства, об осуществлении национального возрождения и достижения народного благоденствия. В своих выступлениях Си Цзиньпин неоднократно подчеркивал, что для достижения «китайской мечты» необходимо «единство китайского народа, основанное на доверии». А уже в 2014 г. был принят «План».

Другой причиной, по которой китайское общество толерантно относится к системе общественного доверия (кредита), как отмечают исследователи, является то, что Китай достаточно хорошо подготовлен к ее внедрению технически. Сегодня ни один другой социум в мире не интегрирован в цифровую среду так, как китайское общество.

Указанные причины и предопределили достаточно спокойное и взвешенное отношение китайцев к системе общественного доверия (кредита).

Заключение

Важнейшей тенденцией современного мирового развития выступает трансформация экономик различных государств мира в направлении от индустриальной модели, приоритетом которой было производство и потребление материальных благ, к информационной, предпочтение в которой отдается производству и потреблению знаний и различных информационных ценностей. Основной характеристикой новых технологий в этих условиях является «информационность» наряду с традиционными понятиями энерго-, материало- и капиталоемкости. Важнейшей формой накопления становится сбор не вещественных элементов производства, а знаний и вообще полезной информации, и так как их носителем выступает человек, то преумножение человеческого капитала по своей значимости для национального благосостояния начинает оттеснять на задний план традиционное финансовое накопление. В результате формируется так называемое цифровое общество, которое представляет собой целостную систему экономических, социальных и культурных отношений, основанных на использовании цифровых информационно-коммуникационных технологий.

Учитывая сказанное, следует отметить, что рассмотренные выше действия руководства КНР по внедрению системы общественного кредита являются знаковыми с точки зрения дальнейшей глубокой информатизации китайского общества и социальных процессов, происходящих в нем. Более того, они логично вписываются в систему формирования китайского электронного правительства. По этому пути сегодня идут все государства мира, и попытки приостановить либо игнорировать этот процесс обречены на провал.

По всей видимости, Республике Беларусь также предстоит пройти этот путь. Однако речь не должна идти о слепом копировании китайского или западного опыта организации цифрового контроля и учета. Дело в том, что в настоящее время абсолютно все страны не просто движутся в этом направлении: они идут этим путем на ощупь, делая по ходу движения как интересные открытия, так и неотвратимые ошибки. В этих условиях важно, анализируя мировой опыт, перенимать лучшее, отбрасывая то, что заведомо неприемлемо для Республики Беларусь.

Как это сделать – тема отдельной дискуссии, к которой авторы приглашают всех заинтересованных. Началом подобного обсуждения станут несколько тезисов.

Целями построения белорусской системы цифрового учета и контроля должны стать, во-первых, выявление и предотвращение угроз общественной и национальной безопасности, осуществляемые в рамках действующей правовой системы; во-вторых, создаваемая система, которая должна быть направлена на сохранение для потомков нравственно-этических параметров, присущих предшествующим поколениям белорусов, т. е. на сохранение белорусской идентичности. В понятии «белорусская идентичность» находят свое выражение такие традиции духовной культуры и ценности славянства, как вера в идеал, стремление к справедливости и добродетель, служение обществу и самопожертвование, соборность и коллективизм. Сюда же входят в полной мере присущие белорусам толерантность, законопослушность и трудолюбие. Эти духовные традиции представляют собой, образно выражаясь, «генетический код» белорусского народа, который несет в себе черты посто-

янности вне зависимости от временной изменчивости и исторических перипетий. Содержание этого «кода», определяя своеобразие белорусской нации, значительно разнится от «генетического кода» западного общества, для которого более характерны индивидуализм и прагматизм. Этот код составляет сердцевину национального самосознания, и именно он предопределяет ту траекторию, придерживаясь которой белорусы обеспечивают свою самобытность и развитие. Его сохранение – важнейшая цель создаваемой системы.

В основе построения системы цифрового учета и контроля должен лежать принцип централизованной разработки ее архитектуры. Интерполяция китайского опыта на белорусское общество в этом плане может быть осуществлена через создание единой национальной базы гетерогенных данных. Эта база способна объединить разрозненные на настоящий момент сведения локального и ведомственного характера, что позволит более успешно решать задачи мониторинга общественно-политического и социально-экономического развития общества и генерировать меры упреждающего характера в качестве реакции на выявленные девиантные состояния как отдельных персоналий, так и на маргинальные социальные слои общества в частности и группы населения в целом. Появление такой базы данных позволит поднять на качественно новый уровень результаты социологи-

ческих исследований, а также профилактическую работу среди выявленных групп риска.

Думается, что распространение практики формирования рейтингов белорусских юридических лиц по китайской модели существенно повысит открытость отечественного бизнес-сообщества и в определенной степени будет содействовать повышению уровня социальной ответственности предпринимателей, а также развитию здоровой конкуренции между субъектами хозяйствования.

Принимая во внимание действия руководства КНР по аккумуляции бизнес-сведений в рамках системы общественного кредита и последующего рейтингового ранжирования участников внутреннего рынка, следует разработать рекомендации для белорусских юридических лиц, планирующих или осуществляющих свою деятельность на территории Китая, по возможным шагам, ведущим к росту их социального рейтинга, а также по минимизации вероятных негативных последствий от функционирования этого социального института.

Неоценимую поддержку белорусским юридическим лицам в этом плане, на наш взгляд, могут оказать отечественные ученые гуманитарного профиля, включая философов, социологов, экономистов. Свою лепту в этот процесс должны также внести специалисты в области кибернетики, информатики, а также эксперты и практики белорусского Парка высоких технологий.

Библиографические ссылки

1. 国务院办公厅关于社会信用体系建设的若干意见国办发. *中华人民共和国中央人民政府* [Internet]. 2007 [cited 2019 September 10];17. Available from: http://www.gov.cn/zwgk/2007-04/02/content_569314.htm.
2. 国务院关于印发社会信用体系建设规划纲要 (2014—2020年) 的通知国发. *中华人民共和国中央人民政府* [Internet]. 2014 [cited 2019 September 10];21. Available from: http://www.gov.cn/zhengce/content/2014-06/27/content_8913.htm.
3. Ларина Е, Овчинский В. Китайская система социального кредита – традиции и технологии. *Изборский клуб* [Интернет]. 2019 [процитировано 19 сентября 2019 г.]. Доступно по: <https://izborsk-club.ru/17650>.
4. Hatton C. China «social credit»: beijing sets up huge system». *BBC News* [Internet]. 2015 [cited 2019 October 24]. Available from: <http://www.bbc.com/news/world-asia-china-34592186>.
5. Ковачич Л. Большой брат 2.0. Как Китай строит цифровую диктатуру. *Московский центр Карнеги* [Интернет]. 2017 [процитировано 24 октября 2019]. Доступно по: <https://carnegie.ru/commentary/71546>.
6. Galeon D, Bergan B. A citizen score in China. *Futurism.com* [Internet]. 2017 [cited 2019 October 24]. Available from: <https://futurism.com/china-social-credit-system-rate-human-value/>.
7. 国务院关于印发新一代人工智能发展规划的通知国发. *中华人民共和国中央人民政府* [Интернет]. 2017 [процитировано 24 октября 2019 г.];35. Доступно по: http://www.gov.cn/zhengce/content/2017-07/20/content_5211996.htm.
8. Голубев С. Построение цифровой экономики в государствах постсоветского пространства сквозь призму мирового опыта. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2018;4:4–14.
9. China Focus: China plans social credit system pilot. *Xinhua News* [Internet]. 2017 [cited 2019 October 24]. Available from: http://news.xinhuanet.com/english/2017-01/01/c_135948174.htm.
10. 1984 или 2020? Система социального кредита в Китае. *ЭКД!* [Интернет]. 2019 [процитировано 24 октября 2019 г.]. Доступно по: <https://ekd.me/2019/02/1984-ili-2020-sistema-socialnogo-kredita-v-kitae/>.
11. Китай продвигает противоречивую систему социального кредита для 33 млн компаний. *Вести. Экономика* [Интернет]. 2019 [процитировано 24 октября 2019 г.]. Доступно по: <https://www.vestifinance.ru/articles/125168>.
12. Оруэлловская антиутопия близко. Китай первым реализует эффективный контроль через соцкредит? *Вести. Экономика* [Интернет]. 2019 [процитировано 24 октября 2019 г.]. Доступно по: <https://www.vestifinance.ru/articles/122036>.
13. Хвостик Е. Китайских должников разыщут по фотографиям и мессенджерам. *Коммерсантъ* [Интернет]. 2019 [процитировано 24 октября 2019 г.]. Доступно по: <https://www.kommersant.ru/doc/3873701>.
14. Карты платежной системы China UnionPay принимаются в 176 странах и регионах мира. *Синьхуа. Новости* [Интернет]. 2019 [процитировано 24 октября 2019 г.]. Доступно по: <http://russian.cri.cn/news/homeList/380/20191003/361821.html>.

15. Botsman R. Big data meets Big Brother as China moves to rate its citizens. *WIRED* [Internet]. 2017 [cited 2019 October 24]. Available from: <http://www.wired.co.uk/article/chinese-government-social-credit-score-privacy-invasion>.
16. КНР создаст список «неблагонадежных» иностранных субъектов, которые наносят ущерб китайским компаниям. *Вести. Экономика* [Интернет]. 2019 [процитировано 24 октября 2019 г.]. Доступно по: <https://www.vestifinance.ru/articles/120128>.
17. A big-data enabled approach to market regulation with broad implications for doing business in China. *Mercator Institute for China Studies (MERICS) China Monitor* [Internet]. 2017 [cited 2019 October 24]. Available from: www.merics.org.

References

1. Several opinions of the General Office of the State Council on the construction of a social credit system. *Central People's Government* [Internet]. 2007 [cited 2019 September 10];17. Available from: http://www.gov.cn/zwggk/2007-04/02/content_569314.htm. Chinese.
2. Notice of the State Council on printing and distributing the outline of the construction plan for social credit system (2014–2020). *Central People's Government* [Internet]. 2014 [cited 2019 September 10];21. Available from: http://www.gov.cn/zhengce/content/2014-06/27/content_8913.htm. Chinese.
3. Larina E, Ovchinsky V. The Chinese system of social credit – traditions and technologies. *Izborsk club* [Internet]. 2019 [cited 2019 September 19]. Available from: <https://izborsk-club.ru/17650>. Russian.
4. Hatton C. China «social credit»: beijing sets up huge system. *BBC News* [Internet]. 2015 [cited 2019 October 24]. Available from: <http://www.bbc.com/news/world-asia-china-34592186>.
5. Kovachich L. Big Brother 2.0. How China builds a digital dictatorship. *Carnegie Moscow Center* [Internet]. 2017 [cited 2019 October 24]. Available from: <https://carnegie.ru/commentary/71546>. Russian.
6. Galeon D, Bergan B. A citizen score in China. *Futurism.com* [Internet]. 2017 [cited 2019 October 24]. Available from: <https://futurism.com/china-social-credit-system-rate-human-value/>.
7. Notifying the State Council of the issuance of a new generation of artificial intelligence development plans. *Central People's Government* [Internet]. 2017 [cited 2019 October 24];35. Available from: http://www.gov.cn/zhengce/content/2017-07/20/content_5211996.htm. Chinese.
8. Golubev S. Building a digital economy in the post-Soviet states through the prism of world experience. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2018;4:4–14. Russian.
9. China Focus: China plans social credit system pilot. *Xinhua News* [Internet]. 2017 [cited 2019 October 24]. Available from: http://news.xinhuanet.com/english/2017-01/01/c_135948174.htm.
10. 1984 or 2020? Social credit system in China. *ECD!* [Internet]. 2019 [cited 2019 October 24]. Available from: <https://ekd.me/2019/02/1984-ili-2020-sistema-socialnogo-kredita-v-kitae/>. Russian.
11. China promotes a controversial social credit system for 33 million companies. *News. Economics* [Internet]. 2019 [cited 2019 October 24]. Available from: <https://www.vestifinance.ru/articles/125168>. Russian.
12. Orwellian dystopia is near. Is China the first to implement effective control through social credit? *News. Economics* [Internet]. 2019 [cited 2019 October 24]. Available from: <https://www.vestifinance.ru/articles/122036>. Russian.
13. Khvostik E. Chinese debtors will be found in photographs and instant messengers. *Kommersant* [Internet]. 2019 [cited 2019 October 24]. Available from: <https://www.kommersant.ru/doc/3873701>. Russian.
14. Cards of the payment system of China UnionPay are accepted in 176 countries and regions of the world. *Xinhua. News* [Internet]. 2019 [cited 2019 October 24]. Available from: <http://russian.cri.cn/news/homeList/380/20191003/361821.html>. Russian.
15. Botsman R. Big data meets Big Brother as China moves to rate its citizens. *WIRED* [Internet]. 2017 [cited 2019 October 24]. Available from: <http://www.wired.co.uk/article/chinese-government-social-credit-score-privacy-invasion>.
16. China will create a list of «unreliable» foreign entities that harm Chinese companies. *News. Economy* [Internet]. 2019 [cited 2019 October 24]. Available from: <https://www.vestifinance.ru/articles/120128>. Russian.
17. A big-data enabled approach to market regulation with broad implications for doing business in China. *Mercator Institute for China Studies (MERICS) China Monitor* [Internet]. 2017 [cited 2019 October 24]. Available from: www.merics.org.

Статья поступила в редколлегию 14.10.2019.
Received by editorial board 14.10.2019.

УДК 101.8:316.3(043.3)

СУЩНОСТЬ И СПЕЦИФИКА СОЦИОКОММУНИКАТИВНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СУБЪЕКТОВ В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ СЕТЕВЫХ СТРУКТУР

Ю. Л. БАНЬКОВСКАЯ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный аграрный технический университет,
пр. Независимости, 99, 220023, г. Минск, Беларусь

Выявляются качественные и специфические характеристики социокоммуникативного сетевого взаимодействия субъектов. Методологией исследования выступает синергетика, ибо коммуникация в сети представляет собой самоподдерживающуюся и самоорганизующуюся открытую систему. Сетевая коммуникация рассматривается в качестве многоканального, интертекстуального, нелинейного способа организации взаимодействия акторов, каждый из которых имеет собственные, не зависящие от структурных элементов сети звенья. Благодаря наличию множества путей перемещения информации сети создают универсальную возможность осуществлять коммуникацию между представителями различных социальных слоев, нивелируя их статусные и ролевые особенности. Специфику сети определяет объединение таких ее составляющих, как позиции акторов, их взаимосвязь, взаимодействие на основании имеющихся ресурсов. Результаты проведенного исследования могут быть применены для оптимизации взаимодействия акторов и формирования между ними конструктивного сетевого диалога.

Ключевые слова: сетевые структуры; социальная коммуникация; взаимодействие; сети; актор.

THE ESSENCE AND SPECIFICITY OF SUBJECTS SOCIO-COMMUNICATIVE INTERACTION IN THE CONTEXT OF NETWORK STRUCTURES DEVELOPMENT

Y. L. BANKOUSKAYA^a

^aBelarusian State Agrarian Technical University,
99 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220023, Belarus

The purpose of the article is to identify the qualitative and specific characteristics of subjects social and communicative network interaction. The methodology of the study is synergetics, because communication in the network is a self-supporting and self-organizing open system. Network communication is considered in the article as a multi-channel, intertextual, nonlinear way of organizing the interaction between actors, each of which has its own, independent of network structural elements, links, the presence of many ways of moving information. Consequently, networks create a universal opportunity for communication between representatives of different social strata, leveling their status and role differences. The specifics of the network set the union of its components such as the position of the actors, their relationship, interaction based on available resources. The results of the study can be used as a way to optimize the interaction of actors and the formation of a constructive network dialogue between them.

Keywords: network structures; social communication; interaction; networks; actor.

Образец цитирования:

Баньковская ЮЛ. Сущность и специфика социокоммуникативного взаимодействия субъектов в условиях развития сетевых структур. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2019;4:75–79.

For citation:

Bankouskaya YL. The essence and specificity of subjects socio-communicative interaction in the context of network structures development. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2019;4:75–79. Russian.

Автор:

Юлия Леонидовна Баньковская – кандидат философских наук, доцент; доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин.

Author:

Yuliya L. Bankouskaya, PhD (philosophy), docent; associate professor at the department of social and humanitarian disciplines.
ulia_bank@tut.by

Возникновение новых высокотехнологических каналов коммуникации трансформирует механизмы социокоммуникативного взаимодействия субъектов. Становясь важнейшей формой общения, сетевая коммуникация качественно изменяет традиционные функциональные и институциональные модели. Новые формы производства, обработки и трансляции информации оказывают значимое воздействие на политические, экономические и социальные процессы, происходящие в современном обществе. М. Кастельс отмечает, что в сетевом обществе «не только сфера публичной политики во все возрастающей степени попадает в зависимость от процессов коммуникации, но и само коммуникационное пространство становится областью конкурентных отношений. Это является признаком наступления новой исторической эпохи, когда рождаются новые социальные формы, и, как и раньше, обновление общества происходит в борьбе, конфликтах, зачастую – в насилии» [1, с. 23]. Сетевая коммуникация направлена на создание субъективно ориентированной реальности, отражающей мозаичность мнений и разнообразие потребностей людей. Создаются безграничные возможности для быстрого обмена информацией, интенсификации взаимоотношений между людьми, принадлежащими к разным территориальным общностям, не имеющим возможности по состоянию здоровья к непосредственному общению. Однако получение данных сведений полностью зависит от субъективной заинтересованности в них.

Сеть становится транснациональным поликультурным пространством коммуникативного взаимодействия. Сетевая коммуникация создает условия для реализации потребностей человека, формирует новую сферу его существования. «Если прежние сетевые взаимодействия складывались из спонтанных человеческих контактов и поэтому не воспринимались как сетевые, то сегодня коммуникация методически выстраивается по моделям, задаваемым технологиями системной интеграции процессов обработки и передачи информации. В свою очередь, эти технологии адаптируют стандарты интерактивного взаимодействия человека с машиной к разнообразным сферам гуманитарного применения» [2, с. 75].

Сетевое коммуникативное пространство является нестабильным, изменчивым феноменом, для которого присущ высокий уровень незавершенности и динамичности, что приводит к возникновению нового типа взаимоотношений и взаимосвязей акторов, которые базируются на множественности контекстов взаимодействия. Причина данного явления заключается в необходимости передачи информации и значимости выстраивания новых связей и отношений. Ю. Хабермас полагал, что основным признаком сети является ее открытость,

проявляющаяся в существовании многомерных взаимосвязей акторов коммуникации. Сеть представляет собой открытое образование, в рамках которого возможен взаимообмен между всеми ее элементами, кроме того, она направлена на формирование новых связей, обмен информацией с внешней средой.

В. И. Аршинов и Я. И. Свирский акцентируют внимание на сложности сети, под которой понимается ее способность к самоорганизации, неопределенность, множественность и эмерджентность. Ей присуще наличие так называемого актора-наблюдателя, чьей задачей является осуществление доступа к потенциальной реальности, ее познание и воспроизводство всего многообразия взаимосвязей. «Концепт “сеть наблюдателей темпоральной сложности” ориентирует на поиски путей преодоления декартовского разграничения протяженной и непротяженной субстанций, на включение сознания в контекст понимания проблематики постнеклассической сложности в качестве ключевого междисциплинарного понятия» [3, с. 81]. Именно актор-наблюдатель задает сетевое единство в рамках открытых, нелинейных систем, обладающих положительными и отрицательными обратными связями. Кроме того, гибридность и разнородность сетевых элементов преодолевается посредством конституирования новых узлов – акторов – наблюдателей, создающих новые связи. Коммуникация между ними вырабатывает условия для возникновения рефлексивной самоорганизации сети.

Специфика коммуникации в сети заключается в том, что она неразрывно связана «с проектом вытеснить эссенциалистские онтологии и заменить их своего рода открытыми пространствами, не имеющими ни границ, ни центров, ни опорных точек. В таких пространствах индивиды всецело определяются отношениями людей, в которые они вступают, здесь они модифицируются благодаря потокам, трансферам, обменов, перемещениям, переводам с места на место; в этом пространстве все эти изменения предстают как самые существенные события. Момент контакта (“встреча” по Ж. Делезу) – это промежуток времени, когда складывается идентичность людей, которые вступают в определенные отношения» [4, с. 266–267]. Творческий и инновационный характер сетевой коммуникации является следствием таких факторов, как наличие у акторов ориентации на сотрудничество, открытость общения и свобода интерпретации, снижение транзакционных затрат, разнообразие источников информации. В частности, превалирование горизонтальных связей обеспечивает свободу коммуникации, возможность присоединения различных акторов, обладающих своими ресурсами. Тем самым создаются условия для повышения уровня индивидуальной креативности.

По аналогии с социальной коммуникацией можно различить межличностную, групповую и массовую можно различить сетевую коммуникацию, т. е. такие ее типы, которые выявляют специфику intersubjectных взаимодействий.

В межличностной коммуникации отдельный субъект выступает в качестве отправителя и получателя информации. Несмотря на опосредованность данных контактов, этой форме взаимодействия присущ двусторонний обмен сообщениями с сохранением тесной обратной связи. Хотя межличностное общение имеет рациональный и инструментальный характер, его неотъемлемым аспектом является необходимость учета специфики индивидуального восприятия и наличие эмоциональной составляющей.

В групповой коммуникации обмен информацией охватывает множество субъектов, взаимодействующих друг с другом. Ее специфика заключается в том, что она не ограничивается рамками определенной группы, а может постоянно расширяться посредством включения новых элементов. При этом существует возможность выбора получаемых сообщений и акцентирования внимания на той информации, которая представляет для актора наибольшую значимость. Сетевая коммуникация расширяет границы межгруппового взаимодействия, создавая новые условия для профессионального роста, обмена ценностями и ресурсами.

В массовой коммуникации участвует множество различных субъектов, общностей, осуществляется быстрая трансляция информации. Средства массовой информации, телекоммуникационные и мультимедийные технологии задают контуры для формирования современной сетевой культуры. Тем самым пространством функционирования массовой коммуникации становится киберпространство. В нем формируется специальный язык, нормы и ценности взаимодействия.

В рамках сетевого диалога используется специальный сленг, который отражает культуру пользователей и становится унифицированным средством их общения. Он является доступным и может быть понят всеми сетевыми элементами. Кроме того, стремление к коллоквиализации приводит к редукции сегментного ряда, появлению большого количества фрагментов разговорной лексики. В то же время анонимность большинства сообщений содействует нарушению норм речевого этикета.

Сетевая коммуникация способствует выстраиванию социальной intersubjectивности, прояснению собственных наличных ценностей и ресурсов. Под ее воздействием осуществляется трансформация личности. Легкость и доступность обмена информацией, возможность освоения ее большого массива, увеличение степени интенсивности контактов содействуют изменению самого процесса общения, которое становится все более сти-

листически упрощенным. Интерактивный режим взаимодействия человека с информационным источником приводит к снижению значимости вербальной коммуникации, ее замене визуальными мультимедийными технологиями.

Двойственность существования человека в современном обществе заключается в наличии свободы и автономности, задаваемых спецификой сети, с одной стороны, и зависимостью людей от новых культурно-смысловых контекстов, проясняющих особенность данного сетевого взаимодействия, с другой. Сетевая коммуникация стирает культурные различия, лингвистическую самобытность, создавая не только акультурное пространство, которое становится обезличенным, но и поликультурное, объединяющее в себе разные народы и этносы. Взаимодействие акторов базируется на нормах и ценностях сетевой культуры. Е. А. Бердник трактует сетевую культуру как «информационно-коммуникативную систему, связывающую воедино все элементы сети посредством разделяемых всеми нематериальных (символических) форм культуры (ценностей, норм, правил, установок, идей, языка и др.) и обеспечивающую тем самым целостность и самовоспроизводимость сети» [5, с. 53]. Таким образом, сетевая культура формируется благодаря средствам коммуникации и выстраивается на основании сетевых принципов. Ей присущи семантический и аксиологический плюрализм, комбинация и артикуляция различных смыслов, их обобщение или спецификация, снижение роли индивидуального начала и усиление значимости принадлежности к определенной общности, взаимосвязи с другими субъектами. Стремление к публичности приводит к обезличиванию такого понятия, как неприкосновенность личной жизни.

Сетевое коммуникативное взаимодействие характеризуется двойственностью условий, его продуцирующих. С одной стороны, субъект всегда идентифицирует себя с определенной культурой, представителем которой он является. Данные ценности оказывают непосредственное воздействие на специфику его восприятия сетевой информации. С другой стороны, социокультурная разнородность акторов, взаимопересечение множества культурных общностей, вовлечение в процесс коммуникации субъектов, обладающих разными мировоззренческими установками, содействует необходимости пересмотра ценностно-смысловых ориентиров личности. С. Бенхабиб трактует сетевое общество в качестве общества мозаичного, для которого присущи постоянная смена социокультурных ценностей и неустойчивость, изменчивость внутренних связей [6, с. 9].

Вовлеченность человека одновременно в несколько процессов информационного обмена, использование различных форм коммуникативного взаимодействия приводят к фрагментации созна-

ния. Множество сообщений, являющихся символическими фрагментами, должны быть проинтерпретированы субъектом, их изучающим. Сравнение и сопоставление сообщений формируют ситуации личностной сопричастности процессу создания информации. Интерпретационная активность субъекта и фрагментарность коммуникации характеризуются М. Маклюэном посредством понятия «мозаика» [7, с. 69]. Являясь сущностной характеристикой общества, мозаичность закрепляется в коммуникативных технологиях, организующих и структурирующих деятельность людей, их социальные отношения.

Семантическое пространство сетевой коммуникации представляет собой совокупность акторов, взаимодействующих на основании наличия общих ценностных, пространственно-временных и целевых ориентиров. Ее качественным отличием является конституирование символического пространства и смысла в процессе знакового взаимодействия акторов. Выстраиваясь на основании неформальных норм, установленных и разделяемых субъектами, коммуникация создает условия для формирования системно-функциональной взаимосвязи и взаимозависимости между ними. При этом основное внимание в ней концентрируется не на процессе трансляции информации, а на коммуникационных отношениях между акторами. Акторы перестают быть пассивными участниками коммуникативного обмена и потребителями информации. Они активно участвуют в данном процессе. «Сети строятся на основе выбора и стратегии социальных деятелей, будь то отдельные лица, семьи или общественные группы» [8, с. 154].

Сетевые взаимосвязи акторов можно рассматривать в качестве способа их структурного взаимодействия по следующим причинам. Во-первых, в процессе данного коммуникативного взаимодействия непрерывно осуществляется воспроизводство сети, ее изменение. Во-вторых, коммуникативные связи акторов обладают одновременно свойствами уникальности и всеобщности. Им при-

суща как своя специфика и неповторимость, так и наличие множества стандартизированных компонентов. В-третьих, сетевые связи акторов основаны на использовании ими общих символов.

Преимущества сетевой коммуникации обусловлены следующими факторами: 1) наличием у человека потребности в быстром доступе к информации; 2) возможностью психологической стимуляции посредством создания образа, повышающего внутреннюю самооценку человека, расширения круга общения; 3) реализацией потребности в признании своих достижений со стороны незнакомых людей.

На основании сказанного можно сделать следующие выводы. Во-первых, постоянная трансформация социального пространства и связей как создает конструктивные возможности для формирования новых сообществ, которые взаимодействуют между собой исходя из существующих в сети аксиологических установок, так и приводит к размытости сетевых отношений. Наличие неограниченных возможностей коммуникативного обмена информацией содействует изменению ценностно-нормативных стандартов, возникновению проблемы личностной идентификации. Во-вторых, существенным признаком сетевой коммуникации является возможность установить контакт с любым сетевым элементом по причине отсутствия пространственных, временных, культурных, экономических, политических и статусных различий между акторами. Однако данным интересубъективным взаимодействиям сетевых структур присущ опосредованный характер. В-третьих, сетевая коммуникация способствует формированию и выявлению социальной интересубъективности, прояснению собственных наличных ценностей и ресурсов. Изменение традиционных понятий и норм приводит к тому, что в рамках сетевого пространства знаки и символы начинают приобретать большее значение, нежели сами вещи. Отсутствие границ и неограниченное привлечение разного рода ресурсов создает конструктивные возможности для развития диалога.

Библиографические ссылки

1. Кастельс М. Коммуникация, власть и контрвласть в сетевом обществе. В: Ефименко ДВ, редактор. *Концепция «общества-знания» в современной социальной теории*. Москва: РАН ИНИОН; 2010. с. 238–266.
2. Назарчук АВ. Сетевое общество и его философское осмысление. *Вопросы философии*. 2008;7:61–75.
3. Аршинов ВИ, Свирский ЯИ. Сложностный мир и его наблюдатель. *Часть 1. Философия науки и техники*. 2016;21(1):78–91.
4. Болтански Л, Кьяпелло Э. *Новый дух капитализма*. Фокин С, редактор. Москва: Новое литературное обозрение; 2011. 976 с.
5. Бердник ЕА. Сетевая культура как объект социологического анализа. *SOCIOПРОСТIP: междисциплинарный сборник научных работ по социологии и социальной работе*. 2011;2:51–55.
6. Бенхабиб С. *Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру*. Иноземцев ВИ, редактор. Москва: Логос; 2003. 350 с.
7. Маклюэн ГМ. *Понимание Медиа: внешние расширения человека*. Николаев В, переводчик. Москва: Канон-пресс-Ц; 2003. 464 с. Совместное издание с «Кучково поле».
8. Кастельс М. *Галактика Интернет: размышления об Интернете, бизнесе и обществе*. Матвеев А, переводчик; Харитонов В, редактор. Екатеринбург: У-Фактория; 2004. 328 с.

References

1. Castels M. [Communication, power and counterpower in the network society]. In: Efimenko DV, editor. *Kontsepsiya «obshchestva znaniya» v sovremennoi sotsial'noi teorii* [The concept of «knowledge society» in contemporary social theory]. Moscow: RAN INION; 2010. p. 238–266. Russian.
2. Nazarchuk AV. [Network society and its philosophical understanding]. *Voprosy filosofii*. 2008;7:61–75. Russian.
3. Arshinov VI, Svirsky YaI. Complexity world and its observer. *Part 1. Philosophy of Science and Technology*. 2016;21(1): 78–91. Russian.
4. Boltanski L, Chiapello E. *Novyi dukh kapitalizma* [New spirit of capitalism]. Phokin S, editor. Moscow: New Literary Review; 2011. 976 p. Russian.
5. Berdnik EA. [Network culture as an object of sociological analysis]. *SOSIOPROSTIP: the interdisciplinary collection of scientific works on sociology and social works*. 2011;2:51–55. Russian.
6. Benhabib S. *Prityazaniya kul'tury. Ravenstvo i raznoobrazie v global'nyu eru* [The claims of culture. Equality and diversity in the global era]. Inozemtsev VI, editor. Moscow: Logos; 2003. 350 p. Russian.
7. McLuhan M. *Ponimanie Media: vneshnie rasshireniya cheloveka* [Understanding Media: external extensions of man]. Nikolaev V, translator. Moscow: Kanon-press-Ts; 2003. 464 p. Co-published by the «Kuchkovo pole». Russian.
8. Castels M. *Galaktika Internet: razmyshleniya ob Internete, biznese i obshchestve* [Galaxy Internet: Reflections on the Internet, business and society]. Matveev A, translator; Kharitonov V, editor. Ekaterinburg: U-Faktoriya; 2004. 328 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 14.10.2019.
Received by editorial board 14.10.2019.

УДК 159.9:618

ФЕНОМЕН СОВРЕМЕННОГО МАТЕРИНСТВА КАК НРАВСТВЕННАЯ ЦЕННОСТЬ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Е. Г. ПАВЛОВА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Статья содержит социологический обзор феномена современного материнства как нравственной ценности. Описано проблемное поле для комплексного изучения данного феномена. Выделены социологические показатели для эмпирического исследования: ценностные характеристики материнства; структура самосознания матери; материнские представления о ребенке; роль материнского образа в развитии личности ребенка; привязанность ребенка к матери. Феминистическая направленность современного общества нивелирует феномен материнства как самоценность. В данном контексте материнство трактуется как биологическая функция женщины, часто выступающая помехой реализации ее социально-экономических и социально-политических функций, карьерному росту. Вопреки указанной тенденции постоянно усложняющееся и ускоряющееся общество, находящееся в состоянии «турбулентности», с которой сложно справиться мужчине, ставит перед женщиной новые вызовы, отводя ей роль продолжательницы рода, исходящую из архетипа матери. Данный тезис транслируется как социализационная модель брачно-семейных отношений подрастающего поколения.

Ключевые слова: архетип материнства; образ матери; самосознание матери; родительские установки; ценностные характеристики материнства.

THE PHENOMENA OF MODERN MOTHERHOOD AS A MORAL VALUE: SOCIOLOGICAL ASPECT

К. Н. PAULAVA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article consist a sociological review of the phenomena of modern motherhood as a moral value. The problem field for complex study of motherhood as a moral value is presented. Sociological indicators for empiric study are highlighted. Among them are: valuable characteristics of motherhood; the structure of mother's self-awareness; mother's representations about child; the role of mother's image in child's development; child's attachment to mother. Feminist tradition levels motherhood as a self-value. Feminist tradition treats motherhood as a biological function, which interferes social, economic and politic functions of women. Contrary to feminist tradition, modern turbulent society is complicated for men. A woman is facing a new challenge, her role is to continue a man-kind, according to archetype of mother. This thesis should be transmited as a socialization model of young generation.

Keywords: archetype of mother; mother's image; mother's self-awareness; parent's settings; valuable characteristics of motherhood.

Образец цитирования:

Павлова Е.Г. Феномен современного материнства как нравственная ценность: социологический аспект. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2019;4:80–85.

For citation:

Paulava КН. The phenomena of modern motherhood as a moral value: sociological aspect. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2019;4:80–85. Russian.

Автор:

Екатерина Геннадьевна Павлова – кандидат социологических наук, доцент; доцент кафедры социологии факультета философии и социальных наук.

Author:

Katsiaryna H. Paulava, PhD (sociology), docent; associate professor at the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences.
kitipav@gmail.com

Феномен материнства – сложное социокультурное явление, включающее в себя спектр различных влияний как объективного, так и субъективного характера: экономических, социальных, психологических, культурных, нравственных. Ценности материнства в их традиционной интерпретации подвергаются трансформации со стороны вызовов глобальной культуры, поэтому в современном мире материнство как культурный феномен и нравственная ценность – одна из актуальных проблем. Как показывают многочисленные социально-психологические исследования, нежелание иметь детей связано не с материальным кризисом, а с разрушением традиций духовно-нравственной культуры. Растет отчуждение подрастающих поколений от семьи. В обществе происходит трансформация ценностей. Во-первых, выбор молодежи все чаще падает на достижение карьерного роста, при этом создание семьи рассматривается как отвлечение и помеха в реализации поставленных жизненно важных целей. Во-вторых, взгляды на будущее, биографическое проектирование и нравственные нормы в брачно-семейных отношениях формируются стихийно [1].

Пересмотр ценностей традиционного материнства связан с целой системой социокультурных вызовов, представляющих для него угрозу: женская эмансипация, потребительская парадигма культуры, демографический кризис. Такая переоценка, рождающая черты крайнего индивидуализма, влияющего на изменение системы ценностных ориентаций и мотиваций, выражает, по существу, особенности современной парадигмы культуры, которая мотивирует направленность деятельности человека на достижение потребительских стандартов жизни, обуславливая эгоистические цели, связанные с гедонистическими ценностями, и сужая его природные особенности. Эти тревожные симптомы культуры требуют всестороннего и объективного научного исследования феномена материнства с точки зрения его нравственных характеристик, мотивационных и ценностных ориентаций.

Очертим проблемное поле комплексного изучения феномена материнства как нравственной ценности [2]. Во-первых, это социально-философский анализ феномена материнства, основанный на его ценностном измерении. Редукция феномена материнства главным образом к биологической функции ведет к трансформации либо выхолащиванию ценностного аспекта этого явления, его духовной сущности, которая присутствует в новом онтологическом статусе женщины-матери. Рассматривая материнство как духовную ценность, выражающуюся в нравственном поведении женщины, основанном на осознанной заботе о ребенке, важно подчеркнуть необходимость именно такого видения исследуемого феномена. Установившаяся в обществе духовная слепота, игнорирующая мате-

ринство как самостоятельную экзистенциальную ценность и не признающая его в качестве деятельности, являющейся по объему и значимости фундаментом любого сообщества, требует целенаправленного переосмысления.

Во-вторых, необходимо изучить различные негативные воздействия, которым подвергается материнство в современном социуме. Консервативный взгляд на материнство переживает кризис. Приветствуя образ успешной в профессиональном отношении женщины, общественное мнение принижает ее репродуктивные заслуги, что приводит к дальнейшему обесцениванию материнства как важнейшего социального явления. Существует необходимость вернуть материнству смысл высшей духовной ценности, значимой формы самореализации женщины, механизма трансляции культуры, способного сохранять здоровые нравственные ориентиры в обществе и создавать основу для их дальнейшего развития.

В-третьих, важно вскрывать противоречивые процессы материнства как явления в современном обществе, определяя его роль и место в экономической, политической, социальной и духовной сферах. В условиях утраты духовных ориентиров требует внимания обращение к выявлению ценностного потенциала материнства в целях восстановления нравственного измерения общественно-го бытия.

В-четвертых, следует обосновать перспективы развития феномена материнства, базирующиеся на осознании сложности сочетания биологической, социальной и духовной составляющих в жизни социума. Общество нуждается в гражданах, имеющих четкие нравственные ориентиры. Проведение политики всемерной поддержки материнства становится приоритетным направлением государственной деятельности.

Аспекты, связанные с проблемой воспитания ценностного отношения к материнству, ставились многими исследователями в различных областях знания. Целостное понимание уровня осмысления материнства как духовного явления можно получить на основании анализа имеющихся теоретических источников, которые Л. А. Баркова разделяет на несколько групп [2].

Первую группу составляют исследования, в которых авторы используют для понимания феномена материнства его биологическую обусловленность. Анализ явления с этой точки зрения можно считать одним из самых древних, поскольку женщина в истории чаще всего рассматривалась исключительно с позиции своей биологической роли, т. е. материнской (Платон, Аристотель, И. Кант, И. А. Ильин, П. А. Сорокин и др.).

Вторую группу исследований составляют научные труды, близко прилегающие к первой группе по акценту на биологической детерминированно-

сти феномена материнства, однако дающие ему резко негативную характеристику как самой примитивной человеческой миссии. Ученые не считали материнское поведение нравственным, поскольку оно целиком и полностью является следствием реализующегося природного инстинкта (Н. А. Бердяев, Ф. Ницше, В. С. Соловьев, З. Фрейд, А. Шопенгауэр и др.).

Третья группа авторов анализирует феномен материнства как социально обусловленный конструкт, где норма материнского поведения определяется условно, посредством культурных механизмов и, кроме прочего, предполагает подчиненное положение женщин. Начиная с конца XIX в. в основном эту группу представляли исследования феминистической мысли (Ф. Энгельс, Дж. Милль, М. Л. Михайлов, Л. В. Лебедева и др.).

Четвертая группа включает труды ученых, исследующих материнство в традициях психоаналитического жанра. Это направление в настоящее время стремительно развивается, имея большой потенциал для изменения представлений о феномене материнства как самостоятельной экзистенциальной ценности (К. Г. Юнг, Э. Фромм, М. Кляйн, Дж. Боулби, Э. Эриксон и др.).

Пятую группу представляют теории, рассматривающие феномен материнства через кросс-культурные исследования, статистическое сравнение разных социальных практик либо поведенческих паттернов, которые подвергаются корреляции или ее отсутствию между исследуемыми параметрами (Д. Д. Фрезер, М. Мид, И. С. Кон, М. Л. Бутовская, Ю. М. Лотман и др.).

Заключительную группу составляют законодательные акты, регулирующие правовые отношения в сфере материнства.

Сформируем систему социологических показателей для эмпирического изучения феномена материнства как нравственной ценности. Основываясь на современных исследованиях философов, психологов, культурологов, выделим следующие социологические показатели: ценностные характеристики материнства; структура самосознания матери; материнские представления о ребенке; роль материнского образа в развитии личности ребенка; привязанность ребенка к матери.

Традиционно материнство обладает следующими ценностными характеристиками, которые можно трактовать как социологические показатели: 1) забота, которая проявляется как в воспитании, так и в создании условий жизни ребенка, необходимых для его полноценного развития (забота представлена как социальная вариативность, спонтанность и естественность, безусловность без ожиданий, инициатива и принципиальность); 2) ответственность, которая заключается в понимании своей роли в воспитании и развитии ребенка как личности; 3) уважение к ребенку как к личности,

сознательное отделение матери от ребенка; 4) знание, мотивированное любовью, как актуальное понимание личности ребенка; 5) бескорыстие, когда мать дарит свою любовь и заботу, не требуя взамен зависимости или подчинения; 6) осознание ценности жизни, связанное с гуманистической и оптимистической мотивацией материнской любви [1].

Достижение женщинами экономической и профессиональной независимости способствует разрушению традиционного семейного уклада: 1) снижению ценностной доминанты заботы (о доме, семейном устройстве и детях) как характеристики традиционного материнства; 2) подмене ценностных мотиваций традиционного материнства профессиональным успехом; 3) тенденции к малодетной семье или вообще бездетности, что является негативной альтернативой традиционному материнству как проявлению женственности; 4) культивированию черт эгоизма и индивидуализма.

Ответственность как нравственная норма традиционного материнства в современной парадигме культуры подменяется в общественном сознании такими ценностями, как профессиональная ответственность, профессиональный успех, что способствует отсутствию мотивации деторождения, преобладанию экономической ответственности над моральной. Карьерный рост трансформирует ценность материнства.

Рассмотрим следующий показатель – самосознание матери. Исследователи отмечают тот факт, что его развитие начинается задолго до момента зачатия ребенка – с взаимодействия с собственными родителями. Беременность в большинстве концепций понимается как важнейший этап в развитии самосознания женщины-матери. Существенным фактором в его развитии является рождение ребенка и взаимодействие с ним. Согласно концепции Г. Г. Филипповой, стадии формирования материнства охватывают практически всю жизнь женщины. В структуре самосознания матери выделяются три компонента: самопостижение, самоотношение, самореализация. Наиболее важной стороной является самопостижение, включающее представление женщины о себе как о матери, о выполнении материнских функций, способах взаимодействия с ребенком, доминирующем эмоциональном фоне взаимодействия. Все это формируется в обобщенный я-образ. Самоотношение представляет собой специфический вид эмоциональных переживаний, в которых отражается собственное отношение матери к тому, что она узнает, понимает и открывает о себе. Самореализация понимается как процесс организации матерью своего поведения, форма регуляции взаимоотношений с ребенком, которая предполагает момент включенности в него результатов самопостижения и самоотношения. Содержание данного компонента представлено эмоциональным сопровождением процесса

взаимодействия с ребенком, реагированием на его поведение и эмоции, стилями и способами взаимодействия с ним, типом детско-родительских отношений [3].

В рамках диссертационного исследования «Структурная организация самосознания матери» Е. Н. Рыбаковой проведен корреляционный анализ взаимосвязей между структурными компонентами самосознания матери. В результате было выявлено множество положительных взаимосвязей между самопостижением, самоотношением и самореализацией. Анализ корреляций между самопостижением и самоотношением позволяет говорить о наличии взаимосвязи и взаимозависимости данных структурных компонентов самосознания матери. Восприятие и понимание себя матерью тесно связано с самооценкой, которая зависит от ее представлений о способности вызывать у других людей уважение и симпатию. Так, ощущение ценности собственной личности связано с отношением супруга, а для того, чтобы ощущать себя счастливой матерью, необходимо ценить и принимать все стороны своего Я.

Описывая особенности взаимосвязи самопостижения и самореализации, необходимо отметить, что при сравнении образов «реальное Я», «идеальное Я» и складывании представлений о «будущем Я» особое значение приобретают внешние, поведенческие проявления матери. Для формирования негативного образа Я значимыми оказываются такие поведенческие характеристики, как собственная чрезмерная раздражительность и вспыльчивость, двойственность и непоследовательность в отношениях с ребенком, ощущение несвободы и самопожертвования в роли матери. Напротив, для формирования положительного образа Я важными оказались такие параметры, как сотрудничество с ребенком и последовательность в его воспитании, принятие ребенка и эмоциональная близость с ним, контроль над ситуацией в семье. Представление о «будущем Я» тесно связано со стремлением доминировать в семье, желанием установить с ребенком отношения эмоциональной близости и доверия, принимать его таким, какой он есть.

Анализ корреляций между структурными компонентами самоотношения и самореализации свидетельствует о высокой конфликтности в данной сфере. Расхождение между уровнем притязаний и фактическими достижениями, несамостоятельность и зависимость женщины, ощущение самопожертвования в роли матери тесно связаны с негативной самооценкой, внутриличностными конфликтами и актуализацией механизмов психологической защиты. При построении отношений с окружающими особое значение приобретает ощущение ценности собственной личности, представление о способности вызывать у других людей

уважение и симпатию, а также уровень требований, которые женщина предъявляет к себе.

На основе кластерного и факторного анализа Е. Н. Рыбакова выделяет типы матерей, каждый из которых описывает различные варианты комбинаций элементов содержательной наполненности структурных компонентов самосознания матери: доминирующие, отвергающие, гармоничные, непоследовательные матери, матери с конфликтным самоотношением, социально-неадаптированные и субъективно благополучные матери.

Следующим показателем социологического изучения материнства как нравственной ценности являются материнские представления о ребенке. В психологической литературе встречаются различные подходы к их описанию [4]. А. С. Спиваковская (1981) рассматривает материнские представления о ребенке в контексте родительской позиции как совокупности установок отношения к ребенку и, соответственно, представлений о нем. Родительские установки – готовность взаимодействовать с ребенком сообразно своим представлениям. Е. А. Савина, Е. О. Смирнова (2001) указывают на их зависимость от особенностей социального окружения женщины, на то, что первые образы, связанные с ребенком, появляются еще до его рождения. Механизм образования родительских представлений происходит «сверху вниз» – из нормативных, культурно обусловленных идей и ожиданий, а также из конкретной социально-психологической ситуации жизни родителей. О. А. Карабанова (2004) говорит о существенной роли материнского образа ребенка в развитии его личности. Механизмы такого влияния следующие: 1) создание зоны ближайшего развития и организация сотрудничества в ее пределах; 2) идентификация ребенка с предлагаемым родителями образом; 3) моделирование определенного поведения в деятельности ребенка в соответствии с заданными родителями образцами и моделями и регуляция этого поведения (в процессе подражания создаются заложенные в образе-модели условия для интериоризации нужных качеств); 4) механизм обусловливания, когда посредством использования наказаний и поощрений направленно формируются те или иные качества ребенка.

Рассмотрим привязанность ребенка к матери как интегративную категорию, включающую три составляющие [5]: 1) поведение ребенка во взаимодействии с матерью (избегание матери, приближение к ней); 2) эмоции, связанные с этим взаимодействием (тревога, радость); 3) образ матери (как надежной или ненадежной, способной адекватно удовлетворить потребности ребенка). Под привязанностью понимается вид социального поведения ребенка, адресованного матери, эмоциональная связь с матерью и ее сложившийся

образ. Привязанность как устойчивое образование индивида закладывается в раннем детстве. Сила привязанности, надежность, тип, качество на протяжении жизни остаются устойчивыми и неизменными.

Сегодня признаком массовой культуры, разрушительно воздействующим на гуманистические основы мирового искусства, является десакрализация святынь. Суть материнского архетипа, связанная в глубинах человеческого сознания с тайной рождения, преодоления власти времени и бессмертием, оказалась под угрозой духовного выхолощивания. Архетип материнства благодаря своей священной значимости в истории мировой культуры обеспечивал преемственность и единство общекультурного развития. В язычестве именно с культом богини-матери, являвшейся собирательным персонифицированным образом архетипа материнства, связывалось достижение бессмертия, соединяющего человека с богами. В христианстве определяющим для материнского архетипа стал образ Богоматери. Он всесторонне соединен с идеей Боговоплощения, а значит, и с идеей христианского бессмертия. В христианской культуре и религии Богоматерь почитаема исключительно благодаря материнству, через которое, согласно этой вере, и обретается христианская вечная жизнь [6].

Мы очертили проблемное поле социологического осмысления феномена материнства как нравственной ценности, выделив показатели для его прикладного изучения: ценностные характеристики материнства; структура самосознания матери; материнские представления о ребенке; роль материнского образа в развитии личности ребенка; привязанность ребенка к матери. Социально-психологические исследования свидетельствуют о том, что феминистические тенденции, в рамках которых концепции материнства рассматриваются в западной традиции [7–20], терпят фиаско перед вызовами современного общества, в крайней степени неустойчивого. В обществе происходит трансформация ценностей. Нежелание иметь детей связано не с материальным кризисом, а с разрушением традиций духовно-нравственной культуры. Растет отчуждение подрастающих поколений от семьи: выбор молодежи все чаще падает на достижение карьерного роста, при этом создание семьи рассматривается помехой для реализации поставленных жизненно важных целей. Архетип матери возвращает гендерную направленность женщины к роли продолжательницы рода. Данный тезис следует транслировать как социализационную модель брачно-семейных отношений подрастающего поколения.

Библиографические ссылки

1. Тронина ЛН. *Этико-психологические проблемы современного материнства* [автореферат диссертации]. Тула: Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого; 2010. 21 с.
2. Баркова ЛА. *Феномен материнства как духовная ценность современного российского общества* [автореферат диссертации]. Москва: Военный университет Министерства обороны РФ; 2008. 25 с.
3. Рыбакова ЕН. *Структурная организация самосознания матери* [автореферат диссертации]. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет; 2007. 23 с.
4. Петрова АА. *Материнские представления об индивидуально-психологических особенностях ребенка как фактор детско-родительского эмоционального взаимодействия* [автореферат диссертации]. Москва: Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова; 2008. 24 с.
5. Цуркин ВА. *Образ физического «Я» у лиц с разными типами эмоциональной привязанности к матери* [автореферат диссертации]. Ярославль: Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского; 2015. 22 с.
6. Васильева ИИ. *Архетип материнства в древнеязыческих и христианской культурах и религиях (нарративный анализ)* [автореферат диссертации]. Москва: Академия переподготовки работников искусства, культуры и туризма; 2007. 24 с.
7. Almond B. *The monster within: the hidden side of motherhood*. Berkeley: University of California Press; 2010. 266 p.
8. Bailey L. Gender shows: first-time mothers and embodied selves. *Gender and Society*. 2001;15(1):110–129. DOI: 10.1177/089124301015001006.
9. Barlett A. Thinking through breasts: writing maternity. *Feminist Theory*. 2000;1(2):173–188. DOI: 10.1177/14647000022229146.
10. Craig L. *Contemporary motherhood. The impact of children on adult time*. Hampshire: Ashgate Publishing Ltd.; 2007. 187 p.
11. Christopher K. Extensive mothering. Employed mother's construction of the good mother. *Gender and Society*. 2012;26(1):73–96. DOI: 10.1177/0891243211427700.
12. Giddens A. *Modernity and self-identity: self and society in the late modern age*. Cambridge: Polity Press; 1991. 256 p.
13. Hays S. *The cultural contradiction of motherhood*. New Haven and London: Yale University Press; 1996. 255 p.
14. Hennem N. Young people and motherhood: culture and conduct. *Young*. 1999;7(4):38–51. DOI: 10.1177/110330889900700403.
15. Kawash S. New direction in motherhood studies. *Signs*. 2011;36(4):969–1003. DOI: 10.1086/658637.
16. Kielty S. Working hard to resist a «bad mother» label: narratives of non-resident motherhood. *Qualitative social work*. 2008;7(3):363–379. DOI: 10.1177/1473325008093707.
17. Pugh AJ. Selling compromise: toys, motherhood, and cultural deal. *Gender and Society*. 2005;19(6):729–749. DOI: 10.1177/0891243205279286.

18. Sevon E. Timing motherhood: experiencing and narrating the choice to become a mother. *Feminist and Psychology*. 2005;15(4):461–482. DOI: 10.1177/0959-353505057619.
19. Walter M. Working their way out of poverty? Sole motherhood, work welfare and material well-being. *Journal of Sociology*. 2002;38(4):361–380. DOI: 10.1177/144078302128756732.
20. Woodward K. Motherhood: identities, meanings and myths. In: Woodward K, editor. *Identity and Difference*. London: Sage; 1997. p. 239–298.

References

1. Tronina LN. *Etiko-psikhologicheskie problemy sovremennogo materinstva* [Ethic and psychological problems of modern motherhood] [abstract of dissertation]. Tula: Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University; 2010. 21 p. Russian.
2. Barkova LA. *Fenomen materinstva kak dukhovnaya tsennost' sovremennogo rossiiskogo obshchestva* [The motherhood phenomena as a spirit value of modern Russian society] [dissertation abstract]. Moscow: Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation; 2008. 25 p. Russian.
3. Rybakova EN. *Strukturnaya organizatsiya samosoznaniya materi* [The structural organization of mother's self-awareness] [abstract of dissertation]. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University; 2007. 23 p. Russian.
4. Petrova AA. *Materinskie predstavleniya o individualno-psikhologicheskikh osobennostyakh rebenka kak faktor detsko-roditel'skogo emotsional'nogo vzaimodeistviya* [Mother's settings on individual and physiologic peculiarities of child as a factor of parents-child emotional interaction] [dissertation abstract]. Moscow: Lomonosov Moscow State University; 2008. 24 p. Russian.
5. Cyrkin VA. *Obraz fizicheskogo «Ya» u lits s raznymi tipami emotsionalnoi privyazannosti k materi* [The image of physical self of people with different types of emotional connection with mother] [abstract of dissertation]. Yaroslavl: Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky; 2015. 22 p. Russian.
6. Vasilyeva II. *Arkhetip materinstva v drevne-yazycheskih i khristianskikh kul'turakh i religiyakh* [The archetype of mother in ancient and christian culture and religion] [dissertation abstract]. Moscow: Akademiya perepodgotovki rabotnikov iskusstva, kul'tury i turizma; 2007. 24 p. Russian.
7. Almond B. *The monster within: the hidden side of motherhood*. Berkeley: University of California Press; 2010. 266 p.
8. Bailey L. Gender shows: first-time mothers and embodied selves. *Gender and Society*. 2001;15(1):110–129. DOI: 10.1177/089124301015001006.
9. Barlett A. Thinking through breasts: writing maternity. *Feminist Theory*. 2000;1(2):173–188. DOI: 10.1177/14647000022229146.
10. Craig L. *Contemporary motherhood. The impact of children on adult time*. Hampshire: Ashgate Publishing Ltd.; 2007. 187 p.
11. Christopher K. Extensive mothering. Employed mother's construction of the good mother. *Gender and Society*. 2012;26(1):73–96. DOI: 10.1177/0891243211427700.
12. Giddens A. *Modernity and self-identity: self and society in the late modern age*. Cambridge: Polity Press; 1991. 256 p.
13. Hays S. *The cultural contradiction of motherhood*. New Haven and London: Yale University Press; 1996. 255 p.
14. Hennem N. Young people and motherhood: culture and conduct. *Young*. 1999;7(4):38–51. DOI: 10.1177/110330889900700403.
15. Kawash S. New direction in motherhood studies. *Signs*. 2011;36(4):969–1003. DOI: 10.1086/658637.
16. Kielty S. Working hard to resist a «bad mother» label: narratives of non-resident motherhood. *Qualitative social work*. 2008;7(3):363–379. DOI: 10.1177/1473325008093707.
17. Pugh AJ. Selling compromise: toys, motherhood, and cultural deal. *Gender and Society*. 2005;19(6):729–749. DOI: 10.1177/0891243205279286.
18. Sevon E. Timing motherhood: experiencing and narrating the choice to become a mother. *Feminist and Psychology*. 2005;15(4):461–482. DOI: 10.1177/0959-353505057619.
19. Walter M. Working their way out of poverty? Sole motherhood, work, welfare and material well-being. *Journal of Sociology*. 2002;38(4):361–380. DOI: 10.1177/144078302128756732.
20. Woodward K. Motherhood: identities, meanings and myths. In: Woodward K, editor. *Identity and Difference*. London: Sage; 1997. p. 239–298.

Статья поступила в редколлегию 15.09.2019.
Received by editorial board 15.09.2019.

КУРС ПО ВЫБОРУ

OPTION COURSE

Овидианское возрождение породило не только эротическую лирику как таковую, но и попытки концептуализации феномена любви. Формировалась своего рода «наука страсти нежной», причем именно той, «которую воспел Назон»¹ (а как иначе это могло бы происходить в рамках Овидианского возрождения?!). Понятно, что до возникновения науки как таковой, плода культуры Нового времени, еще далеко, – речь идет лишь о попытках формирования своего рода теории любви с претензией на полноту, системность и формулировку базовых оснований. Каковы же результаты?

М. А. Можейко

УДК 177.6:130.2-047.48(4-15)

НАУКА СТРАСТИ НЕЖНОЙ: ПОПЫТКИ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ЛЮБВИ В ОВИДИАНСКОЙ ТРАДИЦИИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

М. А. МОЖЕЙКО¹

*¹Белорусский государственный университет культуры и искусств,
ул. Рабкоровская, 17, 220007, г. Минск, Беларусь*

Посвящена рассмотрению сформированных в рамках Овидианского возрождения теоретических построений, отражающих интерпретацию любви в контексте западноевропейской культуры рубежа XII–XIII вв. Выявляются специфические характеристики дефиниции любви в контексте трактатов этого периода.

Ключевые слова: истоки любви; атрибуты любви; любовная иерархия; любовь и брак; любовь и знание; любовь и моральные совершенства; самосознание рыцарства; сословная мораль; феномен вежества.

¹Пушкин А. С. Евгений Онегин // Собр. соч. : в 10 т. Т. 4. М. : Гос. изд-во худ. лит., 1960. С. 14.

Образец цитирования:

Можейко МА. Наука страсти нежной: попытки концептуализации любви в овидианской традиции Средневековья. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2019;4:86–97.

For citation:

Mojeiko MA. The science of tender passion: attempts to conceptualize love in the Ovidian tradition of the Middle Ages. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2019;4:86–97. Russian.

Автор:

Марина Александровна Можейко – доктор философских наук, профессор; заведующий кафедрой философии и методологии гуманитарных наук факультета культурологии и социокультурной деятельности.

Author:

Marina A. Mojeiko, doctor of science (philosophy), full professor; head of the department of philosophy and methodology of humanities, faculty of culturology and sociocultural activities.
marina-mojeiko@yandex.by

THE SCIENCE OF TENDER PASSION: ATTEMPTS TO CONCEPTUALIZE LOVE IN THE OVIDIAN TRADITION OF THE MIDDLE AGES

M. A. MOJEIKO^a

^a*Belarusian State University of Culture and Arts, 17 Rabkaraŭskaja Street, Minsk 220007, Belarus*

Devoted to the consideration of the theoretical constructions formed in the framework of the Ovidian Renaissance, reflecting the interpretation of love in the context of Western European culture at the turn of the 12th–13th centuries. The specific characteristics of the definition of love are revealed in the context of the treatises of this period.

Keywords: origins of love; attributes of love; love hierarchy; love and marriage; love and knowledge; love and moral perfection; self-awareness of chivalry; estate morality; the phenomenon of courtesy.

Воздействие овидианской традиции на понимание любви в средневековой культуре с точки зрения его значимых результатов можно рассматривать в двух плоскостях, а именно: в текстах эротической лирики, в которых явственно звучат мотивы не только хорошо освоенной, но и глубоко прочувствованной поэзии Овидия (плоскость литературно-художественная) и в текстах ученых трактатов (плоскость рационального теоретизирования, впитавшего в себя приемы средневековой схоластики и риторики).

В этом контексте ярким феноменом и своего рода итогом Овидианского возрождения являются посвященные любви латинские трактаты конца XII – начала XIII в.: прежде всего трактат «О любви» (или «О любви в трех книгах») Андрея Капеллана² (между 1184 и 1186 гг.) и письмовник «Колесо Венерино» Бонкомпаньо да Синья (первая треть XIII в.)³.

Эти работы укладываются в общую традицию подражаний Овидию. В данном ряду уместно назвать комментарии к его «Метаморфозам» (Александр Неккам, Арнульф Орлеанский), аллегорические поэмы (например, «Покров Овидия» Иоанна де Гарландии Английского), многочисленные реплики и реминисценции. Цитаты Овидия щедро рассыпаны по текстам и Андрея Капеллана, и Бонкомпаньо да Синья.

Но, несмотря на овидианский импульс, лежащий в основе самой затеи, результат от Овидия все-таки далек. Разумеется, рассуждения о любви и Андрея Капеллана, и Бонкомпаньо да Синья не могли не испытать сильнейшего воздействия общего культурного фона конца XII – начала XIII в. – времени перехода от ранней схоластики к зрелой

ее форме, раскрывшей глубокий потенциал схоластической учености, ее системную отстроенность и терминологическую четкость [1, с. 1041–1044]. Потому естественно, что при столь далеком от богословской проблематики содержании трактаты о любви пишутся по всем канонам схоластики. М. Л. Гаспаров называет трактат Андрея Капеллана «систематичнейшим переложением на средневековые нравы систематичнейшего из сочинений Овидия», и если «для Овидия прелесть любви в ее стихийности и непредусмотренности», то «для Андрея – в стройной схематичности и догматичности» [2, с. 571–572]⁴.

В содержательно-теоретическом отношении тексты и Андрея Капеллана, и Бонкомпаньо да Синья – компендиумы, т. е. краткие изложения не столько целостной и завершенной теории любви, сколько ее основоположений: по текстам рассыпаны такие оговорки, как «надлежит нам вкратце изложить», «изложу с посылною краткостью» [3, с. 387], «перечисливши вкратце способы», «быстрым бегом завершу с пользой начатый путь» [4, с. 402] и т. п. Оговорены даже основания этой краткости: уж слишком сложный и многогранный предмет обсуждается, и потому, говорит Бонкомпаньо да Синья, если бы решил он исчерпать сей предмет, «то раньше бы иссякла... жизнь, чем речь» [4, с. 402].

Трактат Андрея Капеллана и содержательно, и композиционно практически конгруэнтно воспроизводит теоретизацию любви Овидием: первые две его части содержательно опираются на «Науку любви» («Ars amandi») и «Правила любви» («Praecepta Amoris»), третья – на «Лекарство от любви» («Remedia amoris»), т. е. сначала Андрей Капеллан

² Действительно капеллана, придворного священника французского короля (доподлинно не известно, то ли Людовика VII, то ли Филиппа Августа). Это примечательно: священник пишет трактат о любви, причем дихотомия *любви земной* и *любви небесной* вообще не фигурирует в данном тексте, – о земной, именно о земной, разумеется, понимаемой соответственно историческому контексту...

³ «Книга о Любящем и Возлюбленном» (1276), принадлежащая перу Рамона Льюля – доктора озареннейшего (*doctor illuminatissimus*), блистательного теолога и поэта из Пальма-де-Майорки – относится к мистической традиции, хотя несколько выходит за ее привычные рамки, рассматривая необычные для мистики ситуации, что само по себе тоже значимо.

⁴ И все же едва ли можно согласиться с М. Л. Гаспаровым в том, что содержание трактата Андрея Капеллана разворачивается только в русле выявления аллегорического христианского смысла в античных сюжетах. Тем более что трактат Андрея Капеллана был официально подвергнут епископскому осуждению (1277).

повествует о том, как завоевать и сохранить любовь, затем – как ее избежать и – уж если беда приключилась – как от нее избавиться. Любопытно, что аксиологически трактат отнюдь не отличается единством: первые две части – панегирик любви, третья – достаточно жесткая инвектива («...наставить... в том, как должно безущербным блюсти союз любви, а равно и как избыть Венерины стрелы из сердец своих» [3, с. 383]). Всё как у Овидия! Но и всё – другое: трактат принадлежит последней четверти XII в., отмеченного Овидианским возрождением, но не переставшего от этого относиться к Средним векам. По меткому замечанию И. О. Шайтанова, «аргументы и стилистика» Андрея Капеллана «приобретают удивительно средневековый характер» [5, с. 159].

Текст Бонкомпаньо да Синья, безусловно принадлежит своему веку, также проникнут овидианским духом; он даже начинается – в традиции Овидия – с того, что автору является богиня любви: «...предстала внезапно дева в облачении из золота... и во всех своих чертах от природы столь совершенная, что ни в чем красотой своею не казалась недостаточна. <...> ...Изъявила себя богинею Венерою» [4, с. 401].

Итак, что же понимают под любовью авторы посвященных ей ученых трактатов?

Андрей Капеллан практически начинает свой труд с эксплицитной дефиниции: «Любовь есть некоторая врожденная страсть, проистекающая из созерцания и неумеренного помышления о красоте чужого пола, под действием каковой страсти человек превыше всего ищет достичь объятий другого человека и в тех объятиях по обоюдному желанию свершить все, установленное любовью» [3, с. 384].

Уже в этом рабочем определении можно усмотреть ряд любопытных моментов.

Прежде всего любовь трактуется как *страсть врожденная*, т. е. относящаяся к атрибутивным характеристикам человека. Это ново и это важно.

Далее (чтобы уж более к этому не возвращаться) следует оговорить следующее: в приведенном определении четко прописано, что имеются в виду «помышления о красоте чужого пола» [3, с. 384]. Этот момент характерен не только для дефиниции: Андрей Капеллан отдельно обращается к данному вопросу: «Прежде всего о любви надлежит заметить, что дано ей быть лишь между лицами разного пола: меж двумя мужчинами или между двумя женщинами любовь себе места не имеет, ибо думается, что два лица одного пола нимало не приспособлены к любовной взаимности и к естественным любовным действиям; а в чем естеством отказано, того и любовь устыжается» [3, с. 385]. Да не обвиняет меня в нетолерантности: я всего лишь цитирую. Между тем данный пассаж неслучаен; его никак нельзя толковать в качестве продукта неосведом-

ленности, поскольку к этому же периоду относится такой памятник, как «Плач Природы» Алана Лилльского, содержащий конкретные инвективы в адрес юношей, кои «свои Венерины молоты обращают в Венерины наковальни. ...Люди эти, изучая грамматику Венеры, иные на себя принимают только мужеский род, иные – женский, иные же совмещают в себе обоюдный или смешанный род... причем по обоим склонениям неправильно. Другие же из этих людей, споря о венериной логике, в выводах своих взаиморасположение подлежащего и сказуемого определяют единственно своим усмотрением; иные, заняв место подлежащего, вместо сказуемого познают одно несказуемое...» и т. д. [6, с. 341]. Так что позиция Андрея Капеллана вполне осознанная.

Чрезвычайно важным моментом в приведенном определении является также мысль о том, что побуждением к любви, дающим ей начало, т. е. непосредственным импульсом возникновения любви, выступает созерцание красоты. Как пишет Андрей Капеллан, «страсть сия... происходит от зренья и помышления», ибо «не из какого она не рождается действия, но единственно из помышления... когда некий видит некую, а она пригожа для любви и видом по душе ему, то он тотчас возымет к ней вожделение в сердце своем и затем сколь много помышляет о ней, столь сильнее возгорается любовью, доколе весь не поглотится в том помышлении» [3, с. 384].

Мысль эта выглядит как восходящая к Платону, что достаточно неожиданно для Средневековья, которому был известен лишь один платоновский диалог – «Тимей», как раз не содержащий изложения платоновской теории любви и красоты. Эта мысль Андрея Капеллана не почерпнута им из неизвестного ему платоновского наследия, но косвенно впитана через неявный культурный контекст. Концептуальные построения Платона не сохранились в виде философских текстов, но его идеи как таковые не были изглажены из культуры бесследно. Свидетельством наличия их далеких отголосков может служить, например, надпись на фасаде церкви в Сен-Дени, сделанная по указанию аббата Сугерия в XII в.: «Чувственной красотой душа возвышается к истинной красоте и от земли возносится к небесам» [7, с. 12]. Очевидно, что подобные трансмутации культуры есть не что иное, как далекое эхо раннехристианской (доавгустинской) интерпретации неоплатонизма, несущее в своей семантике основу классического гештальта платоновской лестницы любви и красоты.

В целом же, по мнению Андрея Капеллана, «к достижению любви пять есть способов, сиречь красота облика, доброта нрава, обильное красноречие, богатый достаток и скорая готовность ко всему повелеваемому» [3, с. 386].

Узрение красоты, как видим, стоит в начале списка. Вместе с тем не все так просто: «Красота облика снискивает любовь без всякого труда, особенно ежели взыскуется любовь непросвещенная» [3, с. 386], однако следует учитывать и просвещенность избранницы. Сильный тезис, если не забывать, что речь идет о рубеже XII–XIII вв.! Согласно утверждению Андрея Капеллана, только «непросвещенная любовница⁵ простого звания полагает, что в любовнике ничего не надобно, кроме лишь пригожего вида и лица и ухоженного тела», в то время как «разумная женщина изыскивает себе такого любовника, который достохвален доблестью нрава, а не такого, который женственно умащается или украшает тело уборами» [3, с. 386].

Относительно трактовки доброго нрава Андрей Капеллан испытывает определенные затруднения.

С одной стороны, «добронравие одно достойно быть увенчано от любви» [3, с. 387]. И в свете этого «ничто как единственно доблесть нрава облагодетельствует мужей знатностью и осиявает красотой» [3, с. 387]. Правда, нельзя не заметить, что встречный вектор не прописан: Андрей Капеллан ни слова не говорит о том, что и мужчина должен искать себе женщину благонравную – достаточно милостивой! Лишь вскользь оговаривается: «...как о мужском поле мы изъяснились, так и о женском полагаем, что не столько красоты подобает в нем искать, сколько добронравия» [3, с. 387]. В том-то и беда, что не сильно-то и изъяснились...

С другой стороны, для того, чтобы высказанная максима стала алгоритмом реального выбора, субъект любви должен иметь определенную теоретическую подготовку (звучит странно, но едва ли можно назвать это как-то иначе): «...не отвергнет ученый любовник или ученая любовница того, кто видом некрасив, но обилует добрыми нравами» [3, с. 387]. Новый поворот, прямо-таки сдвиг: ведь изначально-то заявлялся мотив сугубо сенсорный: *...вперяясь взором в члены ее...* (см. [3, с. 384]).

Но выход из противоречия обозначен: тут-то красноречие как раз и поможет в создании правильной установки. По наблюдениям Андрея Капеллана, «красноречие не единожды склоняло любящие сердца к любви: украшенная любовная речь заостряет любовные стрелы и вселяет веру в добронравие говорящего» [3, с. 387] (вполне возможно, что и иллюзорное, но это уж как повезет). Собственно, такой поворот в трактате не удивителен: еще в Древней Греции Пейто почиталась как богиня любовных уговоров.

Что же касается богатства и всепокорности, то, согласно высоконравственной позиции Андрея Ка-

пеллана, эти последние «всецело быть должны отвержены от престола любви» [3, с. 386].

И, наконец, небезынтересным моментом капеллановской дефиниции любви является то, что она содержит круг в определении: *любовь* в итоге определяется через *все, установленное любовью*. Откуда же у изощренного в риторике схоласта такая простая и очевидная логическая ошибка, как *idem per idem*? Это не случайно, и, должно быть, Андрей Капеллан все видел, все понимал, но иначе не мог: не на что опереться, нет еще устоявшегося и адаптированного к культурному контексту категориального аппарата, нет сложившегося инструментария для философских размышлений о любви, – понятийные средства еще только оформляются, и помыслить любовь во всех ее аспектах уже можно, а назвать их прямо как-то затруднительно. Что это там свершается в «объятиях по обоюдному желанию»? Как назвать «установленное любовью», дабы не оскорбить слух галантных дам и кавалеров? Есть, конечно, физиологически точная терминология, пришедшая из народных новелл, фавлю и шванков, но она груба... Нужно что-то иное, и оно формируется (вот прямо в этих трактатах и предпринимаются первые усилия на этом пути), а пока – умолчание и иносказание (собственно, читатель и сам вполне успешно догадается: чай, не маленький).

Потому фигура стеснительного умолчания оказывается очень распространенной и у Андрея Капеллана («...свершить все, что любовью заповедано» [3, с. 385] и др.), и у Бонкомпаньо («...не быть сочленениям на сирпии, и пребыть цветку мирики невредимому» [4, с. 403–404]).

А стесняться есть чего: понимание любви в анализируемых трактатах отнюдь не бестелесно: например, у Андрея Капеллана описываемый им влюбленный, увидев возлюбленную, начинает «помышлять о женских ее статях, и вперятся в члены ее тела, и воображать ее движения, и проникать в ее телесные тайности, и желать каждого ее члена по предназначению его» [3, с. 384].

И вместе с тем не все так просто. Телесность оправдана Андреем Капелланом, но оправдана как таковая: трактовка любви не сводится к этой легитимации. В любви важно и многое другое, причем это другое уже не сводится к осмыслению прежних оппозиций: дихотомия *тело – душа* фактически уходит из фокуса внимания, а дихотомия *любовь-брак – любовь-адультер*, хоть и по-прежнему важна, но трактуется уже не столь однозначно.

Некоторые исследователи полагают, что рассуждения Андрея Капеллана касаются только любви-

⁵Здесь необходимо сделать важное разъяснение. Термины *любовник (любовница)* в контексте рассматриваемых концептуализаций (как и в культуре XII в. в целом) имеет иной смысл, нежели в более поздних традициях. Это понятие не означает статуса действующего героя адультера, но относится к любому влюбленному на любой стадии развития любовных отношений, включая и *соискателя любви*, которому отказывают во взаимности.

адюльтера («Разумеется, эта любовь, прославляемая Андреем, – только внебрачная» [2, с. 572]). Однако этому противоречит оценочное суждение Андрея Капеллана о том, что «не пристало любить тех, с кем зазорно домогаться брака» [3, с. 400]. Можно, казалось бы, законного супружества и не домогаться, а просто грешить себе на радость, но: «Сама любовь связует нас заветом не искать любви от женщины, с которой нам запретно законное супружество» [3, с. 388]. В целом, однако, вопрос не закрыт: *домогаться* и *домогаться брака* – это явно не одно и то же, а *домогаться брака* – это еще не брак...

Фактором легитимации любви и для Андрея Капеллана, и для Бонкомпаньо да Синья выступает не отношение к супружеству (отсутствующее или наличествующее), но такой вполне предсказуемый фактор, как сословное соответствие. При оценке места в любовной иерархии в центре внимания оказывается позиция в иерархии сословной: так, например, по оценке Андрея Капеллана, «женщина бывает или простая, или знатная, или знатнейшая; равно и мужчина или простой, или знатный, или знатнейший, или первознатнейший» [3, с. 387].

Однако применительно к дифференциации мужчин мы сталкиваемся с одной неожиданностью: Андрей Капеллан полагает, что «в мужском поле обретаем мы одним сословием более, чем в женском, ибо есть еще мужчины первознатнейшие, и они суть клирики» [3, с. 387]. Что же касается Бонкомпаньо да Синья, то он сразу начинает свою типологию субъектов любви с разделения их на мирян и клириков: «Любящие же бывают двоякого рода, сиречь мирянин и клирик... а среди клириков иной прелат, иной низшего сана» [4, с. 402].

Андрей Капеллан посвящает «любви клириков» особый раздел своего трактата, задача которого формулируется следующим образом: «Надлежит нам вкратце изложить и о их любви, равно как и о том, отколе в том четвертом сословии великая его знатность» [3, с. 387]. Поначалу все вроде бы канонично: «Оттого почитается клир первознатнейшим, что сословие сие располагает преимуществом священства, какова знатность заведомо исходит от лона Божия и даруется клирикам Божественною волею» [3, с. 387]. И «стало быть, знатность клирику не истоком крови его доставляется... но единственно благодатью низволяется и в дар от него даруется» [3, с. 388]. Все это прекрасно, но какое отношение имеет оно к любовной теме? Оказывается, имеет: клирик фактически уже состоит в служении, а потому, служа Богу, не может служить даме, т. е. не в аскезе дело, но в уже наличном вассалитете! «...По таковой знатности своей клирик обращать свой взор к любви не может, ибо по таковой знатности своей не подобает клирику пребывать в служении любовном, а повинен он всякое плотское

наслаждение отринуть и от всякого телесного осквернения охранять свою незапятнанность перед Господом, во имя которого ругает» [3, с. 388]. Потому «всякому любовному деянию клирик да будет чужд... дабы не лишиться ему по заслугам той особливой его и от Господа ему дарованной знатности» [3, с. 388].

Опять же, все вроде бы хорошо и понятно, если бы далее не следовал альтернативный пассаж: «Но как едва ли кому надо прожить без плотского греха и как клирики житьем их продолжительным во праздности и в изобильной пище предо всеми прочими людьми естественно предрасположены к искушению телесному, то если какой клирик возжелает подвергнуться под испытания любовные, то да будет он в речах таков, как то сословие и состояние, которому принадлежал он по истоку крови своей...» [3, с. 388], – т. е. должен квалифицироваться по исходному своему (до пострига) сословию. В итоге клирик отнюдь не исключается из любовной сферы: «...так да принадлежит и он к любовному воинству» [3, с. 388]. Вот так вот, ни много ни мало: «естественно предрасположены», и это все и всех оправдывает. Главное – действовать далее в соответствии со своим местом в сословной иерархии. Право, свежо для XII в.

М. Л. Гаспаров отмечает, что «несовпадение... светской морали рыцарства с христианской моралью клира не тревожит Андрея: он, не смущаясь, пишет, что в иерархии любовной знатности клирик выше всякого рыцаря, но как раз в силу этой знатности любовь ему не дозволена, однако ежели недозволенность эту ему случается порой переступать, то действовать клирик должен так-то и так-то» [2, с. 572]. Нельзя не признать, что в данном моменте ярко проявляется реалистичность и практическая направленность трактата Андрея Капеллана.

Не обижены вниманием и монахини, чьей любви Андрей Капеллан также посвящает целый раздел. А уж они-то, по его мнению, только и помышляют... Потому Андрей Капеллан пытается всемерно уберечь читателя от их сетей: «Остерегись же... с монахинями изыскивать уединения или желать случая к собеседованию, ибо если только предположит она место удобным для сладострастной игры, то не замедлит уступить тебе во всем, чего желаешь, и огненные раскроет тебе утечи, и невмочь тебе явится избежать тогда труда Венерина...» [3, с. 389]. Любопытно, что Андрей Капеллан именно в контексте предостережения от любви монахинь ссылается на свой собственный пагубный опыт: «...хоть и бывши весьма искушен в науке любви и отменно учен в лекарствах от любви, все же едва успел я избежать... губительных пут и уйти нетронут плотской скверною» [3, с. 389]. Так что опасность чрезвычайная: «Ибо если даже я, изощренный умом и сильный изучением любви, принужден был восколебаться... то как

ей сможет противостоять... неопытная молодость» [3, с. 389]. Именно поэтому «утехи их должны быть убегаемы поистине как погуба душевная» [3, с. 388].

Главным образом поэтому и нельзя: нельзя не потому, что кощунственно посягать на невесту Христову, но лишь в силу перспективы кары за грех («...ибо велик за то гнев Отца нашего небесного» [3, с. 388]) и жесткости социальной реакции («...ибо и людские законы властно восстают на то, грозя тягчайшими карами, ибо и в народе за то отягощается смертное бесчестие доброму имени» [3, с. 388]). А главный критерий невозможности любви с монахиней уже обусловлен ранее сформулированным правилом, запрещающим домогаться любви к тем, с кем невозможно домогаться брака [3, с. 400]. И потому «если же кто и вознебрежет собою и законом Божеским и человеческим, о монашеской взыскуя любви, то от всех он подлежит презрению и да убегают его все как ненавистного животного» [3, с. 388].

Итак, дифференциация субъектов любви осуществляется по сословному критерию, и главным требованием к *правильной* любви выступает требование сословного соответствия: перечисленные варианты субъектов любви «не подлежат разделению», иначе «повредятся этим законы любви» [4, с. 402] (хотя бы вопрос о любви клирика и монахини не обсуждается, и на том спасибо).

Вместе с тем нельзя не отметить, что в этой сословной системе обращает на себя внимание один существенный (и неожиданный) момент: среди таковых субъектов Андреем Капелланом называются «знатный», «знатнейший» и «первознатнейший», однако же и «простой» [3, с. 387]. Трудно судить, что имел в виду автор под последним, – возможно, горожанина, самим своим появлением потребовавшего введения новой рубрики в систематизации, возможно, даже шире, включая сюда и крестьян. Во всяком случае, в первой книге своего трактата Андрей Капеллан моделирует любовные диалоги не только между «знатным рыцарем» и «знатной дамой», с одной стороны, и между «простолюдином» и «простолюдинкой» – с другой, но также и между «знатным рыцарем» и «простолюдинкой». Правило есть правило, а жизнь есть жизнь: всякое может случиться... Что же касается Бонкомпаньо да Синья, то он вообще максимально расширяет круг рассматриваемых субъектов любви, включая в него представителей далеко не только высшего сословия: «...среди мирян иной рыцарь, иной пеший, а среди рыцарей иной король, иной герцог, иной князь, иной барон или же ленник ленника; а среди пеших иной гражданин, иной мещанин, иной торговец, иной землепашец, иной свободный, иной раб»

[4, с. 402]. Вот так, вплоть до крепостного – «раба». Прямо скажем, *любви все сословия покорны...*

Как видим, пространство возможных любовных отношений строится хоть и в соответствии с принятой сословной иерархией, но отражает далеко не только верхушку последней. Это важный сдвиг: забегая вперед⁶, скажем, что у трубадуров оформляется целый жанр *пастореллы*, воспевающий любовь к юной крестьянке – любовь своеобразную и не бесспорную, но все же допускаемую в куртуазной системе отсчета, хотя общая парадигма поэзии трубадуров так же жестко блюдет канон сословного соответствия, например: «Претит – и даже мысль мерзка! – / Ждать ночью мойщицу горшка; / И, видя в лапах мужика / Красотку, к ней исподтишка / Взывать и тщетно ждать кивка» [8, с. 124].

Нельзя не отметить также, что в названных трактатах предлагаются не только сословные варианты типологии влюбленных. Так, Бонкомпаньо да Синья предлагает иной критерий для дифференциации влюбленных субъектов, а именно хронологический: «...подлежат различению разного времени любовь и разного рода любящие» [4, с. 402]. В рамках такого подхода выделяются следующие рубрики: «...иные начинают любить тех, с кем еще ни единожды в разговор не вступали; иные ищут любви после собеседования и малого знакомства; иные же домогаются любви даже от тех, кого не видели никогда» [4, с. 402] (постоянно встречающийся сюжет о том, как *слух о красоте и благонравии ее достиг его ушей...* – и все, готово: сюжет завязался, далее – по накатанному).

Это уже критерий, лежащий вне сословной дифференциации, что принципиально ново. Более того, согласно утверждению Бонкомпаньо, «какого бы положения или состояния ни был муж» (т. е. к какой из перечисленных рубрик он бы ни принадлежал), его поведение в любви может быть отнесено к одному из перечисленных ниже вариантов поведения: «...он или взыскует любви, или любит ту, которую не знает, или любит ту, которую имел, но в любви между ними случилась перемена, или же любит ту, которую никогда не видел» [4, с. 402] (опять же, поскольку *краса ее и благочестие были на слуху*). Как видим, здесь проявляет себя также внесословный подход, прослеживающий общие закономерности поведения влюбленного сквозным по отношению к сословной иерархии образом. Тоже ново и в перспективе многообещающе.

И все же социальная группа, на которой сосредоточено внимание и Андрея Капеллана, и Бонкомпаньо да Синья, – это, разумеется, рыцарство.

Именно в феномене рыцарства результируется процесс самоидентификации феодального сосло-

⁶ Не в смысле исторической хронологии (речь идет о фактически параллельно оформляющихся векторах развития средневековой культуры), но в смысле очередности статей.

вия и рефлексии над аксиологическими основаниями его самосознания. И именно это является причиной того отмечаемого литературоведами обстоятельства, что «любовь, прославляемая Андреем, – только внебрачная... тогда как любовь супружеская или любовь чувственная для Андрея и его читателей безразличны, ибо они бессословны и надсословны» [2, с. 572]. Это не только *вне*, но и *далеко от* дихотомии *любовь-брак* и *любовь-адультер* в привычном ее понимании.

Как известно, рыцарство как феномен претерпевает в истории средневековой Европы значительную эволюцию, соответственно чему неоднократно меняется и базовая система сословных ценностей, воплощенная в кодексе чести рыцаря, акцент в котором переносился с готовности умереть за церковь (в VIII в. именно церковь посвящала в рыцари молодых воинов [9, с. 89; 10, с. 764–765]) на воинские доблести [11, с. 7–160], а затем – на галантные изыски (см. подробнее [12, с. 131–139]).

Рамон Льюль в «Книге о рыцарском ордене» (1275), первом теоретическом сочинении, посвященном рыцарству, прямо говорит о том, что рыцари наделены не только «превосходящим простолюдинов положением», но и соответствующим этому положению «достоинством» [13, с. 71]. И в силу этого, «если благодаря душевному благородству рыцарь превосходит людей, которые отдали себя под его покровительство, то ему должны быть свойственны *благородные нравы и учтивые манеры*, ибо душевное благородство присуще высокому достоинству рыцарства лишь благодаря вполне определенным добродетелям, нравам и обычаям. Если же это так, то рыцарю непременно должны быть свойственны *добрые нравы и учтивые манеры*» (выделено мною. – М. М.) [13, с. 118]. А потому, если «кто вознамерился стать рыцарем, должен задуматься и поразмыслить над высоким предназначением рыцарства; желательно, чтобы душевное благородство и надлежащее воспитание были в согласии с предназначением рыцарства» [13, с. 78]⁷, ибо в случае совершения низких поступков даже сеньор «недостойн... был бы принадлежать к отмеченным благородством рыцарям» [13, с. 79].

Именно эта трансформация рыцарского кодекса чести и характеризует анализируемый период, о котором можно говорить как о *третьей волне* формирования воплощенного в феномене рыцарства феодального самосознания: рыцарство становится сословием не просто светским, но претендующим на воплощение светских доблестей и сословного

феодалного благородства: к XII в. титул рыцаря становится *почетным отличием*, обязательным даже для королей (см. [14, с. 211–240; 15, с. 10–177]).

Доминирующим оказывается новый акцент, а именно любовь, понятая как галантное служение даме. По оценке исследователей, в XII–XIII вв. «окончательно утвердился, а, как показала история, впоследствии и возобладали... придворный рыцарский эпос со столь привлекательным жизненным идеалом, объединяющим возвышенные чувства и утонченные фантазии, а главное включающим культ Прекрасной Дамы» [16, с. 244].

Это предполагает совершенно иной результат рефлексии над сословным самосознанием и оформление принципиально нового имиджа рыцаря (например, важнейшее место в рыцарском кодексе чести занимает умение слагать стихи даме сердца) – сословное самосознание конституируется как галантное.

В этом плане любовь осмысливается как фактор и одновременно как критерий сословного благородства, а потому становится фактически нормативной⁸: рыцарь не может быть не влюблен, иначе он и не рыцарь.

Правда, нельзя не указать и на подмеченный Й. Хейзингой следующий важный момент: культ рыцарского благородства являл собой скорее феномен должного, нежели сущего, и тем самым фактически служил идейным противовесом царившей жесткости нравов: «...фикция рыцарственности нужна была в качестве корректива того непостижимого, что несла в себе их эпоха» [17, с. 74]. Потому хронисты неизменно «с первых же строк торжественно объявляют, что пишут не иначе как во славу рыцарских добродетелей и героических подвигов» [17, с. 74].

Итак, рыцарский идеал выступает не просто как базовый, но фактически как единственный критерий благородства в сообществе феодальной элиты. Верно также и обратное: этот идеал являет собою своего рода инструмент построения последнего. Так, по оценке М. Л. Гаспарова, он может быть рассмотрен как «важнейшее средство организации рыцарского общества и достижения признанных в нем ценностей: любовное служение раскрывает рыцарские доблести, побуждает людей на славные подвиги и т. д.» [2 с. 572]. Й. Хейзинга оценивает ситуацию в том же ключе: «...историография прибегала к вымыслу вроде рыцарских идеалов; тем самым она сводила все к прекрасной картине княжеской чести и рыцарской добродетели, к декоруму игры,

⁷Это, разумеется, не отменяет того обстоятельства, что «рыцарь должен ездить верхом, участвовать в турнирах, биться на копьях, носить доспехи, всегда быть готовым к поединкам, пировать с равными себе, владеть мечом, охотиться на оленей, медведей, кабанов, львов, а также уметь многое другое в том же роде», и это все прямо-таки «входит в обязанности рыцарей» [13, с. 86].

⁸В этом литературоведы видят принципиальное отличие понимания любви теоретиками Овидианского возрождения и самим Овидием, для которого, напротив, «любовный быт был убежищем от давящего распорядка общества с его официально признанными ценностями» [2, с. 572].

руководствовавшейся благородными правилами, – так создавала она иллюзию порядка» [17, с. 74]⁹.

Таким образом, в проекции рубежа XII–XIII вв. любовь в ее сущностном предназначении оказывается основой формирования среды светской жизни, ею же облагороженной, т. е. рыцарского сообщества, которое если еще и не совсем могло, то очень хотело видеть себя изысканным и галантным, своего рода воплощением и эталоном благородства. По оценке Й. Хейзинги, «образ благородного рыцаря, страдающего ради своей возлюбленной, – прежде всего чисто мужское представление, то, каким мужчина хочет сам себя видеть» [17, с. 84].

Что ж, пусть и представление, пусть лишь образ желаемого – это тоже важный шаг вперед: все лучше, чем идеал жестокого воина, не знающего пощады. Тем более что реальность предлагала альтернативы... (см. [12]). И пусть в этой реальности рыцарство, по оценке Й. Хейзинги, «то и дело обнаруживает несостоятельность, неспособность отойти от своих греховных истоков» [17, с. 75], все же рыцарский кодекс – это отнюдь не только красивая сказка о благородстве, но и попытка придать ему статус сущего, первый шаг к его реальному достижению: рыцарская идея являет собою «эстетический идеал, сотканный из возвышенных чувств и пестрых фантазий. Но рыцарская идея стремится быть и этическим идеалом: средневековое мышление способно отвести почетное место только такому жизненному идеалу, который наделен благочестием и добродетелью» [17, с. 75].

Именно таким рыцарство хотело бы себя видеть – влюбленным и благородным (именно в этой последовательности!)...

Отсюда проистекает и своего рода двумерность (двуплановость бытия) культуры Овидианского возрождения: с одной стороны – реальный мир реальной жизни на его достигнутом уровне, с другой – пока еще не совпадающий с ним, но желанный мир утонченности и галантного благородства. Так, например, говоря о двойственном отношении к женщине Андрея Капеллана, М. Л. Гаспаров пишет: «...с точки зрения земной и рыцарской, женщина заслуживает всяческого почтения, а с точки зрения высшей и надсословной она заслуживает всяческого презрения, и эти два идеологические пласта лежат в сознании Андрея рядом, не смешиваясь» [2, с. 572]. Однако подобный подход наблюдается не только в данном частном случае, – он является универсальным и может быть экстраполирован на всю структуру представлений о любви той эпохи, предполагающих особый этикет, действующий в сфере

любовных отношений. Вот, собственно, слово сказано: этикет всегда не совпадает с содержательной моралью (извечный вопрос этики: а не является ли вежливость своего рода фальшивью?)...

Фактически речь идет о выработке правил сословного благородства, и именно способность следовать формулируемым канонам любовных ритуалов служит его мериллом. Эти каноны слегка умозрительны и совсем не слегка схоластичны, как и следовало ожидать от теоретизирования рубежа XII–XIII вв., но они касаются самого индивидуального из чувств (хоть его и пытаются подогнать под общий ранжир, но тем не менее, – лиха беда начало!)...

Наряду с этим Андрей Капеллан и Бонкомпаньо не только рассуждают о том, что можно было бы назвать ноуменальной сущностью любви, но также выстраивают и ее своего рода феноменологию, и это вполне ожидаемо: для построения теории нужно сформировать эмпирический базис, выявить характерные свойства любви, наблюдаемые в опыте, которые можно было бы обобщить, систематизировать, классифицировать и далее – по известной дорожке.

Среди свойств любви, фиксируемых названными авторами в рамках этой процедуры, можно выделить две группы. С одной стороны, это свойства очевидные (подчас непосредственно визуально наблюдаемые) и относящиеся скорее к проявлениям состояния *любownika*¹⁰, нежели любви как таковой. В ряду таких свойств отмечаются подобные следующим: «Всякий любовник перед взором, солюбовным ему, бледнеет» [3, с. 400]; «Кто терзается любовным помыслом, тот мало спит и мало ест» [3, с. 401]; «Малая догадка в любовнике о солюбовнике уже дурные вызывает подозрения» [3, с. 401] и др.

С другой стороны, Андрей Капеллан и Бонкомпаньо отмечают и сущностные, атрибутивные свойства самой любви (как они ее понимают), и здесь мы сталкиваемся с продуктом умозрения – абстрактными постулатами, обобщающими формулировками и интегральными генерализациями. Их достаточно много.

Так, одним из любопытных параметров любви, зафиксированных Андреем Капелланом, выступает своего рода векторный (не скалярный!) ее характер, на чем он настаивает неоднократно: «Любовь всегда либо прибывает, либо убывает» [3, с. 385], «Любовь, как то всем ведомо, всегда либо прибывает, либо убывает» [3, с. 400] и т. п.

Кроме того, овидианские трактаты связывают любовь со страданием и страхом: «...любовь есть страсть, сиречь страдание» [3, с. 384]. Прежде всего

⁹Причем Й. Хейзинга усматривает в этом привычный прием, к которому обыкновенно прибегала историография, «не будучи в состоянии разглядеть... реальное общественное развитие», – прием, который применялся уже античными историками (в частности, Фукидидом) и который заключается в том, что «история сводится к сухим сообщениям о прекрасных или кажущихся таковыми воинских подвигах и торжественных событиях государственной важности» [17, с. 74].

¹⁰Мы ведь помним широкую трактовку этого понятия в культуре Овидианского возрождения XII в.!

страдание доставляется отсутствием взаимности в любви: «...страдание есть любовь, лишь одним из любящих являемая и достойная зваться любовью одиночественной. <...> ...Покамест не уравновесится любовью обоих любящих, нет мучения сильнее, чем вечная любовникова тревога не достичь желаемой любви и вотще потерять плоды трудов своих» [3, с. 384]. Это само собой, но добро бы только это... Любовник страшится и «людского толка», и своего возможного «дурнообразия», и бедности, и вообще «всего, что может повредить, ибо дела недовершенные пред малейшим замешательством устоять бессильны», – вот уж «поистине никому не в мочь пересказать все страхи любовника» [3, с. 384]. Более того, и успех может быть опасным, а потому и к нему нужно быть готовым (теоретически подкованным): «Наученному в науке любви безопасней... станет любовный успех» [3, с. 383]. Так что в целом «всякого пола и положения люди едиными узами взаимно связуются, словно бы в колесе вращательно движутся и многий во всякое время страх претерпевают, зане совершенная любовь рождает повсечастный страх» [4, с. 402].

Итак, любовь не только определена, но и сформулированы ее сущностные характеристики, – влюбленный теперь знает, на какую территорию попал. Теперь же – важное для него прояснение перспектив: «Каково есть действие любви» [3, с. 385], – т. е. чего же, собственно, ждать?

Тут у Андрея Капеллана начинается пламенный панегирик любви, потому что именно на ее почве в сердце рыцаря возрастают всевозможные добродетели: «О, сколь дива достойна любовь, осиявающая мужей столькими добродетелями, научающая всякого изобиловать благими нравами!» [3, с. 385–386]. Преобразующий и совершенствующий потенциал любовного воздействия воистину безграничен: она наделяет и благородством («...любовь даже... низкородного одаряет благородством нрава, даже надменного благодетельствует смирением, и всякое служение вершится любовником с великим благочином» [3, с. 385]), и щедростью («Действие любви состоит в том, что истинный любовник ржавчине скарденности не подвержен» [3, с. 385]), и верностью («Любовь украшает человека добродетельным целомудрием... ибо кто блещет светом единой любви, тот едва ли может помышлять об объятиях иной красавицы» [3, с. 386]), – всех благ и не перечить. Любовь исправляет даже то, что, казалось бы, исправлению не поддается: «...любовь даже человека грубого и невежественного заставляет блистать красотой» [3, с. 385].

Здесь мы сталкиваемся с интересным сопряжением красоты и знания. Красота понимается в данном контексте как красота поведения, т. е. соблю-

дение кодекса любовных правил. Удивительно, как по-платоновски трактуется здесь у Андрея Капеллана красота: именно как соответствие единичного прецедента идеальному абсолюту (в данном случае единичного поступка – эталонным образцам). Так что невежество в данном случае означает не просто недостаток образования, но именно незнание правил любовного обхождения, «каковые свойственны обращению между *ведающими* любовь» (выделено мною. – М. М.) [4, с. 401].

В этом контексте оформляется понятие *вежества* – полного знания правил любовного кодекса и безукоризненного соответствия им¹¹. Бонкомпаньо да Синья, описывая явление ему Венеры, говорит о том, что пришла она «от пределов земных» именно «для усмотрения вежества» [4, с. 401]. Именно любовь «служит сословным выражением куртуазного “вежества”» у Андрея Капеллана [2, с. 572]. В практическом плане вежество предполагает особого рода этикет поведения в любовной сфере. Именно правила вежества, фактически сформировавшиеся в контексте Овидианского возрождения в сфере любовных отношений, и эксплицируются Андреем Капелланом и Бонкомпаньо да Синья.

Таким образом, только в любви рыцарь может усовершенствоваться и возрасти морально до той степени, чтобы явить себя как «муж доблестный и душевным вежеством сияющий» [3, с. 391].

Однако происходит это не само собой (такая трактовка облагораживающего влияния любви тоже представлена в средневековой культуре, однако об этом – чуть позже), но именно усилиями дамы. Любовь как таковая онтологически не делает рыцаря лучше, равно как и взаимность дамы сама по себе, но ее поцелуи и объятия служат рыцарю стимулом следовать ее благим наставлениям. Андрей Капеллан приводит пример типичной истории: «Был некий рыцарь, ни единой мужескою доблестью не отмеченный и оттого всеми дамами отвергаемый в любви; но вот стал он у некоторой госпожи домогаться любви с такой назойливостью, что она ущедрила его обещаниями любви своей. И так эта госпожа подобающими наставлениями утвердила его во благонравии, одаряя его даже лобзаниями и объятиями, что через нее означенный любовник достигнул высочайших вершин добронравия и стяжал хвалу за всяческую доблесть» [3, с. 392]. То есть она тем самым как бы педагог в этом воспитательном процессе, а ее ласки – своего рода поощрения для воспитуемого. Таким образом, именно дама является субъектом моральных преобразований рыцаря: «...никто как она усердием трудов своих возвела его из негожества к высочайшей выси доблести и вежества» [3, с. 393].

¹¹Ср. однокоренные *невежда* и *невежа* в русском языке.

И поскольку дама выступает автором благих преобразований рыцаря, то она обретает и существенные права в отношении его дальнейшей судьбы (своего рода *авторские права*). Так, Андрей Капеллан приводит сюжет о юноше, который изменил своей благодетельнице: «Утвердившись крепчайшим образом добронравия и украсившись всеми достоинствами вежества, был он настоятельно приглашен к любви некоторой другою дамою, всецело предался в покорность ее воле, а щедроты прежней госпожи своей оставил в забвении» [3, с. 393]. В отношении этой ситуации суд Андрея Капеллана однозначен: «Бесспорно, всеми будет одобрено, если прежняя любовница своего любовника истребует из объятий всякой иной женщины, ибо... по справедливости имеет дама право на мужчину, которого умом своим и усердием в трудах из бездоблестного сделала она доблестным и отменным в добронравии» [3, с. 393].

Процесс указанного совершенствования, надо заметить, не всегда гарантированно успешен. Андрей Капеллан разбирает ситуацию, когда взаимности дамы добивались двое – «юноша, никакими достоинствами не отмеченный» и «пожилой рыцарь, приятный всеми качествами». Юноша требовал предпочтения, аргументируя это тем, что, «причастившись, взыскуемой любви, сможет он достичь и нравственного достоинства; и когда взойдет к такому он достоинству, то будет в том его даме немалая честь». Такая аргументация, однако, не рассматривается как убедительная, поскольку Андрей Капеллан моделирует в качестве возможной ситуацию, когда юноша «по его недостойному нраву... достигнув желанного блага, все же в нем не почерпнет себе средства к совершенствованию: не всегда ведь и посеянные семена бывают урожайными» [3, с. 391].

И – под занавес – еще одно, важное.

Как мы видели, в культуре Овидианского возрождения оформляется вектор трактовки любви в особом контексте, и в понимании любви присутствует налет некой условности. Это не столько любовь в ее подлинном значении (оно еще и не осознается, это подлинное значение любви, культура как раз и поднимается по ступеням его осознания), сколько галантное развлечение, своего рода флирт, в рамках (в результате) которого предполагается все, кроме глубинного субъект-субъектного отношения с психологической подоплекой и взаимной ответственностью. Неслучайно, например, отношение Бонкомпаньо к любви определяется исследователями как «эстетический имморализм» [2, с. 573] – эта оценка справедлива в полной мере.

И все же все это так, да не так: если рассуждать с позиций сегодняшнего дня, то, конечно, под любовью понималось изысканное развлечение выс-

ших сословий, претендующих на благородство и галантность.

И тем не менее...

Нет глубинного субъект-субъектного отношения? Но именно в рамках этой традиции женщина впервые начала рассматриваться как индивид...

Не идет речь о психологической близости? Но именно в контексте Овидианского возрождения она и вызревает...

Не предполагается взаимной ответственности в том объеме, в котором мы привыкли ее подразумевать? Но Бонкомпаньо да Синья уже говорит о необходимости думать о том, как будет воспринято адресованное даме письмо в той или иной ситуации (например, при разрыве отношения) – своего рода образчик эпистолярной ответственности...

Все это только оформляется, вырабатывается авторами Овидианского возрождения, – именно поэтому их внимание и сосредоточено на формулировке правил и канонов, должных придать любви статус феномена уточненной культуры.

В силу сказанного сословный характер любви в трактовке Овидианского возрождения обретает новое звучание: фактически речь идет о некоей условной любви как моделируемом пространстве для тренинга сословного благородства, и любовь как таковая ускользает из сплетаемых сетей правил и нормативов.

Любовь как таковая (*реальная любовь*), открытая для любого индивида, независимо от его сословия и культурной принадлежности, таковым пространством не является. Но предметом интереса для авторов XII–XIII вв. она не выступает не по этой причине: просто не было еще в культуре эксплицитных представлений о такой – безусловной – любви. Любовь была, а эксплицитных представлений не было.

Именно поэтому описанный тренинг и нужен культуре – без него она не сформировала бы тех представлений о любви, которые мы считаем своими. А следовательно, нужна и площадка для этого тренинга, и правила поведения на ней. Круг замкнулся: все правильно, все на пользу, сказано еще одно слово в развитии представлений о любви, сделан еще один шаг. Помните, мучительные поиски языка любви в альбах, аллегорических трактатах, рыцарских романах и др. (см. [18])? Они были незря: на их основе в контексте Овидианского возрождения средневековая культура фактически научилась говорить о любви – да, пока еще об условной, сословно понятой и далекой от живой жизни, напоминающей игру и сводящейся к галантному флирту... Да, все это так, но ведь научилась!

Таким образом, любовь трактуется Овидианским возрождением в широком спектре ее проявлений и диспозиций: любовь и сословная иерархия,

любовь и брак, любовь и знание, любовь и сословное благородство и т. д. Но, разумеется, главное для влюбленного – узнать, как вести себя в той диковинной стране любви, где он очутился. Если бы вопросы, базовые для концептуализации любви рубежа XII–XIII вв., формулировал И. Кант, он, должно быть,

назвал бы три главных следующим образом: *что я должен знать о любви? чего ожидать? что же мне, влюбленному, конкретно делать, освоив каноны рыцарского вежества? Каковы, собственно, правила поведения и самой жизни для влюбленного, как их видели в XII–XIII вв.?* Но об этом – в следующей статье.

Библиографические ссылки

1. Можейко МА. Схоластика. В: Грицанов АА, Можейко МА, Румянцева ТГ, редакторы. *Всемирная энциклопедия. Философия*. Москва: АСТ; 2001. с. 1041–1044. Совместное издание с «Харвест». (Современный литератор).
2. Гаспаров МЛ. Любовный учебник и любовный письмовник (Андрей Капеллан и Бонкомпаньо). В: Мейлах МБ, Мелетинский ЕМ, редакторы. *Жизнеописания трубадуров*. Москва: Наука; 1993. с. 571–573. (Литературные памятники).
3. Андрей Капеллан. О любви. В: Мейлах МБ, Мелетинский ЕМ, редакторы. *Жизнеописания трубадуров*. Москва: Наука; 1993. с. 383–401. (Литературные памятники).
4. Бонкомпаньо. Колесо Венерино. В: Мейлах МБ, Мелетинский ЕМ, редакторы. *Жизнеописания трубадуров*. Москва: Наука; 1993. с. 401–405. (Литературные памятники).
5. Шайтанов ИО. Европа в контексте средневековой культуры. В: Кузнецова ТФ, редактор. *Очерки по истории мировой культуры*. Москва: Языки русской культуры; 1997. с. 141–175.
6. Алан Лилльский. Плач природы. В: Грабарь-Пассек МЕ, Гаспаров МЛ, редакторы. *Памятники средневековой латинской литературы X–XII вв.* Москва: Наука; 1972. с. 333–347. (Литературные памятники).
7. Пуришев БР. Лирическая поэзия средних веков. В: Дынник ВА, Гинзбург ЛВ, составители. *Поэзия трубадуров. Поэзия миннезингеров. Поэзия вагантов*. Москва: Художественная литература; 1974. с. 5–28. (Библиотека всемирной литературы; том 23).
8. Монах Монтаудонский. Песня о том, что невыносимо. В: Гаспаров МЛ, редактор. *Песни трубадуров*. Найман АГ, переводчик. Москва: Наука; 1979. с. 123–125.
9. Манфред АЗ, редактор. *История Франции в трех томах. Том 1*. Москва: Наука; 1972. 360 с.
10. Щепкин ЕН. Рыцарство. В: Виноградов ПГ, редактор. *Книга для чтения по истории Средних веков, составленная кружком преподавателей. Выпуск 2*. Москва: Товарищество типографии А. И. Мамонтова; 1897. с. 734–821.
11. Коэн Г. *История рыцарства во Франции. Этикет, турниры, поединки*. Москва: Центрполиграф; 2010. 168 с.
12. Можейко МА. «Рука мечу – сердце Даме»: трактовка любви в северофранцузском рыцарском романе. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2018;3:131–139.
13. Рамон Льюль. Книга о рыцарском ордене. В: Рамон Льюль (Раймунд Луллий). *Книга о Любящем и Возлюбленном. Книга о рыцарском ордене. Книга о животных. Песнь Рамона*. Михайлов АА, редактор. 2-е издание. Санкт-Петербург: Наука; 2003. с. 71–132. (Литературные памятники).
14. Руа ЖЖ. *История рыцарства*. Москва: Алетейа; 1996. 248 с. (Vita memoriae).
15. Кленшан Ф. де Пюи дю. *Рыцарство*. Санкт-Петербург: Евразия; 2004. 190 с. (Clio).
16. Багно ВЕ. Трубадур Христа. В: Рамон Льюль (Раймунд Луллий). *Книга о Любящем и Возлюбленном. Книга о рыцарском ордене. Книга о животных. Песнь Рамона*. Михайлов АА, редактор. 2-е издание. Санкт-Петербург: Наука; 2003. с. 191–249. (Литературные памятники).
17. Хейзинга Й. *Осень Средневековья. Том 1*. Москва: Прогресс; 1995. 413 с.
18. Можейко МА. Черный ящик: вдали от потока сознания, или Отчего рыцари плачут. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2019;1:80–92.

References

1. Mojeiko MA. [Scholasticism]. In: Gritsanov AA, Mojeiko MA, Rummyantseva TG, editors. *Vsemirnaya entsiklopediya. Filosophiya* [The world encyclopedia. Philosophy]. Moscow: AST; 2001. p. 1041–1044. Co-published by the «Harvest». (The modern writer). Russian.
2. Gasparov ML. [Love textbook and love epistolary textbook (Andrei Capellan and Boncompagno)]. In: Meilakh MB, Meletinsky EM, editors. *Zhizneopisaniya trubadurov* [Biographies of troubadours]. Moscow: Nauka; 1993. p. 571–573. (Literary monuments). Russian.
3. Andrei Capellan. [About love]. In: Meilakh MB, Meletinsky EM, editors. *Zhizneopisaniya trubadurov* [Biographies of troubadours]. Moscow: Nauka; 1993. p. 383–401. (Literary monuments). Russian.
4. Boncompagno. [Wheel of Venus]. In: Meilakh MB, Meletinsky EM, editors. *Zhizneopisaniya trubadurov* [Biographies of troubadours]. Moscow: Nauka; 1993. p. 401–405. (Literary monuments). Russian.
5. Shaitanov IO. [Europe in the context of medieval culture]. In: Kuznetsova TF, editor. [Essays on the history of world culture]. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury; 1997. p. 141–175. Russian.
6. Alan from Lille. [Crying of nature]. In: Grabar-Passek ME, Gasparov ML, editors. *Pamyatniki srednevekovoi latinskoj literatury X–XII vv.* [Monuments of medieval Latin literature of the 10th–12th centuries]. Moscow: Nauka; 1972. p. 333–347. (Literary Monuments). Russian.
7. Purishev BR. [Lyric poetry of the Middle Ages]. In: Dynnik VA, Ginzburg LV, compilers. *Poeziya trubadurov. Poeziya minnezingerov. Poeziya vagantov* [Poetry of the troubadours. The poetry of the minnesingers. The poetry of vagantas]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura; 1974. p. 5–28. (Library of world literature; volume 23). Russian.
8. Monk of Montaudon. [Song about the unbearable]. In: Gasparov ML, editor. *Pesni trubadurov* [Songs of the troubadours]. Naiman AG, translator. Moscow: Nauka; 1979. p. 123–125. Russian.

9. Manfred AZ, editor. *Istoriya Frantsii v trekh tomakh. Tom 1* [The history of France in 3 volumes. Volume 1]. Moscow: Nauka; 1972. 360 p. Russian.
10. Schepkin EN. [Knighthood]. In: Vinogradov PG, editor. *Kniga dlya chteniya po istorii Srednikh vekov, sostavlenaya kruzhkom prepodavatelei. Vypusk 2* [The book for reading on the history of the Middle Ages, compiled by a circle of teachers. Issue 2]. Moscow: Partnership of A. I. Mamontov's Printing house; 1897. p. 734–821. Russian.
11. Cohen G. *Istoriya rytsarstva vo Frantsii. Etiket, turniry, poedinki* [History of chivalry in France. Etiquette, tournaments, duels]. Moscow: Tsentrpoligraf; 2010. 168 p. Russian.
12. Mojeiko MA. «A hand for sword – a heart for Lady»: the interpretation of love in the North French knightly romance. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2019;3:131–139. Russian.
13. Ramon Lul. [The Book of the Knight's Order]. In: Ramon Lul (Raimund Lullius). *Kniga o Lyubyashchem i Vozlyublennom. Kniga o rytsarskom ordene. Kniga o zivotnykh. Pesn' Ramona* [The Book about the Lover and the Beloved. The Book of the Knight's Order. The Book about Animals. Song of Ramon]. Mikhailov AA, editor. 2nd edition. Saint Petersburg: Nauka; 2003. p. 71–132. (Literary Monuments). Russian.
14. Roy JJ. *Istoriya rytsarstva* [The history of knighthood]. Moscow: Aleteya; 1996. 248 p. (Vita memoriae). Russian.
15. Klenshan Puy du F. de. *Rytsarstvo* [Knighthood]. Saint Petersburg: Eurasia; 2004. 190 p. (Clio). Russian.
16. Bagno VE. [The Troubadour of Christ]. In: Ramon Lul (Raimund Lullius). *Kniga o Lyubyashchem i Vozlyublennom. Kniga o rytsarskom ordene. Kniga o zivotnykh. Pesn' Ramona* [The Book about the Lover and the Beloved. The Book of the Knight's Order. The Book about Animals. Song of Ramon]. Mikhailov AA, editor. 2nd edition. Saint Petersburg: Nauka; 2003. p. 191–249. (Literary Monuments). Russian.
17. Huizinga J. *Osen' Srednevekov'ya. Tom 1* [Autumn of the Middle Ages. Volume 1]. Moscow: Progress; 1995. 413 p. Russian.
18. Mojeiko MA. Black box: away from the stream of consciousness, or Why knights cry. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2019;1:80–92. Russian.

Статья поступила в редколлегию 21.10.2019.
Received by editorial board 21.10.2019.

С РАБОЧЕГО СТОЛА СОЦИОЛОГА

FROM THE WORKING TABLE OF A SOCIOLOGIST

УДК 34.096;316.454.52;316.346.32-053.6

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ВЕРТИКАЛЬНЫХ МЕХАНИЗМОВ СОЦИАЛЬНОЙ РЕГУЛЯЦИИ В КОНТЕКСТЕ ЦЕННОСТЕЙ И УСТАНОВОК МОЛОДОГО ПОКОЛЕНИЯ

И. В. ПИНЧУК¹⁾, А. П. ДЕРБИН²⁾

¹⁾Международный университет «МИТСО», ул. Казинца, 21, корп. 3, 220099, г. Минск, Беларусь

²⁾Минский государственный лингвистический университет, ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск, Беларусь

Представлен анализ эффективности использования государством вертикальных (иерархических) связей в части социальной регуляции и соотношения их с сегодняшним мировоззрением и ценностными установками молодежи. В преломлении теории поколений описывается специфика информационного потребления миллениалами и представителями поколения Z. На основе анализа различных исследований делается вывод о том, что сегодня формируются новые возможности для индивидов в ситуации поиска информации и выбора стратегии поведения, возрастает роль горизонтальных связей. Выдвигается гипотеза о необходимости расширения диспозиционных начал в социальной регуляции, а также реализации более гибкого подхода к правовому регулированию цифрового информационного пространства.

Ключевые слова: молодежь; поколение Z; миллениалы; дигитализация; цифровизация; информационное пространство; вертикальные (иерархические) связи; социальная регуляция.

Образец цитирования:

Пинчук ИВ, Дербин АП. Эффективность вертикальных механизмов социальной регуляции в контексте ценностей и установок молодого поколения. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2019; 4:98–104.

For citation:

Pinchuk IV, Derbin AP. Efficiency of vertical mechanisms of social regulation in the context of values and settings of young generation. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2019;4:98–104. Russian.

Авторы:

Игорь Викторович Пинчук – кандидат социологических наук; начальник центра социологических исследований научно-исследовательской части.

Алексей Павлович Дербин – кандидат юридических наук, доцент; проректор по учебной работе и интернационализации образования.

Authors:

Ihor V. Pinchuk, PhD (sociology); head of the center of sociological research.

igor_pinchuk87@mail.ru

Alexey P. Derbin, PhD (law), docent; vice-rector of academic affairs and internationalization of education.

al_derbin@tut.by

<https://orcid.org/0000-0003-0544-0729>

EFFICIENCY OF VERTICAL MECHANISMS OF SOCIAL REGULATION IN THE CONTEXT OF VALUES AND SETTINGS OF YOUNG GENERATION

I. V. PINCHUK^a, A. P. DERBIN^b

^aInternational University «MITSO», 21 Kazinca Street, building 3, Minsk 220099, Belarus

^bMinsk State Linguistic University, 21 Zacharava Street, Minsk 220034, Belarus

Corresponding author: I. V. Pinchuk (igor_pinchuk87@mail.ru)

The article is devoted to the analysis of the effectiveness of the use of vertical (hierarchical) connections by the state in terms of social regulation and their correlation with the current worldview and values of young people. In the refraction of the theory of generations, the specifics of information consumption by of millennials and representatives of generation of Z are described. Based on the analysis of various studies, it is concluded that today new opportunities are forming for individuals in a situation of searching for information and choosing a behavior strategy, the role of horizontal connections is growing. A hypothesis is put forward about the need to expand dispositional principles in social regulation, as well as the implementation of a more flexible approach to the legal regulation of digital information space.

Keywords: youth; the generation of Z; millennials; digitalization; information space; vertical (hierarchical) connections; social regulation.

Введение

Дигитализация современного общества, глубокое проникновение новых технологий в структуру социальных и экономических отношений существенным образом повлияли на систему коммуникации, приоритеты и предпочтения людей, изменили повседневные практики большей части населения.

Этот процесс по-разному отразился на представителях различных возрастных групп. Если старшему поколению приходится учиться и адаптироваться к современным техническим устройствам и способам информационного потребления, то для другой значительной категории граждан это является обыденностью. Они уже с раннего возраста имели возможность доступа к интернету и социализировались в новой информационной среде.

В соответствии с теорией поколений последних принято называть миллениалами. При этом многие родившиеся на рубеже тысячелетий сегодня сами являются родителями и воспитывают детей, которых относят уже к так называемому поколению Z (центениалы, или цифровое поколение). Следовательно, в Республике Беларусь формируется и проходит различные этапы своего личностного и профессионального становления во многом уникальное поколение молодых белорусов.

Исследовательский интерес представляют различные характеристики рассматриваемой категории лиц, поскольку реализация интеллектуального, творческого потенциала самой молодой части населения будет непосредственно влиять на развитие страны в ближайшей перспективе. Информационное пространство объективно открывает новые возможности для индивидов в ситуации выбора стратегии поведения и в конечном счете оказывает влияние на механизм принятия решений. Так, расширение диапазона источников информации позволяет полагаться не столько на общепринятые образы и примеры, сколько на уникальный опыт других граждан, транслируемый через электронные социальные платформы. Соответственно, формируются альтернативные способы выхода из проблемной ситуации, нивелирования резонирующих факторов. Данный аспект обуславливает необходимость междисциплинарной оценки применяемых вариантов правового регулирования как в части информационного пространства, так и в подходах к социальной регуляции в целом. В комплексе это актуализирует вопрос эффективности использования государством вертикальных (иерархических) связей для обеспечения правопорядка и соотношения их с сегодняшним мировоззрением и ценностными установками молодого поколения.

Теоретические основы

Распространение информационно-коммуникативных технологий безусловно оптимизирует многие социально-бытовые процессы. Вместе с тем ежедневное использование различных технологических решений так или иначе формирует новые

навыки и знания. Поскольку наиболее транзитивной частью населения является молодежь, эффект от дигитализации в этой категории может носить более выраженный характер. При оценке оказываемого влияния на данную демографическую когорту

ее целесообразно рассматривать как с позиции возрастного параметра, так и с учетом других критериев, характерных для представителей определяемой совокупности. С социологической точки зрения более подходящим является понятие «поколение», которое содержит в себе множество характеристик, обозначаемых «духом поколения», или энтелехией. К. Мангейм отмечал, что поколение можно определить как «вторичную группу, членство в которой часто не осознается, выход из которой свободен, но при этом есть общие интересы» [1, с. 8].

В современном научном дискурсе существуют различные варианты определения поколений. Наиболее часто исследователи в социальных и гуманитарных областях опираются в данном вопросе на работы американских ученых Нейла Хоува и Вильяма Штрауса. Согласно их теории, поколения людей объединяют не только возрастные характеристики, но и ценностные ориентиры и настроения. В свою очередь, на это оказывают влияние различные факторы, как экономические, так и общественно-политические.

По мнению Н. Хоува и В. Штрауса, история развивается циклами, длительность которых примерно равна продолжительности человеческой жизни (80–90 лет). При этом один цикл состоит из четырех периодов, для каждого из которых характерны какие-то определенные принятые в обществе ценности и устои. В ходе своей работы исследователи подробно описывали типичного, собирательного представителя каждого поколения американской нации со времен Великой депрессии и до наших дней. Результатом этой работы стало выделение нескольких типов поколений, а именно: «строители», или «победители», «молчаливое поколение», «беби-бумеры», поколение X, молодое поколение Y, или миллениумы, и формирующееся поколение Z [2, с. 94]. Безусловно, данная концепция имеет ограничения и недостатки, во многом в силу своей обобщенности (на смену одного поколения отводится 20 лет). Сказывается и сложность учета исторических событий, происходящих в отдельных странах при определении характеристик архетипов. Вместе с тем нельзя не согласиться, что ценности поколений в различных странах являются схожими и это дает возможность для сопоставления. Поскольку эмпирической базой в данной статье являются результаты различных исследований (как отечественных, так и зарубежных), их рассмотрение логично реализовать в соответствии с наиболее

известной классификацией возрастных когорт: интерес представляют молодые граждане, относящиеся к поколению Y – миллениалы, или «цифровые аборигены» (рожденные в период с 1983 по 2003 г.), а также относящиеся к поколению Z – центениалы, цифровое поколение (родившиеся между 1995 и 2000 гг.). В качестве сравнительной базы будет рассмотрено более старшее поколение X – «неизвестное поколение», или «цифровые иммигранты» (1963–1983 годы рождения).

Если обратиться к данным статистики, то анализируемая совокупность по большей части соотносится с численностью молодежи, определяемой традиционными статистическими критериями. В Республике Беларусь по состоянию на 1 января 2019 г. на долю молодежи (14–30 лет) приходилось 1858,5 тыс. человек, т. е. к этой категории относится почти каждый пятый житель республики¹. Подтверждением тому, что молодое поколение не зря называют еще и цифровым, являются следующие данные: в 2018 г. доля пользователей услугами сети Интернет среди лиц в возрасте 14–30 лет составила 98,7 %, при этом 94,9 % пользователей рассматриваемой возрастной категории входят в сеть Интернет ежедневно². Закономерно, что вопрос оценки влияния технологического прогресса на молодежь и выявления отличий от представителей более старших возрастных групп является достаточно актуальным для научного сообщества.

В частности, ряд российских исследователей (Е. В. Бродовская, А. Ю. Домбровская, Р. В. Пырма, А. В. Синяков, А. А. Азаров) указывают на то, что стремительное развитие технологий приводит к различиям в условиях социализации разных когорт. Социологи отмечают образование разрыва между молодым поколением «цифровых аборигенов» (*Digital Natives*), выросшим в среде цифровых технологий, и старшим поколением «цифровых иммигрантов» (*Digital Immigrants*), родившихся до начала цифровой эпохи. Однако с течением времени границы между обозначенными поколениями начинают размываться, различие между «цифровыми аборигенами» и «цифровыми иммигрантами» теряет актуальность, но расширяются возможности взаимодействия между молодым и старшим поколениями [3, с. 235].

Похожее заключение делает и доктор экономических наук, профессор руководитель Лаборатории экономико-социологических исследований В. В. Радаев. На основании данных исследования

¹К молодежи относится почти каждый пятый житель Беларуси [Электронный ресурс] // БелТА – Новости Беларуси. URL: <https://www.belta.by/society/view/k-molodezhi-otnositsja-pochti-kazhdyj-pjatyj-zhitel-belarusi-352983-2019/> (дата обращения: 28.06.2019).

²У молодежи в почете также сфера услуг, ремонт авто- и мототехники, финдеятельность и, естественно, спорт и отдых [Электронный ресурс] // Новостное агентство Sputnik. URL: <https://sputnik.by/society/20190627/1041791210/Samaya-molodaya-sfera-v-Belarusi---IT.html> (дата обращения: 28.06.2019).

Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE) было сделано заключение, что миллениалы действительно наиболее активны среди всех взрослых поколений в использовании гаджетов и интернета. Но решающий количественный скачок, который можно с большей уверенностью считать переломным, произошел не в этом, а, скорее, в предшествующем (реформенном) поколении – их отличие от соседнего поколения застоя более значительно. Представителям реформенного поколения гаджеты достались уже во взрослый период, поэтому их называют «цифровыми иммигрантами», в отличие от «цифровых аборигенов» – миллениалов. Но представители реформенного поколения были еще достаточно молоды и деятельны, чтобы успеть «мигрировать» в цифровое пространство в достаточном количестве [4, с. 21].

Таким образом, российские ученые резюмируют, что в использовании цифровых коммуникаций приобретает особое значение «цифровая мудрость» (*digital wisdom*), понимаемая как набор навыков эффективной деятельности в цифровой среде, позволяющих осваивать большие объемы информации, отбирать необходимые и достоверные данные. Объектом изучения становится, вне зависимости от поколения, «цифровой человек» (*human digital*), для которого цифровые коммуникации и технологии стали частью жизнедеятельности [3, с. 235].

Результаты и обсуждение

Примечательно, что информационные ресурсы, функционирующие на современных электронных платформах, четко улавливают потребности миллениалов. В частности, подтверждением этому служит недавнее информационное сообщение о том, что в Беларуси запустили приложение-агрегатор, которое собирает актуальный контент из всевозможных источников: не только СМИ, но и соцсетей, новостных сайтов, блогов и т. п. Оно также известно как «первое персонализированное новостное приложение для миллениалов, доступное по всей Европе»³. Другими словами, пользователь получает персонализированный контент в соответствии со своими запросами и предпочтениями. Это еще раз подтверждает тот факт, что современная молодежь и их молодые родители формируют новую тактику не только потребления товаров, но и принятия решений.

При этом, как уже отмечалось, они основываются на самостоятельном поиске сведений и выборе наиболее подходящего им варианта. В США, например, именно для поколения X характерно наиболее

К схожим выводам приходят и зарубежные эксперты. Так, исполнительный директор по исследованиям и стратегии нью-йоркской исследовательской фирмы *Open Mind Strateg* Эллисон О'Киф Райт, опираясь на результаты собственных исследований, отмечает, что способ, с помощью которого родители-миллениалы изменили семейную и родительскую динамику, заключается в их подходе к поиску информации. В то время как предыдущие поколения родителей часто обращались к своим матерям и отцам за советом по многочисленным трудностям, касающимся воспитания детей, эти молодые родители – хотя и очень близкие с матерью и отцом – признают, что они воспитывают детей в совершенно ином мире, чем воспитывали их. Следовательно, эти опытные краудсорсеры отправляются в онлайн, чтобы найти ответы на многие жизненные вопросы, и часто формируют свой собственный опыт [5].

Эллисон О'Киф Райт уточняет данный тезис тем фактом, что *Google* часто является «воротами» для доступа к бесчисленным мнениям и рекомендациям, касающимся воспитания детей. Но даже больше, чем источники, которые они находят в результатах поиска в *Google*, миллениалов привлекает более индивидуализированная информация, которую они могут найти у единомышленников в их социальном окружении. Так, 43 % родителей-миллениалов регулярно обращаются за советом к сверстникам в своих социальных сетях [5].

критическое отношение к так называемой американской мечте среди взрослых поколений. Поколение X, как родители, сосредоточило внимание на формировании у своих детей таких качеств, как самостоятельность, адаптивность, стремление к успеху. У поколения Z установились дружеские отношения со своими родителями. Поэтому поколение Z намного ближе к своим родителям по сравнению с прошлыми поколениями. В результате подростки поколения Z имеют больше личного пространства, чем их предшественники; они находят ответы на интересующие их проблемы в интернете и более сосредоточены на самих себе. Несмотря на уважительное отношение к своим родителям, они менее от них зависимы. В результате это поколение с подросткового возраста гораздо более самостоятельно и менее управляемо, отличается более высоким уровнем самоуважения. Поколение Z не приемлет авторитарного стиля взаимоотношений со стороны государственных, образовательных и коммерческих структур и их представителей. Это поколение сформировалось с убеждением, что взрослые

³В Беларуси запустилось новостное приложение «для миллениалов». Как им пользоваться [Электронный ресурс] // 42.tut.by. URL: <https://42.tut.by/652060> (дата обращения: 04.09.2019).

ничем не лучше их. Они признают авторитет преподавателя, руководителя лишь в том случае, когда сами оценят его профессиональные и личностные качества [6, с. 3351].

Но насколько эти тенденции характерны для молодежи нашего, восточноевропейского, региона? Белорусский ученый Л. Г. Титаренко, опираясь на результаты ряда исследований, отмечает следующее: «У постсоветского поколения молодых белорусов прослеживается тенденция роста индивидуалистских ценностей, что соответствует и мировым тенденциям изменения молодежных ценностей в современную эпоху глобализации. Индивидуализм может стать потенциальной возможностью более активного включения молодежи в инновационное развитие экономики при условии, если это соответствует личным потребностям молодых людей. Однако эта возможность не является гарантией того, что молодежный трудовой потенциал не будет направлен в другую сторону (например, в развитие потребительства): многое зависит от наличия у молодых людей адекватных ресурсов для реализации своего модернизационного потенциала и от воспитательно-управленческого воздействия на молодежь» [7, с. 77–78]. Особенности мировосприятия белорусской молодежи предметно рассматривали и А. Н. Данилов, Ж. М. Грищенко, Т. В. Щелкова: «С учетом методологической принципиальности включения социального контекста в исследование жизненного мира человека, тем более его ценностей, мы не можем абстрагироваться от него настолько, чтобы сфокусироваться исключительно на эффекте компьютеризации и уходе в виртуальный мир. Хотя и это – наш вполне очевидный социальный контекст глобализирующегося миропорядка. Взрослеющее молодое поколение соотечественников, в свою очередь, не могло не испытать на себе отчуждения от взрослого мира, идеалы которого еще совсем недавно казались полным анахронизмом, а затем трансформировались в сомнения, скепсис и откровенный цинизм, подпитываемый ностальгическими настроениями родителей о старых добрых временах и переоценкой ценностей» [8, с. 111]. Так или иначе, отечественные исследователи говорят о том, что социальный потенциал молодежи представляет собой возможность и способность представителей молодого поколения реализовывать специфические социальные функции (воспроизводственная, инновационная и трансляционная). Наследуя и реализуя сложившиеся социальные отношения, каждое новое поколение обеспечивает функционирование общества и участвует в его совершенствовании и трансформации на основе собственного потенциала. Тем самым осуществляется развитие и молодежи, и общества в целом [9, с. 31].

Отмеченные особенности миллениалов, а также современного общества в целом, испытывающего

мощное влияние информационной среды, сказываются на характере взаимодействия человека с системами социальной регуляции, одной из которых выступает право. Говоря обобщенно, в сегодняшних условиях возрастает важность соответствия механизмов государственного регулирования современным запросам молодых людей в части формирования своей гражданской позиции.

Как отмечают исследователи, человек все больше перемещается из актуальной реальности в виртуальную, которая постепенно приобретает правовые черты независимо от юридизации этой реальности со стороны государства [10, с. 164]. Традиционно право закрепляло преимущественно вертикальные (иерархические) связи, выстраивая тем самым определенный правопорядок [11, с. 95–96]. Это тесно связано с природой права как властного регулятора общественных отношений, обеспечиваемого принуждением [12; 13]. Вместе с тем благодаря цифровизации, развитию и укоренению в жизни людей социальных сетей формируется так называемое сетевое общество. Оно принципиально строится преимущественно на горизонтальных, а не на вертикальных социальных связях; приемлет не субординацию, а координацию. Киберпространство в целом рассматривается исследователями как сфера, где возможно максимальное самоосуществление и самореализация свободы и горизонтальных связей. Эта саморегулирующаяся система самостоятельно вырабатывает правила регулирования и стандарты поведения в интернете [11, с. 96]. Подобными примерами являются уже упоминавшийся механизм ориентации новых поколений на опыт своих сверстников в ситуации поиска и фильтрации информации.

С учетом этого, как справедливо отмечает В. И. Павлов, рассмотрение права как основного и самого действенного средства социального контроля и социальной инженерии постепенно уходит в прошлое. Более того, расценивать цифровизацию и создаваемые ею возможности в качестве предпосылок для усиления контроля над личностью со стороны государства и укрепления вертикальных связей также будет некорректно. Поддерживать согласие в обществе преимущественно посредством государственных технологий контроля и дисциплины в будущем вряд ли удастся, резюмирует он [10, с. 164–165]. Информационное общество и поведенческие установки миллениалов (как одной из наиболее активных в социально-возрастном плане групп населения) актуализируют корректировку подходов к социальной регуляции. В частности, С. А. Хмелевская и Д. Н. Ермаков справедливо полагают, что современный социум требует гибкого правового регулирования. В противном случае это может привести к значительному отставанию в области производства и распространения новых знаний [11, с. 96].

Это связано с тем, что свобода в условиях дигитализации приводит к формированию нового знания, интеллектуального продукта и, соответственно, к экономическому успеху либо позитивному социальному резонансу (не воспроизведение прежних моделей, а создание новых). Об этом косвенно свидетельствуют истории успеха известных стартапов и большой интерес к этой форме поиска эффективной бизнес-модели. Приоритетные для виртуального пространства принципы творчества, свободы, отсутствия рамок, меняют свое значение и в других, «традиционных», сферах общественных отношений. При этом основными носителями новых установок среди поколенческих групп выступают именно миллениалы.

В свою очередь, как отмечает С. А. Хмелевская, попытка правового регулирования информационного пространства с помощью формирования традиционных вертикальных связей сталкивается с самокоммуникацией в сети, становится предметом внимания интернет-пользователей и отражается на общественном мнении [11, с. 97]. Представляется, что сегодня любые чрезмерно жесткие, императивные или неразумные, по мнению социально активной части населения, действия попадают в фокус внимания интернет-сообщества. При этом, согласно результатам республиканского социологического исследования, в 2017 г. интернет-пользователями являлись 68,1 % совершеннолетнего населения [14, с. 8]. Таким образом, соответствующие информационные поводы могут влиять на настроения основной части социально активного населения.

Неприятие современным обществом принуждения, насилия в широком смысле слова как инстру-

мента регулирования социальных процессов отражается также и в отношении населения к своему возможному участию в протестных акциях. В первом квартале 2018 г. только 9 % опрошенных указали, что допускают свое участие в акциях протеста, включая исключительные обстоятельства [14, с. 87]. Опросы среди молодежи в 2018 г. продемонстрировали, что выразить недовольство обстановкой в стране посредством участия в акциях протеста готовы только 3,5 % респондентов [14, с. 167].

Представляется, что в целом проявления прямой агрессии, насилия и принуждения становятся все менее востребованными в социальной коммуникации. Вероятно, они отчасти перекочевали из реальной сферы в виртуальную, что привело к усилению правил модерации, идентификации интернет-пользователей. Например, основатель наиболее крупной социальной сети *Facebook* Марк Цукерберг 3 мая 2017 г. объявил о расширении команды специалистов по «общественным операциям». Новые сотрудники, которых добавят к существующей армии из 4500 модераторов, будут отвечать за обзор каждого поста, о котором было получено сообщение, что он нарушает стандарты сообщества. К концу 2018 г., в ответ на критику засилья жестокого и эксплуататорского контента в соцсети, *Facebook* отправил более 30 000 сотрудников на борьбу за безопасность – и примерно половина из них занимается модерацией⁴. Это также подтверждает необходимость более гибкого подхода к регуляции и в виртуальном пространстве. Стоит отметить, что в отдельных случаях развивается и здоровая самоорганизация в сетевых сообществах, которая постепенно вытесняет негативные проявления из интернета.

Заключение

На наш взгляд, в современном обществе в качестве прямой реакции на негативно воспринимаемые действия и решения различных акторов (включая структуры публичной власти) более распространены уход (крайнее проявление – иммиграция), игнорирование, поиск альтернативных путей, создание сетевых сообществ для самостоятельного решения возникающих проблем.

Таким образом, дух времени и установки современного поколения (миллениалы, центениалы) существенно отличаются от прежних. Информационное общество больше хочет само выбирать из предлагаемых опций, молодое поколение менее терпимо к давлению и принуждению. Полагаем, что в тех вопросах, которые напрямую не затрагивают безопасность личности либо явный конфликт интересов в социальной регуляции, прежде всего правовой регламентации, следует по

возможности расширять диспозитивные начала, пространство свободы в выборе и разрабатывать более гибкие механизмы информационного контроля.

Разумное подталкивание к наиболее желательным для публичной власти моделям поведения, рекомендательные нормы, возможность самостоятельного решения тех или иных вопросов на основе усмотрения не только будут позитивно восприняты социумом, но поспособствуют росту самосознания, позитивной ответственности, послужат хорошей основой для дальнейшего развития партнерских начал между гражданином и государством. Тем более что это соответствует формату информационного потребления и интересам молодого поколения, социализирующегося в условиях культивирования индивидуалистских ценностей.

⁴Травмпункт: тайная жизнь модераторов Facebook в США [Электронный ресурс] // Habr. URL: <https://habr.com/ru/post/442182/> (дата обращения 21.08.2019).

Библиографические ссылки

1. Максимова ОА, Беляев ВА, Нагматуллина ЛК, Ахметгалиева АР, Ахметшина АА, Газизова ЛШ и др. *Динамика реальных и условных поколений в информационном, полиэтноконфессиональном обществе*. Максимова ОА, редактор. Казань: Бук; 2019. 158 с.
2. Ожиганова ЕМ. Теория поколений Н. Хоува и В. Штрауса. Возможности практического применения. *Бизнес-образование в экономике знаний*. 2015;1:94–97.
3. Бродовская ЕВ, Домбровская АЮ, Пырма РВ, Синяков АВ, Азаров АА. Влияние цифровых коммуникаций на формирование профессиональной культуры российской молодежи: результаты комплексного прикладного исследования. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2019;1:228–251. DOI: 10.14515/monitoring.2019.1.11.
4. Радаев ВВ. Миллениалы на фоне предшествующих поколений: эмпирический анализ. *Социологические исследования*. 2018;3:15–33. DOI: 10.7868/S0132162518030029.
5. O’Keefe Wright A. Millennials are not parenting like their parents did. *Quirk’s Marketing Research Review* [Internet]. 2019 [cited 2019 August 16]. Available from: <https://www.quirks.com/articles/millennials-are-not-parenting-like-their-parents-did>.
6. Малетин СС. Особенности потребительского поведения поколения Z. *Российское предпринимательство*. 2017; 18(21):3347–3360. DOI: 10.18334/rp.18.21.38560.
7. Титаренко ЛГ. *Парадигмы и повороты в современной социологии*. Минск: БГУ; 2018. 239 с.
8. Данилов АН, Грищенко ЖМ, Щелкова ТВ. Поколение Z: раскол традиций или перекодировка культуры. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2017;1:109–118.
9. Черняк ЮГ, Миронцов ИВ. Образовательный потенциал студенческой молодежи: социологический аспект. *Философия и социальные науки* [Интернет]. 2015 [процитировано 8 августа 2019 г.];4:30–32. Доступно по: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/134688>.
10. Павлов ВИ. Человек – право – государство – техника: трансформация ценностных оснований правового регулирования в современном мире. В: Павлов ВИ, Савенок АЛ, редакторы. *Человек и право: проблема ценностных оснований правового регулирования*. Минск: Академия МВД Республики Беларусь; 2019. 356 с.
11. Хмелевская СА, Ермаков ДН. Специфика правового регулирования в цифровую эпоху: социально-философские размышления. *Государство и право*. 2019;4:92–103. DOI: 10.31857/S013207690004658-5.
12. Фуко М. *Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности*. Табачникова С, переводчик. Москва: Касталь; 1996. 448 с.
13. Фуко М. *Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы*. Наумов В, переводчик, Борисова И, редактор. Москва: Ad Marginem; 1999. 480 с.
14. Дербин АП, редактор. *Республика Беларусь в зеркале социологии*. Минск: Информационно-аналитический центр при Администрации Президента Республики Беларусь; 2018. 180 с.

References

1. Maksimova OA, Belyaev VA, Nagmatullina LK, Akhmetgalieva AR, Akhmetshina AA, Gazizova LSh, et al. *Dinamika real’nykh i uslovnykh pokolenii v informatsionnom, polietnokonfessional’nom obshchestve* [Dynamics of real and conditional generations in an informational, multi-ethnic society]. Maksimova OA, editor. Kazan: Buk; 2019. 158 p. Russian.
2. Ozhiganova EM. Strauss–Howe generation theory. Opportunities of practical applications. *Biznes-obrazovanie v ekonomike znaniy*. 2015;1:94–97. Russian.
3. Brodovskaya EV, Dombrovskaya AYU, Pyma RV, Sinyakov AV, Azarov AA. The impact of digital communication on Russian youth professional culture: results of a comprehensive applied study. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2019;1:228–251. Russian. DOI: 10.14515/monitoring.2019.1.11.
4. Radaev VV. Millennials compared to previous generations: an empirical analysis. *Sociological research*. 2018;3:15–33. Russian. DOI: 10.7868/S0132162518030029.
5. O’Keefe Wright A. Millennials are not parenting like their parents did. *Quirk’s Marketing Research Review* [Internet]. 2019 [cited 2019 August 16]. Available from: <https://www.quirks.com/articles/millennials-are-not-parenting-like-their-parents-did>.
6. Maletin SS. Features of consumer behavior of generation Z. *Russian Journal of Entrepreneurship*. 2017;21:3347–3360. Russian. DOI: 10.18334/rp.18.21.38560.
7. Titarenko LG. *Paradigmy i povoroty v sovremennoi sotsiologii* [Paradigms and turns in modern sociology]. Minsk: Belarusian State University; 2018. 239 p. Russian.
8. Danilov AN, Grishchenko ZM, Scholkova TV. Generation of Z: split of traditions or code conversion of culture. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2017;1:109–118. Russian.
9. Chernyak YG, Mirontsov IV. The educational potential of students: sociological aspect. *Philosophy and social sciences* [Internet]. 2015 [cited 2019 August 8];4:30–32. Russian. Available from: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/134688>.
10. Pavlov VI. [Man – law – state – technology: the transformation of the value foundations of legal regulation in the modern world]. In: Pavlov VI, Savenok AL, editors. *Chelovek i pravo: problema tsennostnykh osnovanii pravovogo regulirovaniya* [Man and law: the problem of the value foundations of legal regulation]. Minsk: Academy of the Ministry of Internal Affairs; 2019. 356 p. Russian.
11. Khmelevskaya SA, Ermakov DN. Specifics of legal regulation in the digital age: social and philosophical reflections. *Gosudarstvo i pravo*. 2019;4:92–103. Russian. DOI: 10.31857/S013207690004658-5.
12. Foucault M. *Volya k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksual’nosti* [The will to truth: on the other side of knowledge, power and sexuality]. Tabachnikova S, translator and editor. Moscow: Castal’; 1996. 448 p.
13. Foucault M. *Nadzirat’ i nakazyvat’: Rozhdenie tyur’mu* [Oversee and punish. Birth of a prison]. Naumov V, translator; Borisova I, editor. Moscow: Ad Marginem; 1999. 480 p.
14. Derbin AP, editor. *Respublika Belarus’ v zerkale sotsiologii* [The Republic of Belarus in the Mirror of Sociology]. Minsk: Information and Analytical Center under the Administration of the President of the Republic of Belarus; 2018. 180 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 24.09.2019.
Received by editorial board 24.09.2019.

УДК 316.346.32-053.2+316.36

ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО РОДИТЕЛЬСКОГО ПОВЕДЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

М. И. БЕРЕЗЕЦКАЯ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Посвящена социологическому анализу родительского поведения в современных условиях функционирования общества. Развитие компьютерных технологий, повсеместное распространение интернета, появление смартфонов и, соответственно, мобильных приложений значительно изменили стратегии родительского поведения. Рассматриваются особенности поведения родителей в цифровой среде и использование ими информационных технологий. Отдельное внимание уделяется описанию веб-сайтов, интернет-форумов, социальных сетей, мобильных приложений как площадок взаимодействия родителей друг с другом и со своими детьми. Специализированные интернет-сайты, форумы, социальные сети сочетают в себе информационные и развлекательные функции: здесь родители не только делятся советами и рекомендациями по воспитанию детей, но и находят единомышленников, друзей. Мобильные приложения и мессенджеры позволяют современным родителям быть на связи со своими детьми, располагать информацией об их местоположении без серьезных материальных затрат и находясь на большом расстоянии от них. Рассматривается феномен родителей-блогеров и детей-блогеров, а также проблема безопасности и конфиденциальности данных в интернете. В современном родительском поведении отмечается тенденция к демонстрации родительства в социальных сетях: растет количество родителей-блогеров и детей-блогеров, блогинг из хобби превращается в инструмент заработка. В статье содержатся результаты авторского исследования тематической направленности родительских блогов в *Instagram*.

Ключевые слова: социология детства; дети; родительское поведение; информационные технологии; блогинг; безопасность и конфиденциальность данных.

MODERN PARENTING IN THE DIGITAL WORLD

M. I. BEREZETSKAYA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The paper is concerned with sociological analysis of parenting in modern society. The development of computer technology, the widespread dissemination of the Internet, the advent of smartphones and mobile applications have significantly changed strategies of parenting behavior. This article discusses the features of the parental behavior in a digital environment and their use of informational technology. Special attention is paid to the description of websites, online forums, social networks, mobile applications as platforms for interaction between parents and with their children. Specialized websites, forums, social networks combine information and entertainment functions: on these sites parents not only share tips and tricks on children's bringing up, but also find like-minded friends. Mobile applications and messengers allow modern parents to be in touch with their children and to have information about their location being at a great distance from them and without serious material costs. The phenomenon of parents-bloggers and children-bloggers, as well as the problem of security and confidentiality of data on the Internet, is carefully analyzed in this article. In modern parental behavior there is

Образец цитирования:

Березецкая МИ. Особенности современного родительского поведения в условиях информационного общества. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2019;4:105–112.

For citation:

Berezetskaya MI. Modern parenting in the digital world. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2019;4: 105–112. Russian.

Автор:

Мария Ивановна Березецкая – аспирантка кафедры социологии факультета философии и социальных наук. Научный руководитель – кандидат философских наук, доцент Л. В. Филинская.

Author:

Mariya I. Berezetskaya, postgraduate student at the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences.
[berezetskaya.mary@gmail.com](mailto:berezeckaya.mary@gmail.com)
<https://orcid.org/0000-0002-9510-5571>

a tendency to demonstrate parenting in social networks. For example, the number of parents-bloggers and children-bloggers grows, blogging become the instrument for earning money. The article contains the results of an author's study of the thematic focus of parent blogs on Instagram.

Keywords: sociology of childhood; children; parenting; digital technology; blogging, data privacy and security.

Современное общество находится в состоянии постоянной динамики и развития, вместе с этим изменяются и родительские практики. Современные родители не ограничиваются советами по воспитанию ребенка из специализированных книг, журналов, а также от собственных родителей и родственников. Появление смартфонов, планшетов и компьютеров, а также скоростного интернета и Wi-Fi позволило родителям получать доступ к интернету практически из любого места. Они могут использовать онлайн-платформы и мобильные приложения как часть воспитательной практики для своих детей. Кроме того, данные технологии предоставили родителям возможность искать информацию и поддержку, обмениваться опытом друг с другом, не взирая на географическую отдаленность или разность часовых поясов. Современные родители большую часть своего времени проводят в режиме онлайн, тем самым вовлекая и приучая детей к жизни в цифровом обществе. Основной целью данной статьи является обнаружение и изучение особенностей родительского поведения в условиях современного информационного общества. Исходя из цели исследования, мы ставили перед собой следующие задачи: 1) определить возможности использования современных интернет-площадок и мобильных приложений родителями; 2) изучить феномен родительского и детского блогинга; 3) рассмотреть проблему безопасности и конфиденциальности персональных данных родителей и их детей в интернете.

Описание особенностей поведения родителей в цифровой среде и использования ими информационных технологий начнем с характеристики родительского присутствия на популярных интернет-площадках.

Веб-сайты и интернет-форумы. Сайты для родителей на просторах интернета появляются уже в 1990-х гг. (преимущественно англоязычные), однако с течением времени их популярность среди родителей не уменьшается. Рассчитанные на родительскую аудиторию сайты часто сочетают в себе возможность получать информацию из статей по самым разнообразным темам (беременность, воспитание, развитие детей) с возможностью общения друг с другом на форумах. Кроме того, такого рода площадки являются очень популярной платформой для рекламы детских товаров. Современные сайты для родителей часто предлагают своим пользователям собственные мобильные приложения, а также позволяют подключаться через уже существующие учетные записи в социальных сетях (*Facebook*,

Instagram, *Twitter*, *ВКонтакте*, *Одноклассники*), что, в свою очередь, позволяет родителям получать нужную им информацию более легко и быстро, а также быть постоянно на связи с другими пользователями. Таким образом, сайты реализуют продвижение своего контента и привлечение новой аудитории. Наиболее популярные из них каждый месяц набирают миллионы просмотров и десятки тысяч сообщений на форумах. К наиболее популярным ресурсам по данной тематике можно отнести англоязычные *BabyCenter*, *CafeMom*, *Parents.com* и *Parenting.com*, *Mumsnet* и *NetMums*, среди русскоязычных сайтов выделяются *Baby.ru*, *U-mama.ru*, *Tya.ru*, *Rebenok.by*.

Большинство исследователей сходятся во мнении, что родители ценят эти сайты за возможность получить поддержку и информацию от таких же родителей, хотя советы медицинских работников и близких членов семьи все же в большинстве случаев являются для них приоритетными [1; 2]. На форумах родители могут поделиться своими проблемами, переживаниями, разочарованиями и беспокойствами, так как анонимность в общении на сайтах такого рода способствует обсуждению личных тем. Более того, психологи высказывают предположение о том, что коммуникация на форумах с другими родителями может снизить уровень депрессии и поднять самооценку, так как в ходе общения с такими же родителями, как и они сами, пользователи начинают осознавать «нормальность» своих переживаний [3]. Специализированные сайты для родителей зачастую содержат в себе много информации о различных стратегиях и методиках воспитания детей, в том числе и альтернативных. Таким образом, у родителей появляется возможность опробовать разные варианты родительского поведения [4]. Кроме того, использование таких сайтов позволяет найти единомышленников и не чувствовать себя одинокими, находясь, к примеру, в декретном отпуске. Стоит отметить, что родительские форумы чаще ориентированы на матерей, однако проведенные зарубежные исследования продемонстрировали, что отцы также обращаются к родительским веб-сайтам и форумам за поддержкой и советом, особенно от других отцов. Мужчины, которые только готовятся стать отцами, или же те, кто чувствует свою неуверенность или отдаленность, могут использовать форумы для поиска информации, эмоциональной поддержки и места для саморефлексии [5]. Отличительной чертой стиля общения отцов является то, что они чаще используют юмор как инструмент общения,

особенно при разговоре на чувствительные и эмоционально тяжелые темы.

Мобильные приложения. Повсеместное распространение мобильных устройств и доступ к Wi-Fi позволяют родителям выходить на связь со своими детьми при минимальных материальных и временных затратах в любое время и в любом месте (при наличии интернета). Особенно актуальным использование мессенджеров становится во время физической разлуки детей и родителей – мессенджеры обеспечивают связь в условиях реального времени, а в случае видеозвонка позволяют не только слышать, но и видеть детей, что особенно важно для матерей и отцов, которые в силу тех или иных обстоятельств живут далеко от своих детей. Такой формат общения позволяет родителям участвовать в жизни ребенка, проявлять о нем заботу и выполнять материнские/отцовские функции, пусть и на расстоянии.

В настоящее время пользователям смартфонов доступен огромный выбор различных приложений и для беременных женщин (позволяют будущим мамам следить за развитием и ростом плода, частотой сердцебиения и т. п.), и для молодых родителей (предназначены для мониторинга кормления, сна, роста и развития ребенка, а также для предоставления информации об уходе за ребенком): «Календарь беременности, общение мам поблизости» (более 1 млн скачиваний), «Дневник малыша – грудное вскармливание и уход» (более 500 тыс. скачиваний), «Первый год жизни малыша» (более 500 тыс. скачиваний) и др. Разработчики также учитывают желание родителей постоянно быть в курсе местонахождения своего ребенка и предлагают специальные GPS-трекеры с поддержкой смарт-часов и телефона ребенка, которые позволяют родителям видеть, где он находится и маршрут его передвижений, получать оповещения, когда ребенок покидает двор или школу, знать, сколько времени он играет на телефоне в школе, слышать звук вокруг ребенка, когда он не берет трубку («Где мои дети: родительский контроль» – более 10 млн скачиваний; «Семейный GPS-трекер *KidControl*» – 1 млн скачиваний; *Find my Kids* – более 1 млн скачиваний и др.). Родители могут также пользоваться приложениями типа радио- и видеоняни, с помощью которых можно наблюдать за сном ребенка, слышать и видеть, что происходит рядом с ним, а в случае, если ребенок проснется – в приложении появится оповещение или же родителю поступит звонок на телефон. Эти приложения ценятся пользователями за возможность оперативного доступа к информации и удобному формату ее представления. Следует отметить, что подавляющее большинство приложений по тематике родительства ориентиро-

ваны на женщин. К примеру, по запросу «для мам» *Play Market* выдает 97 приложений различной тематики (от дневника беременности до развивающих упражнений для детей), а по запросу «для пап» предлагаются только игры и сайты знакомств для одиноких родителей.

Социальные сети. Появление социальных сетей предоставило родителям новые варианты взаимодействия с другими родителями, а также возможность обмена своим родительским опытом. *Facebook*, *YouTube*, *Twitter*, *Instagram*, *ВКонтакте* позволяют родителям загружать свои фотографии и фотографии своих детей, делиться собственными мыслями, комментировать фото/видео, отмечать или делиться контентом других людей. Использование социальных сетей родителями не ограничивается ведением собственной страницы. К примеру, в *Facebook* наряду с личными учетными записями существуют многочисленные специальные страницы для родителей, а необходимый контент в *Twitter* и *Instagram* можно легко найти с помощью хэштегов. Еще одним из наиболее популярных мест получения информации о воспитании детей является видеохостинг *YouTube* – там можно найти любую информацию: от руководства по сборке детской кроватки и обзора игрушек для детей до советов специалистов в области образования или же здравоохранения по воспитанию ребенка.

В настоящее время опубликовано лишь небольшое количество исследований о том, как родители используют социальные сети. Опрос американских родителей, проведенный исследовательским центром *Pew*¹, показал, что матери чуть чаще, чем отцы, используют социальные сети для оказания помощи и поддержки таким же матерям, а также в надежде получить их поддержку. Матери также чаще соглашались с тем, что социальные сети являются источником полезной информации для родителей. В ходе проведенных в странах Западной Европы и Северной Америки исследований было определено, что и матери, и отцы используют *Facebook* чаще других социальных сетей [6]. Данные исследования свидетельствуют о том, что матери с младенцами и маленькими детьми пользуются *Facebook* (в частности, специальными группами для матерей), чтобы знакомиться и встречаться с другими мамами, живущими поблизости, тем самым избавляясь от чувства одиночества и изоляции [7; 8]. Это относится и к родителям детей с особенностями развития, которые часто используют *Facebook* для поиска конкретных групп поддержки и информации, касающейся потребностей своих детей [9], а также к папам, находящимся в декрете, которые через страницы *Facebook* общаются с другими папами в декрете [9].

¹*Duggan M., Lehnhart A.* Parents and social media [Electronic resource] // Pew Research Center. URL: <http://www.pewinternet.org/2015/07/16/parents-and-social-media/> (date of access: 14.09.2019)

Родители на личных страницах в социальных сетях часто делятся с друзьями/подписчиками информацией о событиях своей жизни: сообщают о беременности, рассказывают о рождении ребенка, а также публикуют фото своих детей. В 2015 г. Британской организацией по безопасности в интернете было проведено исследование ($n=2000$ родителей) по тематике использования социальных сетей для обмена изображениями своих маленьких детей, в ходе которого было определено, что среднестатистический родитель опубликует примерно 1000 изображений в *Facebook* или *Instagram* к тому времени, когда его/ее ребенку будет 5 лет².

Зарубежные исследователи для описания нового типа родительского поведения используют термин *sharenting*, образованный от слов *to share* – делиться и *parenting* – родительство», «родительские обязанности, воспитание, т. е. примерный перевод данного термина может звучать как «демонстративное родительство», «родительство напоказ» (в русскоязычных материалах понятие используется без перевода – «шерентинг»). Данный термин описывает стремление современных родителей делиться информацией о себе и своих детях при помощи различных онлайн-платформ, а интернет-блоги становятся источником информации и своеобразным средством развлечения для родителей. Стоит отметить, что в настоящее время письменные блоги (к примеру, на *LiveJournal*) теряют свою популярность и все большее количество блогеров можно встретить на платформах типа *Instagram* и *YouTube*. Данная тенденция еще раз подтверждает нацеленность современного человека с его клиповым мышлением на быстрое получение информации, желательное при помощи яркого и запоминающегося визуального ряда.

Рассмотрим феномен родительского блогинга на примере анализа наиболее популярных родительских аккаунтов в *Instagram*. Данная платформа выбрана нами в силу ее популярности, а также удобства для ведения личного блога. Формат публикаций в *Instagram* позволяет совместить яркую картинку с ненавязчивым и достаточно кратким текстом, что способствует быстрому привлечению аудитории, а удобный формат комментариев создает комфортные условия для взаимодействия с ней. Кроме того, по охвату публикаций *Instagram* опережает другие социальные сети (*ВКонтакте*, *YouTube*), следовательно, именно на данной платформе блогерам предоставляется больше возможностей заработать на рекламе, что, в свою очередь, и привлекает их туда.

В ходе анализа родительских аккаунтов мы ставили перед собой цель изучить основную темати-

ку их профилей и особенности рекламных интеграций. Исследование было проведено методом контент-анализа, в ходе которого мы изучили 10 самых крупных аккаунтов «инстамам» и 10 самых крупных аккаунтов «инстапап» и их публикации за август 2019 г. Следует отметить, что в топ-10 не были включены аккаунты «звездных родителей», так как их аудитория была привлечена в силу популярности личности, а не в силу контента, связанного с тематикой семьи и детства (к примеру, аккаунты телеведущей Ксении Бородиной, модели Оксаны Самойловой, певицы Айзы Анохиной и др.). Таким образом, для анализа были выбраны следующие аккаунты «инстамам»:

1) Елена Сажина (3,3 млн подписчиков). Описание профиля: «Мама ДВОЙНЯШЕК». За август 2019 г. – 25 публикаций;

2) Валерия Чекалина (3 млн подписчиков). Описание профиля: «Родила двойню и выгляжу еще круче. Создала свой бренд косметики. Мои фотки облетают весь мир». За август 2019 г. – 19 публикаций;

3) Екатерина Шрейнер (2,9 млн подписчиков). Описание профиля: «Мастер-классы для детей и родителей, идеи для творческого развития». За август 2019 г. – 22 публикации;

4) Алина Левда (2,7 млн подписчиков). Описание профиля: «Сериял о жизни без отпуска в декрете. Ноги от Бога. Сын от мужа». За август 2019 г. – 22 публикации;

5) Кристина Дудкова (2,6 млн подписчиков). Описание профиля: «Принцесса из коммуналки. Маленький город – не приговор». За август 2019 г. – 16 публикаций;

6) Екатерина Климова (2,5 млн подписчиков). Описание профиля: «Мать с шилом в Ж... или Девочка, которая прошла путь от “Доширака” до “Порше”. За август 2019 г. – 10 публикаций;

7) Лиза Миллер (2,2 млн подписчиков). Описание профиля: «Самая успешная мама “Инстаграма”. От общаги до квартиры в целый этаж». За август 2019 г. – 8 публикаций;

8) Алия Бай (1,9 млн подписчиков). Описание профиля: «МАМА-БЛОГЕР 2019 по версии mail.ru, ♥ИНСТА-МАМА 2017, ♥БЛОГЕР ГОДА 2018». За август 2019 г. – 30 публикаций;

9) Лариса Суркова (1,8 млн подписчиков). Описание профиля: «Первый психолог в “Инстаграм”. Кандидат наук, а не абы-кто, 5 детей и 18 книг». За август 2019 г. – 33 публикации;

10) Эльмира Ылясова (1,6 млн подписчиков). Описание профиля: «Я Эля. Ко мне на “ты”. У меня 4 дочки и один сыночек. Материнство как религия». За август 2019 г. – 43 публикации.

²Today's children will feature in almost 1,000 online photos by the time they reach age five [Electronic resource] // Nominet. URL: <https://www.nominet.uk/todays-children-will-feature-in-almost-1000-online-photos-by-the-time-they-reach-age-five/> (date of access: 15.09.2019).

В ходе анализа перечисленных выше страниц было определено, что контент большинства из них имеет сходную тематику. Перечислим выделенные нами наиболее популярные темы публикаций:

1. *Семья*. «Инстамамы» чаще всего дают советы по воспитанию детей и созданию гармоничных отношений в семье, рассказывают об особенностях формирования личности ребенка, влиянии родителей на судьбу детей; описывают особенности отдыха и путешествий с детьми, дают соответствующие советы; делятся успехами и достижениями детей; говорят о здоровье детей, делятся полезной детской литературой, а также описывают особенности подготовки детей к школе / детскому саду.

2. *Мастер-классы/тьюториалы*. Блогеры рассказывают и показывают, как делать прически для ребенка, макияж для себя, интересные способы завязывания пояса/платка; дают советы по уходу за телом; идеи для подачи и нарезки фруктов/овощей, рецепты блюд.

3. *Идеи для развлечений с детьми*. Описываются увлекательные научные эксперименты, приводят творческие задания.

4. *Беременность*. Авторы дают советы по подготовке к рождению ребенка, рассказывают об особенностях путешествий/перелетов для беременных, подготовке детей к появлению брата/сестры.

5. *Личная жизнь* (публикации, не связанные с семейными отношениями). Приводятся истории успеха, рассуждения о женской дружбе, принятии себя и своей внешности, рассказы о путешествиях, правилах ведения здорового образа жизни, покупках и др.

6. *Реклама, конкурсы/розыгрыши*. «Инстамамы» рекламируют питьевую воду, очистители воздуха, доставки еды, интернет-магазины, мобильные приложения, косметику, парфюмерию, собственные бренды (одежда, парфюмерия, кофе и др.), медицинские препараты, отели; совместно с представителями отдельных компаний проводят розыгрыши призов.

7. *Социальная ответственность*. Авторы пишут о проблеме ВИЧ/СПИД, о благотворительности.

Однако стоит отметить, что, несмотря на общую схожесть контента и одинаковую аудиторию, «инстамамы» стремятся найти собственную нишу: кто-то специализируется на психологических вопросах, кто-то описывает способы раннего развития ребенка, кто-то придумывает варианты увлекательных экспериментов для детей, а кто-то делится рецептами приготовления блюд.

Профили «инстапап» имеют свои особенности и заметные отличия. Рассматривались следующие аккаунты:

1) Артем Чекалин (2 млн подписчиков). Описание профиля: «Честный мужской блог. Отец двух замечательных детей и муж самой лучшей девуш-

ки». За август 2019 г. – 11 публикаций. Супруг блогера Валерии Чекалиной;

2) Никита Серов (1,1 млн подписчиков). Описание профиля: «Качаю мышцы, сына и мозг. Составляю план питания/тренировок». За август 2019 г. – 10 публикаций;

3) Артем Левда (1,1 млн подписчиков). Описание профиля: «Отец сына, муж жены». За август 2019 г. – 9 публикаций;

4) Мансур Шангареев (823 тыс. подписчиков). Описание профиля: «Многодетный отец. Писатель. Будни папы с четырьмя детьми». За август 2019 г. – 6 публикаций;

5) Сергей Мозг (782 тыс. подписчиков). Описание: «Слишком много блогеров в семье!». За август 2019 г. – 8 публикаций;

6) Дмитрий Тоболатор (751 тыс. подписчиков). Описание профиля: «Лучший папа 2019. Дочь – подросток, сын – малыш». За август 2019 г. – 15 публикаций;

7) Петр Сурков (697 тыс. подписчиков). Описание профиля: «Мужской взгляд на деньги, семью, развитие». За август 2019 г. – 19 публикаций;

8) Антон Дудков (509 тыс. подписчиков). Описание профиля: «Тревел-блогер. Заботливый отец». За август 2019 г. – 4 публикации;

9) Максим Роговцев (501 тыс. подписчиков). Описание профиля: «Счастливый муж и отец 4 девочек». За август 2019 г. – 32 публикации;

10) Андрей Клеверин (470 тыс. подписчиков). Описание профиля: «Инстапапа 2017. Отец пяти парней. Взгляд мужчины на отношения и воспитание». За август 2019 г. – 29 публикаций.

Исходя из анализа аккаунтов были выделены доминирующие темы публикаций.

1. *Семья*. Отцы пишут о семейных традициях, воспитании и здоровье детей, распределении домашних обязанностей, об отношениях детей между собой и с родителями. Часто затрагиваются вопросы отношений между мужчинами и женщинами.

2. *Мастер-классы/тьюториалы/советы*. «Инстапапы» дают советы по ремонту, уборке в доме, кулинарные рецепты.

3. *Бизнес*. Авторы затрагивают вопросы финансовой грамотности, дают советы по построению собственного бизнеса, советы по ведению личного блога и поиску целевой аудитории.

4. *Личная жизнь* (публикации, не связанные с семейными отношениями и работой). Эта тема включает в себя истории успеха, рассказы о путешествиях, о покупках, о спорте, обсуждение проблем кризиса среднего возраста и др.

5. *Реклама и конкурсы/розыгрыши*. «Инстапапы» рекламируют сети детских кафе, бытовую технику, коляски, интернет-магазины и др.

Следует отметить, что «инстапапы» в своих аккаунтах в большинстве случаев предпочитают не

ограничивать себя выбором какой-либо одной ниши (только один «инстапапа» из рассматриваемых специализируется на написании советов по ремонту и уборке дома, а также приготовлению блюд, остальные рассуждают о семейных отношениях в целом).

При сравнении аккаунтов отцов и матерей в *Instagram* первое, что следует отметить, это количество подписчиков: у отцов их значительно меньше. Кроме того, отличается содержательная сторона: женские блоги в большей степени нацелены на углубленное описание «правил» гармоничной совместной жизни и советов по воспитанию и развитию ребенка, мужчины же чаще пишут о своей работе, дают советы по ведению бизнеса, мотивируют подписчиков к поиску любимого дела, а тематика воспитания ребенка в большей части сводится к общим рекомендациям и рассказам о своих детях.

Необходимо подчеркнуть, что реклама товаров и услуг часто встречается в аккаунтах родителей-инстаблогеров, однако не все подписчики могут ее заметить, так как она всегда (во всех рассмотренных нами случаях) представлялась в нативном (естественном) формате, иными словами, включалась в публикацию блогера в таком виде, чтобы ее нельзя было идентифицировать как рекламу, чтобы у читателей создавалось ощущение ценной информации, а не прямого побуждения к покупке. Для этого блогеры сопровождают рекламные публикации семейными фотографиями и историями из личной жизни.

Понятие *sharenting* касается не только блогеров, но и обычных пользователей социальных сетей, которые также с удовольствием делятся фотографиями своих детей. Однако данное явление экспертами оценивается неоднозначно. С одной стороны, современные родители имеют возможность при помощи интернет-ресурсов находить новых знакомых, единомышленников, получать советы и поддержку со стороны, быть частью определенного сообщества, будь то сообщество «мамочек» во *Вконтакте* или же подписчиков того или иного блогера. С другой стороны, возникает вопрос о правомерности таких действий родителей. В настоящее время все большее количество экспертов обращают внимание на то, что публикации фотографий и рассказов о детях в интернете нарушают их право на неприкосновенность частной жизни³. К примеру, во Франции уже принят закон, который позволяет взрослым детям предъявлять иск своим родителям за такие нарушения⁴.

Некоторые родители не ограничиваются созданием собственных блогов или публикацией фото и видео своих детей в социальных сетях, они идут дальше – создают и ведут их персональные страницы. К примеру, свою обширную аудиторию в *Instagram* уже имеют дети «звездных» родителей: сын продюсера Яны Рудковской и фигуриста Евгения Плющенко Александр (@*gnomgnomych*, 339 тыс. подписчиков), дочь Филиппа Киркорова Алла-Виктория (@*allavictoriyakirkorova*, 269 тыс. подписчиков) и его сын Мартин (@*martinkirkorov*, 166 тыс. подписчиков), сын актрисы Эвелины Блэданс Семен (@*semensemin*, 237 тыс. подписчиков), сын актрисы Галины Боб Лев (@*levsergeich*, 86,8 тыс. подписчиков), сыновья актрисы Марии Кожевниковой Иван и Максим (@*ivanbromaks*, 26,4 тыс. подписчиков) и др. В большинстве своем в данных профилях публикуются сопровождающиеся кратким текстом фотографии, сделанные в путешествиях, на праздниках, ежедневных занятиях и т. п. Из перечисленного списка выделяется аккаунт Семена Семина, который ведет его папа: наряду с обычными фотографиями в нем размещается много информации о различных социальных проектах и о детях с синдромом Дауна.

Однако чаще детские аккаунты/каналы можно встретить на другой популярной платформе – видеохостинге *YouTube*. Своеобразным показателем растущей популярности детского контента в *YouTube* является первое место канала *Like Nastya Vlog* в рейтинге топ-10 самых быстрорастущих каналов по версии РИАБ. За август 2019 г. канал вырос на 2,2 млн подписчиков, каждый день в среднем на него подписывается 73,3 тыс. человек, а на данный момент у канала 33 млн подписчиков. опережает его по численности подписчиков в русскоязычном *YouTube* только канал *Kids Diana Show* (34 млн подписчиков, ежемесячный прирост аудитории в среднем – 1,3 млн человек). В топ-5 самых популярных детских каналов на *YouTube* еще входят каналы *Mister Max* (14 млн подписчиков), *Miss Katy* (14,3 млн подписчиков) и *Ya – Alisa* (9,6 млн подписчиков). Их контент во многом совпадает: везде (в разном количестве) присутствуют распаковки игрушек, киндер-сюрпризов, челленджи, игры, обзоры игрушек, песни, истории, видео о правилах поведения в разных ситуациях.

Такая активная включенность интернета и медиатехнологий в жизнь детей наталкивает на размышления о конфиденциальности их данных и кибербезопасности. Персональная информация современных детей зачастую появляется в мобиль-

³Wayne T. The right to privacy for children online [Electronic resource] // The New York Times. URL: http://www.nytimes.com/2016/04/17/fashion/celebrity-childrenonline-privacy.html?_r=0 (date of access: 16.09.2019).

⁴Chazan D. French parents 'could be jailed' for posting children's photos online [Electronic resource] // The Telegraph. URL: <http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/europe/france/12179584/Frenchparents-could-be-jailed-for-posting-childrens-photos-online.html> (date of access: 16.09.2019).

ных приложениях, личных профилях их родителей в социальных сетях, на форумах еще до их рождения или же в первые годы жизни, однако эти очень личные данные используются не только по прямому назначению (к примеру, для удобства пользования тем или иным приложением), но и в интересах множества коммерческих структур. Информация о молодых родителях или людях, которые ожидают ребенка, особенно ценна с коммерческой точки зрения, поскольку именно эта категория людей только выходит на новый для себя рынок детских товаров и услуг, следовательно, они более восприимчивы к рекламе и нацелены на приобретение большого количества предметов детского обихода. По оценкам американских экспертов, интернет-маркетологи платят гораздо больше за просмотр данных беременных женщин по сравнению с другими пользователями интернета⁵.

Вопросы безопасности и конфиденциальности в интернете стали подниматься в родительской среде не так давно; до настоящего времени эти проблемы среди непрофессионалов освещались достаточно редко. Сейчас же информацию по данной тематике можно найти не только на страницах научных журналов, но и в газетах, и на новостных интернет-порталах. Тем не менее опрос американских родителей, проведенный исследовательским центром *Pew*, показал, что они слабо обеспокоены тем, что в социальных сетях размещается много информации о детях⁶. Опрос австралийских матерей также выявил низкий уровень озабоченности вопросами конфиденциальности, связанными с их личными данными или данными их детей⁷. В ходе опросов было выявлено, что родители осторожно делятся информацией о своих детях на таких сайтах, как *Twitter* [8], однако многие не проверяют настройки приватности своих учетных записей в *Facebook* и не думают о проблемах конфиденциальности, связанных с этим сайтом, несмотря на то, что обычно они публикуют там большое количество материалов о своих детях [8]. Кроме того, опасность таится и в том, что чем больше информации о ребенке находится в открытом доступе в интернете, тем он более беззащитен перед такими негативными явлениями, как кибербуллинг, онлайн-груминг, внимание со стороны людей с психическими расстройствами.

Изучение поведения современных родителей в условиях информационного общества является актуальной и перспективной темой, так как иссле-

дования не всегда успевают за изменениями, происходящими с нами каждый день. Преимущества описанной нами информации мы видим в ее новизне и актуальной эмпирической основе статьи.

Перечислим основные **выводы**.

1. Современные родители располагают множеством интернет-платформ и информационных площадок, где у них есть возможность получить советы и рекомендации по воспитанию детей, найти поддержку и единомышленников, почувствовать себя частью сообщества, находясь в декретном отпуске, не оставаясь один на один со своими переживаниями. Кроме того, специальные мобильные приложения и мессенджеры позволяют родителям без лишних временных и денежных затрат находиться на связи со своими детьми, несмотря на расстояние.

2. В настоящее время среди родителей наблюдается тенденция к демонстрации своего родительства и детей. Растет количество не только родителей-блогеров, но и детей-блогеров. Блогинг из разновидности хобби превращается в полноценную работу и инструмент заработка. В последние годы самые успешные блогеры активно внедряют рекламу в свой контент, превращая блог в коммерческий проект, где описание собственного родительского опыта сочетается с конкретными рекомендациями по покупке тех или иных продуктов и товаров. Также стоит отметить, что среди блогеров доминирует установка на демонстрацию образа «идеального родительства»: подписчики видят только яркие и красочные фотографии из совместных семейных путешествий, большого дома со сказочными детскими комнатами и огромным количеством игрушек в них и др. Данное явление социологи называют «гламуризацией» детства и относятся к нему в большей степени негативно, так как обычные родители из-за искаженной картинки в интернете перестают верить в себя как в хорошего родителя и начинают воспринимать себя как «неправильных».

3. В силу активного проникновения информационных технологий в жизнь родителей и детей возникает проблема безопасности и конфиденциальности их персональных данных. Личная информация этих групп интернет-пользователей интересует производителей товаров для беременных, детских товаров и услуг, представителей других коммерческих структур по причине особой восприимчивости молодых родителей и детей к рекламе, так как личная информация о потенциальном

⁵ Vertesi J. My Experiment opting out of big data made me look like a criminal time [Electronic resource] // Time.com. URL: <http://time.com/83200/privacy-internet-big-data-opt-out/> (date of access: 15.09.2019).

⁶ Duggan M., Lehnhart A. Parents and social media [Electronic resource] // Pew Research Center. URL: <http://www.pewinternet.org/2015/07/16/parents-and-social-media/> (date of access: 14.09.2019).

⁷ Lupton D., Pedersen S. An Australian survey of women's use of pregnancy and parenting apps online [Electronic resource] // Women and Birth. URL: <http://dx.doi.org/10.1016/j.wombi.2016.01.008> (date of access: 14.09.2019).

потребителе позволяет правильно организовать стратегию ведения контекстной рекламы. Совсем другая опасность таится в анонимности интернет-пространства: никто из родителей, демонстрирующих фотографии и видео своих детей в социальных сетях (или создающих персональные страницы своих детей), не может быть уверен в том, кто именно просматривает их по ту сторону экрана и с какой

целью. Родители должны осознавать все опасности и следовать рекомендациям: не использовать геолокацию в местах, где они часто бывают с детьми, у себя дома, в их школе, не оставлять в открытом доступе адрес места жительства, адрес или номер школы, свой номер телефона и номер телефона ребенка. Также важно объяснять детям правила безопасного поведения в интернете.

Библиографические ссылки / References

1. Chen P, Aram D, Tannenbaum M. Forums for parents of young children: parents' online conversations in Israel and France. *International Journal About Parents in Education*. 2014;8(1):11–25.
2. Johnson S. Intimate mothering publics: comparing face-to-face support groups and internet use for women seeking information and advice in the transition to first-time motherhood. *Culture, Health & Sexuality*. 2015;17(2):237–251. DOI: 10.1080/13691058.2014.968807.
3. Hall W, Irvine V. E-communication among mothers of infants and toddlers in a community-based cohort: a content analysis. *Journal of Advanced Nursing*. 2009;65(1):175–183. DOI: 10.1111/j.1365-2648.2008.04856.
4. Madge C, O'Connor H. Mothers in the making? Exploring liminality in cyberspace. *Transactions of the Institute of British Geographers*. 2005;30(1):83–97.
5. Eriksson H, Salzmänn-Eriksson M. Supporting a caring fatherhood in cyberspace – an analysis of communication about caring within an online forum for fathers. *Scandinavian Journal of Caring Sciences*. 2013;27(1):63–69. DOI: 10.1111/j.1471-6712.2012.01001.x.
6. Ammari T, Schoenebeck S. Understanding and Supporting Fathers and Fatherhood on Social Media Sites. In: *Proceedings of the 33rd Annual ACM Conference on Human Factors in Computing Systems (CHI'15)*. New York: ACM Press; 2015. p. 1905–1914.
7. Gibson L, Hanson VL. Digital motherhood: how does technology help new mothers. In: *Proceedings of the SIGCHI Conference on Human Factors in Computing Systems (CHI'13)*. New York: ACM Press; 2013. p. 313–322. DOI: 10.1145/2470654.2470700.
8. Morris MR. Social Networking Site Use by Mothers of Young Children. In: *Proceedings of the 17th ACM Conference on Computer Supported Cooperative Work & Social Computing (CSCW'14)*. New York: ACM Press; 2014. p. 1272–1282. DOI: 10.1145/2531602.2531603.
9. Ammari T, Schoenebeck SY, Morris MR. Accessing social support and overcoming judgment on social media among parents of children with special needs. In: Adar E, Resnick P, editors. *Proceedings of the 8th International Conference on Weblogs and Social Media; 2014 June 1–4; Michigan, USA*. Palo Alto: AAAI Press; 2014. p. 22–31.

Статья поступила в редколлегию 30.09.2019.
Received by editorial board 30.09.2019.

СЕКСУАЛЬНАЯ АКТИВНОСТЬ ПОКОЛЕНИЯ Z

В. А. ПОЛИКАРПОВ¹⁾, К. С. МИХАЙЛОВИЧ²⁾, М. Г. ЛИЧКО³⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

²⁾ООО «Техартгрупп», ул. Толстого, 10, 220007, г. Минск, Беларусь

³⁾Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, 119991, г. Москва, Россия

Установлена тенденция отказа поколения Z от секса. На основе репрезентативного социологического исследования доказано, что процент лиц, дистанцирующихся от секса, растет. Раскрыта причина этого явления: себя проявляют законы поддержания демографического оптимума населения. Зависимые от плотности популяции факторы регулируют численность населения и обеспечивают ее равновесие.

Ключевые слова: сексуальное поведение; социальная жизнь; асексуалы; сексуальная контрреволюция; девственности; природное; социальное; гомеостазис; принцип органической целесообразности; влечение к сохранению вида; эмоциональные состояния; инстинкт; сознание; демографический оптимум населения.

GENERATION Z SEXUAL ACTIVITY

V. A. POLIKARPOV^a, K. S. MIKHAILOVICH^b, M. H. LICHKO^c

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

^bLLC «Techartgroup», 10 Talstoha Street, Minsk 220007, Belarus

^cLomonosov Moscow State University, 1 Leninskie gory, Moscow 119991, Russia

Corresponding author: K. S. Mikhailovich (kriptgo@gmail.com)

It has been established that there is a tendency for generation Z to refuse sex. Based on a representative sociological research, it is proved that the percentage of people who distance themselves from sex is growing. The reason for this phenomenon is disclosed. The laws of maintaining the demographic optimum of the population manifest themselves in it. Dependent on population density factors regulate the population and ensure its balance.

Keywords: sexual behavior; social life; asexuals; sexual counterrevolution; virgins; natural; social; homeostasis; the principle of organic expediency; the desire to preserve the species; emotional states; instinct; consciousness; demographic optimum of the population.

Зарубежные исследователи обнаружили необычный феномен. В западном мире в среде молодежи происходит переоценка отношения к сексу.

Секс, как одна из приоритетных констант социальной жизни, отодвигается на задний план или вообще отвергается. Хочется в шутку сказать о на-

Образец цитирования:

Поликарпов ВА, Михайлович КС, Личко МГ. Сексуальная активность поколения Z. Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2019;4: 113–121.

For citation:

Polikarpov VA, Mikhailovich KS, Lichko MH. Generation Z sexual activity. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2019;4:113–121. Russian.

Авторы:

Владимир Алексеевич Поликарпов – кандидат психологических наук, доцент; доцент кафедры психологии факультета философии и социальных наук.

Кирилл Сергеевич Михайлович – инженер-программист.

Максим Геннадьевич Личко – научный сотрудник лаборатории-кафедры практической философии времени Института исследований природы времени.

Authors:

Vladimir A. Polikarpov, PhD (psychology), docent; associate professor at the department of psychology, faculty of philosophy and social sciences.

polikarpoff2@yandex.ru

Kirill S. Mikhailovich, software engineer.

kriptgo@gmail.com

Maxim H. Lichko, researcher at the laboratory-chair of practical philosophy of time at the Institute for the study of nature of time.

чавшейся сексуальной контрреволюции. Но в шутку ли?

По данным американского исследования *Declines in Sexual Frequency among American Adults, 1989–2014*, в начале 2010 г. американцы занимались сексом за год в 9 раз меньше по сравнению с концом 1990-х гг. [1]. В ходе третьего Национального исследования сексуальных отношений и образа жизни (*National Survey of Sexual Attitudes and Lifestyles*, далее – NATSAL), проведенного в Великобритании, было установлено, что в среднем люди в возрасте 16–44 лет занимаются сексом чуть менее 5 раз в месяц (для сравнения приведем показатели предыдущего исследования, проведенного в 2000 г.: 6,2 раза в месяц для мужчин и 6,3 раза – для женщин [2]). Отсутствие интереса к сексу было зафиксировано в рамках NATSAL у мужчин (14,9 %) и женщин (34,2 %), когда их спросили об опыте за предыдущий год. Примерно половина женщин и 4 из 10 мужчин сообщили, что в последнее время у них возникли сексуальные проблемы, однако лишь каждый десятый респондент заявил, что он обеспокоен своей сексуальной жизнью. Австралий-

ское исследование (*Australian Study of Health and Relationships*) показало, что люди в гетеросексуальных отношениях занимаются сексом в среднем 1,4 раза в неделю [3] (в 2003 г. этот показатель составлял 1,8 раза в неделю). В 2013 г. 45 % женщин в возрасте от 16 до 24 лет «не интересовались или презирали сексуальные контакты» и более четверти мужчин чувствовали то же самое [4]. В статье [5] хорошо описаны причины снижения сексуальной активности и приведена статистика этого явления: в числе прочего указывается увеличение количества порнографических материалов, «лишней» информации, рост рабочей нагрузки и повышение уровня жизни. По данным исследования *National Survey of Family Growth* (2011 г.), вероятность того, что в прошлом году у мужчин, имеющих высшее образование, было 4 или более партнеров (в 2 раза ниже, чем у мужчин, имеющих только среднее образование) [6]. В данном контексте показательны результаты международного лонгитюдного исследования (*General Social Survey*). В качестве респондентов были выбраны люди в возрасте 22–35 лет [7], не занимавшиеся сексом последний год (рис. 1).

Рис. 1. Диаграмма исследования *General Social Survey*.

Примечание. Красными линиями обозначены женщины, синими – мужчины, точками – люди, не вступавшие в брак, сплошными линиями – люди в браке.

Источник: [6]

Fig. 1. *General Social Survey* study results.

Note. Women are marked by red lines, men are marked by blue lines, persons who have never been married are marked by dotted line, married persons are marked by solid line.

Source: [6]

Такая же статистика для неженатых мужчин в возрасте 22–35 лет наблюдается в различных исследованиях (GSS, NHANES, NSFG) (см. рис. 2).

Интересно, что в NSFG был вопрос для мужчин, которые никогда не занимались сексом, почему они до сих пор девственники.

Доля девственников из-за страха перед ЗППП снизилась с 0,8 до 0,4 %, а доля воздержавшихся из-за страха зачатия возросла с 0,1 до 0,5 %. Доля людей, находившихся в отношениях, у которых не было подходящего момента, упала с 0,8 до 0,4 %. Между тем доля девственников, не нашедших под-

ходящего партнера, выросла с 3,6 до 4 %, а доля тех, кто приводит другие причины, увеличилась с 1,6 до 2,5 %.

Также было установлено, что доля девственников среди более образованных молодых людей несколько больше: это верно как для мужчин, которые классифицируются как невольные холостяки (религия и неудачные попытки), так и особенно для тех, кто является холостяком добровольно.

В отчете американского Центра по контролю и профилактике заболеваний среди молодежи [8] приводятся следующие данные: в период с 1991 по 2017 г., по данным опроса, доля учащихся старших

классов, имеющих половые контакты, снизилась с 54 до 40%.

В Нидерландах средний возраст, в котором люди впервые вступают в половую связь, вырос с 17,1 года в 2012 г. до 18,6 года в 2017 г., другие виды физического контакта (в том числе поцелуи) были исключены.

В 2001 г., по данным одного из самых авторитетных в мире исследований *Britain's National Survey of Sexual Attitudes and Lifestyles*, сообщалось, что люди в возрасте от 16 до 44 лет занимались сексом в среднем более 6 раз в месяц. К 2012 г. этот показатель снизился до 5 раз.

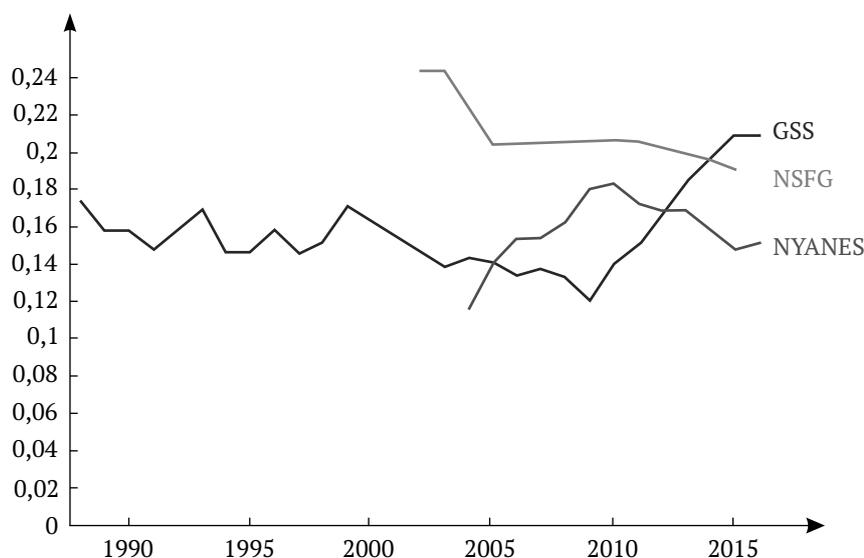

Рис. 2. Сравнение опросов GSS, NHANES, NSFG.

Источник: [6]

Fig. 2. Comparison chart of GSS, NHANES, NSFG surveys.

Source: [6]

В данном контексте следует упомянуть Японию, где существуют проблемы фертильности. Страна находится в разгаре демографического кризиса и стала чем-то вроде субъекта тематического исследования об опасностях бесполого секса. В 2005 г. треть одиноких японцев в возрасте от 18 до 34 лет были девственниками; в 2015 г. данный показатель составил 43 %.

Чтобы объяснить этот феномен, вернемся к давней проблеме соотношения природного и социального в человеке. Надо сказать, что это не проблема субстрата – того, из чего человек построен, это проблема детерминации его развития и поведения.

С точки зрения субстрата, в человеке нет ничего, кроме природного, биологического. Тело человека – это и есть его душа. Мозг и психика – предметно одна и та же реальность. Но это особая биология, она полностью социальна. Фило- и онтогенетически она целиком сформирована социальным и в своем существовании полностью детерминирована им. В этом контексте можно сказать,

что в человеке нет ничего, кроме социального. Итак, социальное – это не надстройка над биологическим, это биологическое, ставшее социальным, сохраняющее в привычном понимании все свои основные законы, остающееся при этом по своей сути биологическим, но действующим в социальном и через социальное. Например, чтобы жить, человек должен принимать пищу, дышать, как и любое живое существо. Эти процессы связаны с необходимостью поддержания гомеостатического равновесия со средой. Но пища, которую человек употребляет, производится в обществе и является продуктом его культурного развития. Дыхание осуществляется прямоходящим существом, совершающим работу или какую-либо другую человеческую деятельность, которая также является продуктом социального развития. Итак, общие законы жизни и природы не перестают действовать на уровне социального. Они функционируют в специфической, превращенной форме как наиболее общие принципы, организующие со-

циальную жизнь и придающие ей биологическую целесообразность.

Один из таких принципов, без которого не могла бы произойти эволюция человека, – принцип органической целесообразности. Он гласит: «Любой индивид всегда органически целесообразен среде своего обитания». Человек тоже органически целесообразен среде своего обитания – второй природе, как назвал ее Гегель, жизни в обществе. Человек имеет развитый речевой аппарат, отвечающий необходимости активно общаться с себе подобными, опору на две конечности, чтобы освободить другие две – для выполнения работы и т. п.

Можно ли отыскать такое общее для человеческого рода (а может быть, и для всего живого) влечение, которое придавало бы его жизнедеятельности целесообразность? Мы сказали, что природное действует в социальном. Итак, во всех проявлениях природного мы найдем нечто общее – влечение к сохранению вида. Жизнь есть высшая, конечная и единственная цель жизни. Быть – универсальный закон всего сущего, в том числе и человеческого сообщества. Это общее универсальное влечение, пронизывающее всю жизнедеятельность человека по сути социально, так как вид социален. В этом смысле влечение к сохранению вида, как абстрактный принцип, стоит вне нравственности. Он тождественен самой жизни и может быть принят как ее определение. История науки знает такие попытки. Так, в конце XVII в. французский ученый П. Бейль определил жизнь как сопротивление смерти.

Не надо специально доказывать, что половые отношения людей (отношения полов) также соответствуют требованиям влечения к сохранению вида.

Влечение к сохранению вида существует как общий закон нормально функционирующего человека (но не общества, которое функционирует по своим специфическим законам). Конкретно в человеческом существе оно присутствует как система витальных (жизненных) влечений, главными из которых являются следующие: влечение к самосохранению, вытекающее из него влечение к борьбе, влечение к продолжению вида. Их специфика такова, что они не содержат в себе информацию о предмете своего удовлетворения. Они являются лишь абстрактными требованиями общего характера, намечающими тенденции человеческой деятельности, и включаются в зависимости от отражения значения каждой конкретной жизненной ситуации. Как правило, эти влечения не осознаются, а переживаются человеком как эмоциональные состояния.

Теперь отметим, что в описываемой ситуации еще не просматривается личность, конкретный человек. Личность, индивидуальность формируется в процессе включения человека в различные виды деятельности, предлагаемые ему обществом,

соответствующие индивидуальным особенностям каждого отдельного человека и осуществляемые на различных уровнях общения с другими людьми. В деятельности формируются и конкретные человеческие потребности, отвечающие требованиям указанных влечений. Отметим, что наличием биологических закономерностей, хотя и действующих в социальном, природа человека не исчерпывается. Есть еще специфические, сугубо социальные законы, присущие только человеческому сообществу, которые являются доминирующими для человека, определяют конкретные формы его существования и развития. И здесь, наконец, мы подходим к ответу на вопрос: «В чем причина отказа человека от секса?»

С появлением и развитием социального происходит освобождение человеческого существа от инстинктов. Инстинкт отличается от влечения тем, что в нем наследственно закреплена не только импульс к действию, но и структура самого действия. Инстинкт – это наследственная стереотипная реакция [9, с. 124]. С появлением сознания, главного социального качества человека, врожденные структуры действия, обеспечивающие витальные потребности, отмирают. Они и не могут помочь в чрезмерно усложнившемся, быстро меняющемся мире людей. Теперь структуры деятельности должны вырабатываться человеческим сознанием, силой его творческой активности каждый раз заново. Но сознание – это сугубо специфическое явление, чисто социальное, не содержащее в себе уже ничего биологического. Это проекция социального на психику человека. Оно детерминировано только социальными, специфическими закономерностями, которые никак не содержат в себе влечения к сохранению вида. Сознание, свободно распоряжаясь влечениями человека, может превратить их в источник наслаждений (в этом выборе само сознание не свободно, оно детерминировано культурой, навязывающей свой стиль поведения, выгодный, например, индустрии развлечений). Так, сексуальное влечение может использоваться в русле, совершенно противоположном принципу сохранения вида, и сопровождаться стремлением избежать зачатия, частой сменой половых партнеров, применением противоестественных, способных нанести вред психическому здоровью партнера форм сближения и т. п. Сознание вступает в противоречие с влечениями, возникает опасность нарушения принципа сохранения вида. Поэтому однажды влечение взрывает сложившуюся рациональность сознания, подчиняя его своим требованиям, заставляя формировать адекватные себе структуры поведения. В условиях чрезмерного роста населения, нарушающего его демографический оптимум, природное в человеке блокирует сексуальное влечение или отклоняет его в непродуктивное русло.

Биологическое регулирование (динамическое равновесие, гомеостаз) популяции, или ее автоматическое саморегулирование, абиотические факторы, независимые от плотности популяции, вызывать не могут, если они действуют изолированно от биотических. Только зависимые от плотности популяции факторы в состоянии регулировать ее численность и обеспечивать равновесие.

Все биологические системы характеризуются большей или меньшей способностью к саморегуляции, т. е. к гомеостазу. С помощью саморегуляции поддерживается в целом существование каждой системы: ее состав и структура, характерные внутренние связи и преобразования в пространстве и времени. Такими гомеостатическими системами являются прежде всего каждая отдельная особь, а затем – популяция. Поскольку саморегулирующиеся системы не замкнуты, они активно взаимодействуют с внешней средой и поэтому подвержены изменениям. Изменения бывают не только циклическими с возвратом к исходному состоянию, но и исторически необратимыми. Однако и те, и другие регулируются в направлении сохранения системы, в рассматриваемом случае – популяции.

Саморегулирование популяции осуществляется действующими в природе двумя взаимно уравновешивающимися буферными силами. Это, с одной стороны, свойственная организмам способность к размножению, с другой – зависящие от плотности популяции реакции, ограничивающие воспроизводство.

Нами был использован метод анкетного опроса для получения данных о сексуальной активности поколения Z в Республике Беларусь. Объектом исследования стали столичные высшие учебные заведения.

Для сбора данных был использован онлайн-опросник, созданный на базе *Google Forms*. Таким образом, чтобы пройти опрос, человеку нужно было иметь лишь необходимую ссылку. Данные ссылки были разосланы в социальной сети *ВКонтакте* в тематические группы различных университетов, расположенных в г. Минске, что позволило в короткие сроки набрать достаточно большое количество ответов. Популярность опроса практически угадала, когда число ответов составляло около 2000. Данное количество ответов является репрезентативной выборкой, поэтому было принято решение перейти к обработке данных. Безусловно, в данных присутствовали абсолютно некорректные ответы, специально вводимые пользователем. С помощью инструментария языка программирования *Python* все они были удалены. Также исключались ответы, которые оставили люди, не получающие либо не имеющие высшего образования, возраст опрошиваемых был ограничен интервалом от 17 до 25

лет. Таким образом выборка была сужена, но стала более репрезентативной: в нее вошли люди 17–25 лет, получающие/получившие высшее образование. Эти признаки и определили в дальнейшем специфику исследования. Опрос являлся анонимным, поэтому проходившему его человеку не имело смысла завышать либо занижать ответы на вопросы. Все подсчеты и визуализация полученных данных проводились с помощью инструментария *Python*. Результаты превзошли все ожидания.

После удаления некорректных ответов и сужения выборки в нее вошли 855 девушек и 607 юношей. Данные по полу репрезентативны. В группе юношей 37,2 % являются девственниками, 63,8 % – не девственники. У девушек эти показатели соотносятся как 36,4 и 63,6 % соответственно. Интересно, что преподаватели воспринимают своих студентов как взрослых, опытных людей и часто общаются с ними соответствующим образом, позволяя себе шутки или прямые обсуждения сексуальной тематики, как будто имеют дело со своими ровесниками. Они не догадываются, что значительная часть студентов воспринимает их в таких случаях совершенно иначе.

Рассмотрим группу девственников. Среди юношей 11,5 % пробовали вступать в половые отношения, среди девушек – 15,1 %. Все эти попытки были неудачными.

Состояние девственности является довольно травматичным психологически: 24,3 % юношей (почти каждый четвертый) испытывают по этому поводу чувство стыда. Девушки относятся к девственности спокойнее. На вопрос: «Испытываешь ли ты чувство стыда, связанное с девственностью?» – положительно ответили 17 % респондентов. При этом сексуальная потребность остается во многом абстрактной, не опредмеченной: 33,2 % юношей и 52,1 % девушек на вопрос: «Хотел(а) бы заняться сексом с кем-нибудь конкретным?» – ответили отрицательно. В то же время у 89,4 % юношей и у 79,4 % девушек постоянно возникает сексуальное влечение. Напомним, речь идет о девственниках.

Каковы же причины воздержания? На вопрос: «Что тебя удерживает от половых отношений?» – ответы распределились следующим образом. У юношей: «Не нашел “нужного человека”» – 53,1 %; «Нет времени» – 21,2 %; «Пугает неудачный опыт» – 2,7 %; «Пугает, что не получится» – 9,7 %; «Стесняюсь своей внешности» – 13,3 %. У девушек: «Не нашла “нужного человека”» – 59,5 %; «Нет времени» – 14,5 %; «Стесняюсь своей внешности» – 17,7 %; «Пугает неудачный опыт» – 7,4 %; «Боюсь, что не получится» – 1 %.

Теперь обратимся к группе не девственников. На рис. 3 представлен возраст начала половой жизни, пик его приходится на 16–18 лет.

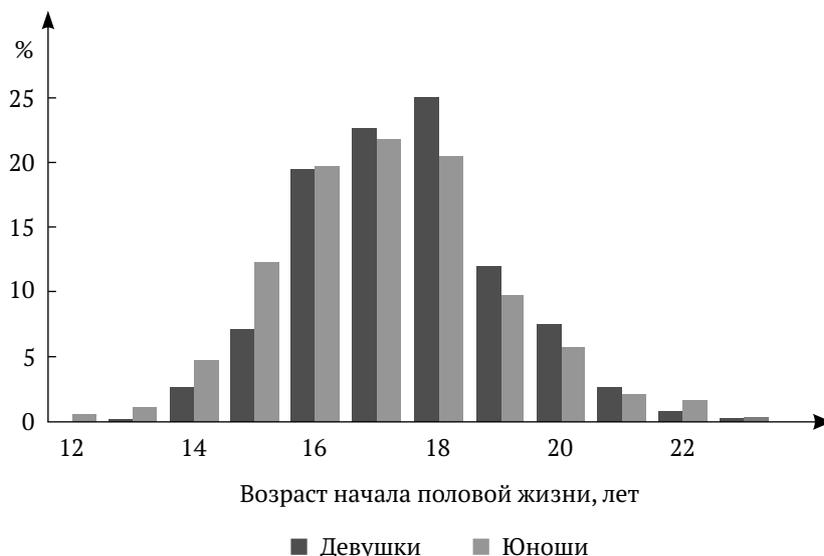

Рис. 3. Возраст начала половой жизни
 Fig. 3. Age of onset of sexual activity

На рис. 4 отображено количество половых партнеров у юношей и девушек. Отметим, что 7,9 % юношей, имеющих сексуальный опыт, не испытывают оргазм. У девушек с сексуальным опытом этот показатель составляет 37,7 %.

Рассмотрим, наконец, природную компоненту сексуальных отношений. На вопрос: «Возникает ли у тебя сексуальное влечение?» – 89,4 % юношей-девственников ответили положительно, у девушек-девственниц этот показатель составил 79,4 % (для сравнения: у не девственников – 96,9 %, у не девственниц – 95,0 %). При таком напряжении потребности в случае отсутствия партнера естественным выходом является мастурбация. На соответствующий вопрос были получены следующие ответы. Среди юношей-девственников мастурбируют

92,0 %, среди не девственников – 89,5%; у девушек-девственниц этот показатель составил 53,7 %, у не девственниц – 66,4%. На рис. 5 и 6 представлено количество мастурбаций в неделю.

Кроме влечения, к природным факторам можно отнести его объект – внешнюю привлекательность. Интересно, что у юношей положительная оценка своей внешности встречается чаще, чем у девушек. 51,3 % девственников и 50,7 % не девственников заявили, что довольны своей внешностью, и, соответственно, 21,4 и 20,5 % не довольны. У девушек среди девственниц только 39,9 % довольны своей внешностью, а 36,75 % не довольны; среди не девственниц внешностью довольны 48,2 % и не довольны 20,6 %. Таким образом, здесь имеются серьезные отличия.

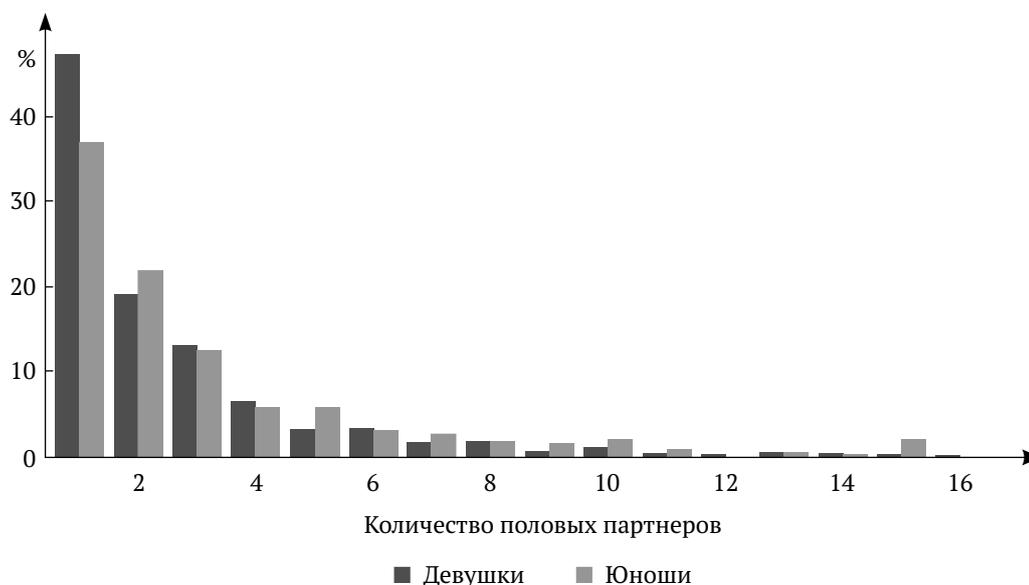

Рис. 4. Количество половых партнеров у юношей и девушек
 Fig. 4. The number of sexual partners of young men and girls

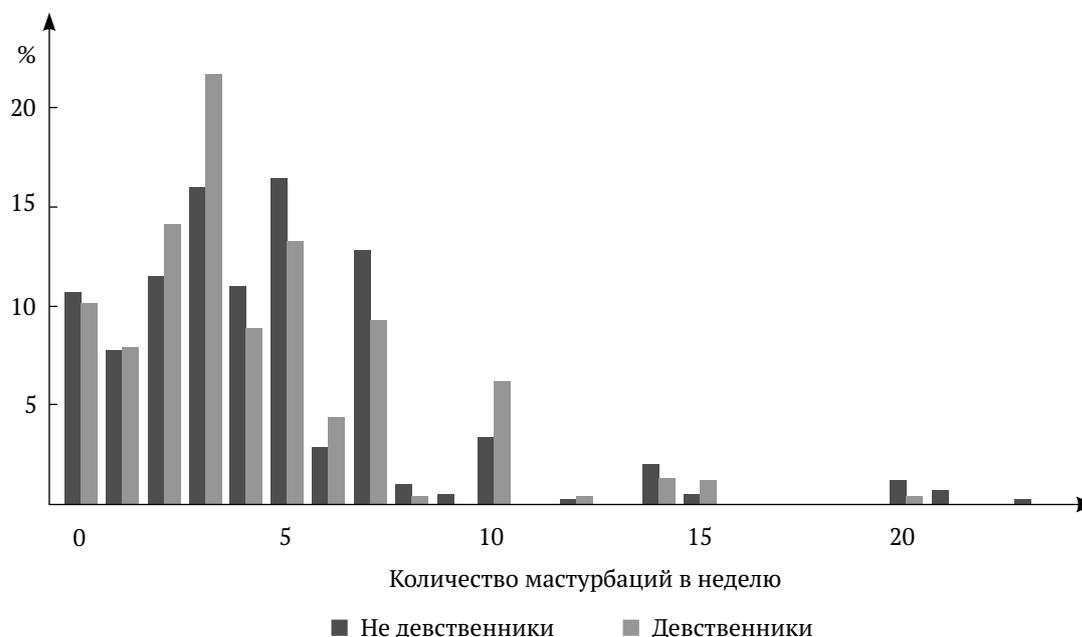

Рис. 5. Количество мастурбаций у ведущих и не ведущих половую жизнь юношей
Fig. 5. The number of masturbation of leading and not leading sexual life young men

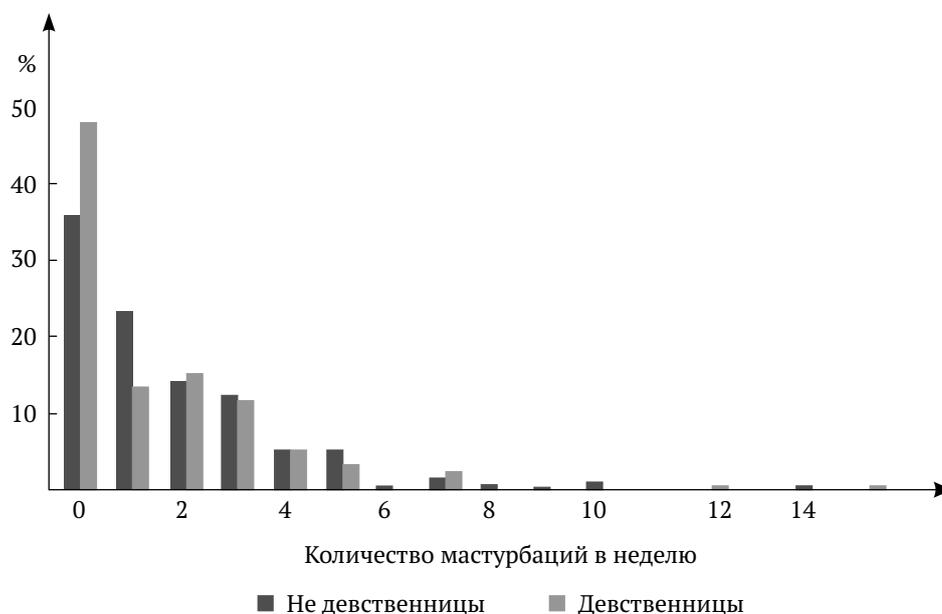

Рис. 6. Количество мастурбаций у ведущих и не ведущих половую жизнь девушек
Fig. 6. The number of masturbation of leading and not leading sexual life girls

Можно добавить, что оптимальный возраст для начала половой жизни, по мнению девственников, – около 18 лет. Это может работать как защитная реакция, ведь у не девственников эти показатели на 1–2 года меньше (рис. 7, 8).

Завершим наш обзор анализом отношения поколения Z к рождению детей. Респондентам задавался вопрос: «Хочешь ли ты детей?». Варианты ответов были предложены следующие: «Уже есть»; «Да»; «Когда-нибудь в будущем»; «Да сейчас»; «Нет». Ответы распределились следующим образом. Не хотят иметь детей 25,2 % девственников

и 26,0 % девственниц, 73,6 % юношей-девственников ответили: «Да, в будущем». Девушек-девственниц, выбравших такой ответ, – 72,7 %. Прямо сейчас хотели бы иметь детей 1,3 % юношей и 0,8 % девушек. Среди не девственников картина немного иная. Не хотят иметь детей 20,6 % юношей и 17,5 % девушек. Хотят иметь детей когда-нибудь в будущем 78,5 % юношей и 77,8 % девушек. Прямо сейчас хотят иметь детей 1,0 % юношей, 4,0 % девушек.

Эти показатели отражают нашу демографическую перспективу.

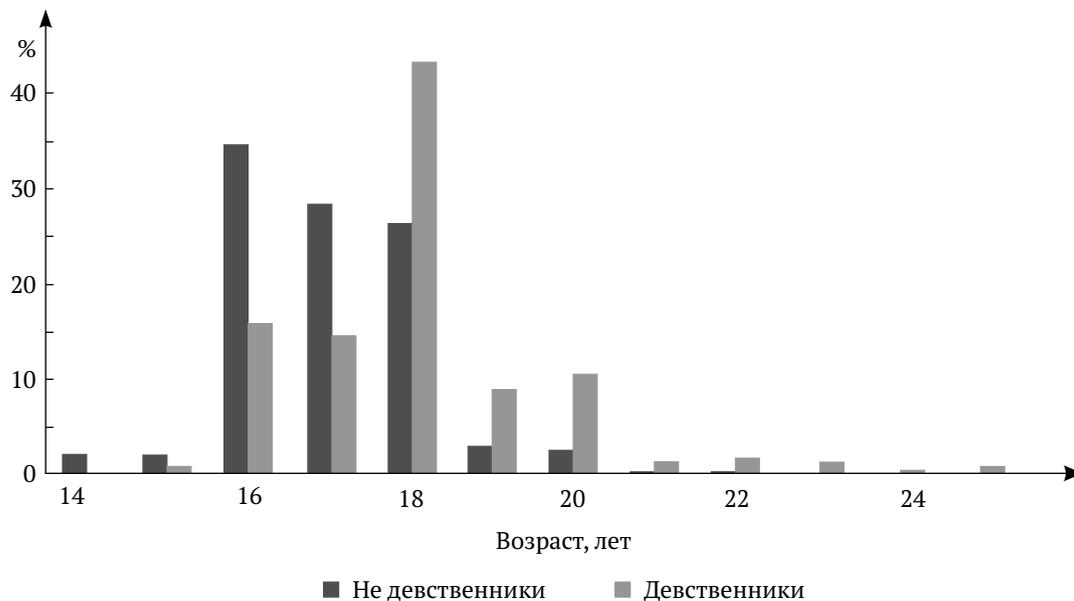

Рис. 7. Оптимальный возраст для начала половой жизни, по мнению юношей

Fig. 7. The optimal age of deprivation of virginity according to young men

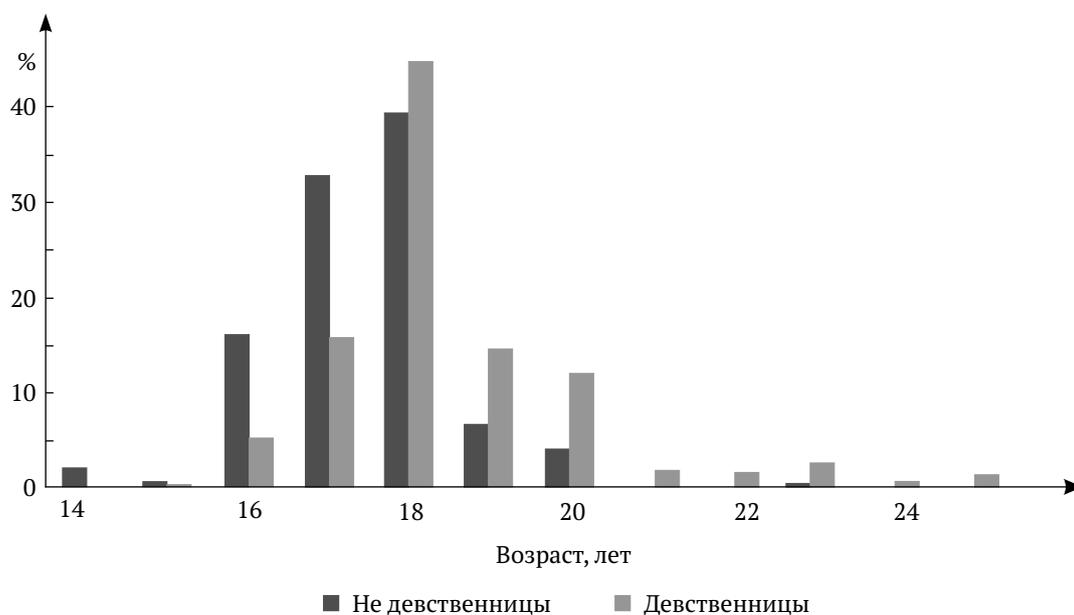

Рис. 8. Оптимальный возраст для начала половой жизни, по мнению девушек

Fig. 8. The optimal age of deprivation of virginity according to girls

Вернемся к вопросу асексуальности. 10,6 % девственников и 20,6 % девственниц не испытывают сексуального влечения. Для людей, имевших половой акт, эти показатели составляют 3,1 и 5,6 % соответственно. С другой стороны, лишь 1,7 % девственников, 0,3 % не девственников, 5,1 % девственниц и 1,9 % не девственниц признают себя асексуалами.

Таким образом, гипотеза об угасании сексуальной активности у белорусской молодежи и появлении так называемых асексуалов подтвердилась (появились люди, которые признают себя асексуалами). Люди, рожденные после 1995 г., позже лишаются девственности и реже занимаются сексом. Все больше людей сознательно отказываются от секса. Мы бы назвали это сексуальной контрреволюцией.

Библиографические ссылки

1. Declines in sexual frequency among American adults, 1989–2014. *Archives of Sexual Behavior*. 2017;46(8):2389–2401. [Internet; cited 2018 August 2]. Available from: [pringehttps://link.springer.com/article/10.1007/s10508-017-0953-1](https://link.springer.com/article/10.1007/s10508-017-0953-1).
2. Australians are having sex less often than a decade ago. *The Conversation. Academic rigour, journalistic flair*. 2014 November 7. [Internet; cited 2018 August 12]. Available from: <http://theconversation.com/australians-are-having-sex-less-often-than-a-decade-ago-33935>.
3. Sanders K. A startling stat that checks out: 46 percent of young women in Japan are averse, uninterested in sex. Pundit fact. 2015 June 23. [Internet; cited 2019 January 30]. Available from: <https://www.politifact.com/punditfact/statements/2015/jun/23/aziz-ansari/startling-stat-checks-out-46-percent-young-women-j>.
4. Copland S. The many reasons that people are having less sex. *BBC Future*. 2017 May 9. [Internet; cited 2019 January 3]. Available from: <http://www.bbc.com/future/story/20170508-the-many-reasons-that-people-are-having-less-sex>.
5. Friedman LF. Sex: intelligent intercourse. Why smarties have less sex. *Psychology Today*. 2011 July 3. [Internet; cited 2019 January 30]. Available from: <https://www.psychologytoday.com/intl/articles/201107/sex-intelligent-intercourse>.
6. Male sexlessness is rising but not for the reasons incels claim. *Institute for Family Studies*. 2018;3 [Internet; cited 2019 May 17]. Available from: <https://ifstudies.org/blog/number-3-in-2018-male-sexlessness-is-rising-but-not-for-the-reasons-incels-claim>.
7. Julian K. Why are young people having so little sex? *The Atlantic*. [Internet; cited 2019 May 17]. Available from: <https://www.theatlantic.com/magazine/archive/2018/12/the-sex-recession/573949/>.
8. Trends in the prevalence of sexual behaviors and hiv testing national YRBS: 1991–2015. *National Center for HIV/AIDS, Viral Hepatitis, STD, and TB Prevention*. [Internet; cited 2019 May 17]. Available from: https://www.cdc.gov/healthyouth/data/yrbs/pdf/trends/2015_us_sexual_trend_yrbs.pdf.
9. Рубинштейн СЛ. *Основы общей психологии. Том 1*. Москва: Педагогика; 1989. 488 с.

References

1. Declines in sexual frequency among American adults, 1989–2014. *Archives of Sexual Behavior*. 2017;46(8):2389–2401 [Internet; cited 2018 August 2]. Available from: [pringehttps://link.springer.com/article/10.1007/s10508-017-0953-1](https://link.springer.com/article/10.1007/s10508-017-0953-1).
2. Australians are having sex less often than a decade ago. *The Conversation. Academic rigour, journalistic flair*. 2014 November 7. [Internet; cited 2018 August 12]. Available from: <http://theconversation.com/australians-are-having-sex-less-often-than-a-decade-ago-33935>.
3. Sanders K. A startling stat that checks out: 46 percent of young women in Japan are averse, uninterested in sex. Pundit fact. 2015 June 23. [Internet; cited 2019 January 30]. Available from: <https://www.politifact.com/punditfact/statements/2015/jun/23/aziz-ansari/startling-stat-checks-out-46-percent-young-women-j>.
4. Copland S. The many reasons that people are having less sex. *BBC Future*. 2017 May 9. [Internet; cited 2019 January 3]. Available from: <http://www.bbc.com/future/story/20170508-the-many-reasons-that-people-are-having-less-sex>.
5. Friedman LF. Sex: intelligent intercourse. Why smarties have less sex. *Psychology Today*. 2011 July 3. [Internet; cited 2019 January 30]. Available from: <https://www.psychologytoday.com/intl/articles/201107/sex-intelligent-intercourse>.
6. Male sexlessness is rising but not for the reasons incels claim. *Institute for Family Studies*. 2018;3 [Internet; cited 2019 May 17]. Available from: <https://ifstudies.org/blog/number-3-in-2018-male-sexlessness-is-rising-but-not-for-the-reasons-incels-claim>.
7. Julian K. Why are young people having so little sex? *The Atlantic* [Internet; cited 2019 May 17]. Available from: <https://www.theatlantic.com/magazine/archive/2018/12/the-sex-recession/573949/>.
8. Trends in the prevalence of sexual behaviors and hiv testing national YRBS: 1991–2015. *National Center for HIV/AIDS, Viral Hepatitis, STD, and TB Prevention*. [Internet; cited 2019 May 17]. Available from: https://www.cdc.gov/healthyouth/data/yrbs/pdf/trends/2015_us_sexual_trend_yrbs.pdf.
9. Rubinstein SL. *Osnovy obshchei psikhologii. Tom 1* [The basics of psychology. Volume 1]. Moscow: Pedagogika; 1989. 488 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 27.08.2019.
Received by editorial board 27.08.2019.

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СПОРТСМЕНОВ-УЧАЩИХСЯ И ИХ РИСКИ ПРИ ПЕРЕХОДЕ КО ВТОРОЙ КАРЬЕРЕ

И. В. МИРОНЦОВ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Рассмотрены риски, связанные с переходом ко второй карьере в условиях неполной реализации образовательного потенциала спортсменами-учащимися. Основываясь на данных эмпирического исследования, проведенного среди окончивших спортивную карьеру белорусских атлетов международного уровня, исходя из их свидетельств, демонстрируются существующие барьеры в школьном, среднем специальном и высшем образовании молодых спортсменов, затрудняющие реализацию ими своего образовательного потенциала. Обозначается актуальность данной проблемы и необходимость ее проработки в рамках разрабатываемой Стратегии развития государственной молодежной политики Республики Беларусь на 2020–2030 гг.

Ключевые слова: образование спортсменов; молодежь; среднее специальное образование; высшее образование; социальные риски; вторая карьера.

THE EDUCATIONAL POTENTIAL OF STUDENT ATHLETES AND THEIR RISKS IN THE TRANSITION TO A SECOND CAREER

I. V. MIRONTSOV^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

This article is about risks associated with the transition to a second career in conditions of incomplete realization of educational potential by athlete-students. Based on the material of an empirical research conducted among Belarusian athletes of international level who finished their sport careers, demonstrates the existing barriers at the level of school, secondary specialized and higher education of young athletes, which make it difficult for them to realize their educational potential. The relevance of this problem is indicated and necessity for elaboration within the framework of the development Strategy for the development of state youth policy of the Republic of Belarus for 2020–2030.

Keywords: education of athletes; youth; specialized secondary education; higher education; social risks; second career.

Введение

Спортсмены элитного уровня, в особенности олимпийцы, посвящают большую часть своей жизни спорту и постоянным тренировкам. Однако их спортивная карьера, как правило, длится относительно короткий промежуток времени, по истечении которого они либо больше не могут выступать, либо, по какой-то иной причине, решают уйти из

элитного соревновательного спорта. На этом этапе им необходимо найти другой способ зарабатывать себе на жизнь, что неминуемо сталкивает их с неизбежностью выстраивания второй карьеры – жизненного этапа, связанного с уходом из спорта и характеризующегося кардинальной сменой профессионального статуса и необходимостью адапта-

Образец цитирования:

Миронцов ИВ. Образовательный потенциал спортсменов-учащихся и их риски при переходе ко второй карьере. Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2019;4:122–127.

For citation:

Mirontsov IV. The educational potential of student athletes and their risks in the transition to a second career. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2019;4: 122–127. Russian.

Автор:

Игорь Валерьевич Миронцов – аспирант кафедры социологии факультета философии и социальных наук. Научный руководитель – доктор социологических наук, профессор Д. К. Безнюк.

Author:

Igor V. Mirontsov, postgraduate student at the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences. mirontsov@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0001-6143-9437>

ции к нему. Независимо от того, связана ли вторая карьера со спортом, переход к новой профессии (пусть даже это профессия тренера) требует предварительной подготовки, наращивания социального и профессионального капитала путем приобретения основных компетенций, навыков и опыта.

Одним из ключевых аспектов, влияющих на подобный переход, является характер непрерывно меняющегося рынка труда, особенно с точки зрения растущих технологических потребностей и изменений, произошедших в последней четверти XX в. Современный рынок труда нуждается в людях, обладающих способностью создавать стоимость, имеющую в своей основе не материальный, а интеллектуальный актив. Поэтому особенно ценятся работники, способные обрабатывать информацию, адаптироваться к изменениям, обладающие талантом формализации и абстракции, а также имеющие высокую квалификацию. Напротив, востребованность лиц, которым не хватает профессиональной подготовки и которые занимаются программными вспомогательными задачами, будет постепенно снижаться. Такая социальная дуализация влечет за собой преобразования в структуре занятости и приводит к тому, что образовательный потенциал индивида становится ключевым элементом, поскольку именно он обуславливает доступ к средствам информации и производства и способность ими распоряжаться.

Образовательный потенциал, являясь значимым критерием профессионального и личного развития индивида, представляет собой совокупность знаний, умений, навыков и возможностей, ретранслируемых образованием для наиболее эффективного функционирования общественной системы, а также отражает возможность и готовность учащихся к генерации новых знаний [1, с. 57]. Образовательный потенциал включает в себя такие компоненты, как отношение в целом к институту образования, текущая успеваемость и участие в деятельности образовательного учреждения, мотивация к получению образования и склонность к научному творчеству.

Материалы и методы

Указанный выше перечень рисков, затрагивающих будущий переход ко второй карьере спортсменов-учащихся, был инспирирован итогами авторского исследования, проводимого среди более старших и опытных белорусских спортсменов международного уровня. Критериями для включения атлетов в выборочную совокупность являлись срок, прошедший с момента окончания ими спортивной карьеры (минимум 2 года), а также наличие опыта выступлений на международном уровне и (или) в составе национальной команды Республики Бе-

Хотя последние десятилетия рост уровня образования в Беларуси наблюдается практически на всех его ступенях (кроме среднего специального), при этом отмечается стагнация большинства его качественных показателей, среди которых и уровень получаемых знаний, и личностные характеристики учащихся, и возможности их самореализации в выбранной сфере [2, с. 30].

Приведенное выше утверждение в полной мере относится к ситуации с образованием спортсменов, обучающихся в спортивных детско-юношеских школах олимпийского резерва (СДЮШОР), училищах олимпийского резерва (УОР), а также продолжающих учебу на базе учреждений высшего образования. В рамках авторского исследования, направленного на изучение стратегий перехода белорусских спортсменов международного уровня на новые карьерные траектории после своего ухода из спорта, был выявлен ряд рисков, затрудняющих успешную реализацию учащимися подобного рода учебных заведений своего образовательного потенциала. Эти риски носят комплексный характер, и связаны они с превалирующей в сторону тренировочной и соревновательной, но не образовательной деятельности ориентацией учебных планов и учебной деятельности в целом; потерей актуальности тех знаний, которые получают спортсмены-учащиеся в перерывах между занятиями спортом; недостаточно беспристрастной системой контроля полученных знаний со стороны преподавателей; злоупотреблениями атлетов своим правом на свободное посещение занятий и т. д.

Перечисленные выше риски в будущем могут стать одной из причин потенциально неудовлетворительного перехода молодых спортсменов ко второй карьере, возникновением у них трудностей с применением тех знаний, которые удалось получить в учреждениях образования на начальном этапе своей карьеры, а также неспособностью самостоятельно сохранять и поддерживать свой образовательный потенциал путем постоянного самообразования и приобретения новых умений и навыков после выпуска из учреждения образования.

Посредством выбранного метода исследования – полуформализованного социологического интервью – было опрошено 16 спортсменов (см. таблицу). Дополнительно был получен экспертный комментарий Дмитрия Александровича Довгаленка – чемпиона Олимпийских игр 1992 г. и чемпионата мира 1994 г., а ныне – начальника отдела по развитию олимпийского движения в Национальном олимпийском комитете Республики Беларусь, главы постоянной комиссии НОК Беларуси по делам спортсменов.

Список спортсменов, принимавших участие в исследовании

Athletes who participated in the study

№	Имя спортсмена	Вид спорта	Год окончания карьеры	Наиболее значимое спортивное достижение
1	Надежда Попко	Гандбол	2013	Призер чемпионатов Беларуси
2	Олег Соломахин	Академическая гребля	2004	Победитель и призер этапов Кубка мира
3	Ирина Нафранович	Лыжные гонки, биатлон	2011	Победитель Всемирной универсиады
4	Сергей Шиманский	Тайский бокс	2008	Чемпион Европы, призер чемпионата мира
5	Марина Воробьева	Лыжные гонки	2009	Шестое место на чемпионате Европы
6	Владимир Чеча	Легкая атлетика	2006	Участник чемпионатов мира и Европы
7	Виталий Захаров	Фехтование	2009	Чемпион Европы, призер чемпионатов мира
8	Виталий Родионов	Футбол	2018	Многokратный победитель чемпионата Беларуси
9	Дмитрий Кузьмин	Баскетбол	2018	Чемпион Европы среди молодежных команд
10	Любовь Черкашина	Художественная гимнастика	2012	Бронзовый призер Олимпийских игр
11	Сергей Рутенко	Гандбол	2017	Шестикратный победитель Лиги чемпионов
12	Дмитрий Дашинский	Фристайл	2014	Двукратный призер Олимпийских игр
13	Глафира Мартинович	Художественная гимнастика	2008	Бронзовый призер Олимпийских игр
14	Александр Куль	Баскетбол	2011	Чемпион Европы среди молодежных команд
15	Петр Качуро	Футбол	2005	Трехкратный победитель чемпионата Беларуси
16	Сергей Штанюк	Футбол	2009	Чемпион Беларуси

Результаты и обсуждение

Исследование в целом включало в себя ряд задач, выполнение которых было необходимо для достижения общей цели полевого этапа исследования, однако в данной статье акцент будет сделан на тех, которые затрагивали именно вопрос получения атлетом образования параллельно занятиям спортом. Так, респондентам задавались вопросы о том, как происходил учебный процесс в школе (спортивной), училище олимпийского резерва, университете; пробовали ли они поступать в учреждение высшего образования сразу после школы; что мешает совмещать занятия спортом и получение образования; выступали ли за команду университета; сталкивались ли с привилегированным отношением со стороны преподавателей. Рассмотрение ответов на вопросы, составленные на основе данных индикаторов, позволило осуществить диагностику ситуации, связанной с получением образования параллельно занятиям спортом.

Несмотря на то что изучение этапа школьного образования спортсменов не входило в первоначальный перечень задач исследования, некоторые из опрошенных спортсменов международного уровня прямо или опосредованно по ходу разговора упоминали об этом этапе своей жизни. Два приведенных ниже высказывания атлетов указывают

на то, как построен образовательный процесс в таких школах и какие риски он несет для дальнейшей жизни спортсмена.

Я осталась в спортивной школе, карьера шла в рост, и все получалось. И я не пожалела. Хотя, пройдя определенный этап жизни, могу сказать, что, наверное, многое потеряла. В плане учебы, каких-то других моментов. Ведь школа – это этапы взросления, которые человек должен пройти. А у нас – тех, кто был в спорте, – оно мимо пролетело (Глафира Мартинович, художественная гимнастика).

У нас с образованием всегда было проблематично. Вся наша система базируется на том, что спортсмену не то что не нужно образование, что оно вторично. На мой взгляд, это неправильно, я бы отдавал одинаковое предпочтение. Но расписание в спортивной школе было составлено так, что главными были тренировки. Я в десятом классе на химии в третьей четверти был только на двух уроках. И все пропуски были у меня по уважительной причине. Я выступал тогда уже за несколько селекций, плюс за клуб, и я физически не мог попасть на урок (Сергей Рутенко, гандбол).

Эти свидетельства говорят о том, что даже на этапе школьного образования юный спортсмен начи-

нает отдаляться от учебы, которая отодвигается на второй план, замещает образовательную деятельность спортивной. Как следствие, происходит падение уровня необходимых, базовых знаний, без полноценного усвоения которых дальнейшее успешное изучение школьной программы представляется затруднительным; становится ограниченным круг общения, которое происходит преимущественно только с товарищами по секции – такими же юными спортсменами; закладывается фундамент для дальнейшего выстраивания пагубных отношений взаимодействия по линии *спортсмен – образование*, основанных на постоянных послаблениях в учебе и выдаче не всегда необходимых освобождений от нее.

В полной мере продолжение подобной линии прослеживается на этапе получения среднего специального образования – в училище олимпийского резерва. Единственное отличие от предыдущей ступени заключается в большем упоре на спортивную и тренировочную составляющие учебной программы.

Опыт получения образования и совмещения его со спортом было только в РУОР¹, но это был просто первый курс института, растянутый на два года. В условиях, когда ты учишься с теми же учителями, с которыми школу закончил. Да, там образование нам давали, но оно было «лайтовое». Без напрягов, не надо было сумасшедших работ писать – там был упор на спорт (Александр Куль, баскетбол).

Я понимала, что там придется учиться, за меня никто учиться не будет. Если в РУОРе ха-ха, хи-хи, потому что спорт, то тут никому не интересно, что ты спортсменка. Тут совсем другое (Глафира Мартинович, художественная гимнастика (про учебу в Белорусском государственном медицинском университете)).

Я отучился в РУОР – это последние 3 класса школы и потом два курса училища. Скажу честно, это больше делалось для того, чтобы было больше времени для тренировок. Там более-менее свободный график, и он подогнан под возможность тренироваться два раза в день: учеба днем, тренировки утром и вечером. И как раз в это время самое развитие спортсмена идет. Я и сам в тот период прогрессировал сильно, и надо было чем-то жертвовать в тот период. Даже не задумывался тогда (Дмитрий Дашинский, фристайл).

На практике у тебя просто круглый год освобождение от учебы. Постоянно сборы, приходишь летом – сдаешь зимнюю сессию. Зимой – летнюю.

И так учились. Ходишь, сдаешь потихоньку. Преподаватели не особо требовательные были. Много зависело от предметов. Но в основном как: говорят, отсюда досюда расскажешь – и все, тройку получишь (Владимир Чеча, легкая атлетика).

Наибольший исследовательский интерес представлял следующий этап жизни спортсменов – получение ими высшего образования. Необходимо сразу отметить, что трое атлетов из числа опрошенных по разным причинам (в основном спортивным) либо не обучались, либо так и не смогли окончить УВО. Также некоторые из опрошенных отклонились от жизненного пути, преваляющего в основной массе спортсменов, и, наоборот, получили два высших образования, из которых как минимум одно было не по тренерской специальности. Однако если брать за константу наиболее распространенный сценарий получения образования молодыми спортсменами, то он заключается в следующем: после окончания училища олимпийского резерва атлеты поступают на второй курс университета по профильной специальности и продолжают там обучение заочно.

Данная форма получения образования уже на протяжении многих лет вызывает сомнения в своей эффективности², однако в случае со студентами-спортсменами можно говорить о том, что ее недостатки проявляются едва ли не в наибольшей степени. Априорное нахождение образовательного процесса на втором месте относительно тренировочной и спортивной деятельности, свободное посещение учебных занятий, часто чрезмерно лояльное отношение со стороны преподавателей – все это существенно снижает реальную ценность получаемого диплома о высшем образовании, не дает выпускникам осознания необходимости постоянного самообразования и поддержания актуального уровня знаний по своей (как правило, тренерской) специальности, а также не готовит к той реальности, с которой молодым атлетам придется столкнуться после завершения спортивной карьеры. Проиллюстрировать данные выводы могут некоторые высказывания респондентов:

Я учился заочно, и нам шли навстречу преподаватели – это понятно. Сессии нам смещали, всячески помогали. Но это потому, что мы были загружены сборами, соревнованиями. Сложно качественно совмещать получение образования и занятия спортом (Виталий Захаров, фехтование).

Когда речь шла о спортсменах высокого уровня, преподаватели все понимали. Где-то и много побла-

¹Республиканское училище олимпийского резерва.

²Дубаневич А. В Беларуси могут реформировать систему заочного обучения [Электронный ресурс] // СБ. Беларусь сегодня. 2015. URL: <https://www.sb.by/articles/v-belarusi-mogut-reformirovat-sistemu-zaochnogo-obucheniya.html> (дата обращения: 16.09.2019).

жек было, а такие предметы, которые для набора часов, просто так ставили. Кто-то требовал, но давали (учить. – И. М.) определенную тему, и все нормально было (Дмитрий Дашинский, фристайл).

В БГУФК они молодцы, потому что понимают уровень спортсмена и всегда идут навстречу. Мне шли навстречу везде, потому что я физически не могла сдавать резко понадобятся практику или еще что (Любовь Черкашина, художественная гимнастика).

Заочное обучение, оно, как и у всех, от сессии до сессии, а она 20 дней. Вопрос только в том, чтобы успевать сдавать. Другое дело, что иногда сессия попадала на время сборов, и там не получалось посещать университет. Приходилось наверстывать. Но преподаватели понимали. Привилегированное отношение со стороны преподавателей? Не повсеместно, но встречалось. Когда узнавали, чем занимаешься, и характер деятельности... это влияло (Виталий Родионов, футбол).

Поблажки были хорошие, в зависимости от выступлений. Мы выступали за университет, места всегда приносили, поэтому нас могли позвать, сказать: ты, ты и ты, зачетки положили, молодцы, спасибо (Надежда Попко, гандбол).

Ознакомившись с приведенной выше диагностической ситуацией, связанной с получением образования параллельно занятиям спортом, можно было бы возразить, что участвующие в исследовании респонденты ретранслируют свой личный образовательный опыт, полученный много лет назад, и потому уже неактуальный. Подобное замечание, которое на первый взгляд выглядит не лишним под собой оснований, сталкивается с рядом контраргументов.

Так, полученный от эксперта Дмитрия Довгаленка комментарий указывает, что та ситуация, о которой рассказывали в интервью спортсмены, продолжает сохраняться и самовоспроизводиться. Отмечая не столько неудовлетворительное качество образования, сколько сформировавшуюся систему поступления в университет и учебный процесс в нем, сотрудник НОК говорит о порочной практике предоставления льгот в спортивной сфере, действующих именно на этом этапе:

За счет льгот освобождено очень большое количество людей: от вступительных экзаменов, от сдачи нормативов, от посещения занятий. <...> Начиная со школьной скамьи, далее в РУОР, для спортсмена делается другая, послабляющая программа, плюс он начинает участвовать в соревнованиях и пропускает определенное количество занятий. Потом преподаватель пытается помочь ему нагнать, но если он уже пропустил и не получил какие-то определенные знания, то это не имеет смысла.

Предлагая возможный способ решения данной проблемы, Д. Довгаленок говорит о возможном рассмотрении отмены льгот на поступление и введении полностью платного высшего образования для молодых спортсменов за счет каких-либо субсидий, кредитов или собственных средств. В противном случае, считает сотрудник НОК, отношение к образованию среди спортсменов останется неизменным, как и его итоговый уровень.

Приняв данное предложение за одну из составляющих возможного плана решения проблемы, обратимся к высказываниям других респондентов, которые могли бы его дополнить. В этой связи ценным является рассказ А. Куля о его личном опыте обучения в Вашингтонском университете по спортивной стипендии и о том, как в США (еще в 1994 г.) подошли к решению проблемы совмещения спортивной и образовательной деятельности молодых спортсменов.

Начнем с того, что система образования в Штатах совершенно отличается от нашей. Там делается все для того, чтобы студенты-атлеты и учились, и показывали спортивный результат. <...>

Спортивная стипендия – это один из двух вариантов (кроме академической стипендии) получить образование в университете, если, конечно, родители не зарабатывают по 80 000 долл. в год. Процедура же поступления очень проста: нет никаких обоснований, критериев. Если тренер говорит руководству, что ты ему нужен – тебя берут. <...>

Однако эту стипендию нужно сохранить. Есть разные моменты, за которые могут лишиться стипендии: если у тебя есть нарушения, если ты не показываешь результат и если ты не дотягиваешь до определенного среднего балла успеваемости. Он должен быть у всех. И если будет меньше установленного порога, то не допускают к соревнованиям. А если не допускаешься к соревнованиям – лишаешься стипендии. Конечно, дается какое-то время, чтобы это исправить, но если нет, то стипендию забирают.

Привилегированного отношения со стороны преподавателей, как это принято у нас, не было однозначно. Там могли больше уделить внимания, помочь, объяснить, дать отсрочку на подготовку работы, но чтобы автоматом ставить – такого не было.

Данные высказывания, подкрепленные изученным автором опытом совмещения занятий спортом и получения образования в других странах [3–7], демонстрируют возможность создания такой системы на национальном уровне в нашей стране – несмотря на сохраняющуюся убежденность многих белорусских спортсменов (в том числе принимавших участие в данном исследовании) о невозможности такого совмещения получения образования и занятий спортом без ущерба для последнего.

Заключение

Указав на барьеры, препятствующие реализации образовательного потенциала спортсменов-учащихся и подкрепив их полученными личными свидетельствами участников исследования – закончивших карьеру атлетов международного уровня, для понимания масштаба описанной проблемы и степени ее актуальности следует определить, какое количество спортсменов она может затронуть. Исходя из информации Министерства спорта и туризма Республики Беларусь, полученной в ответ на электронное обращение, по состоянию на 1 января 2019 г. в стране функционировало 458 специализированных учебно-спортивных учреждений – некоммерческих организаций, целью деятельности которых является подготовка спортивного резерва и (или) спортсменов высокого класса. Спортивную подготовку в данных учреждениях проходило 164 934 учащихся. Даже без учета более долгосрочной перспективы, в которой часть из них столкнется с необходимостью перехода ко второй карьере (речь идет, как правило, о 5–10 % из числа спортсменов детского и юношеского возраста, которым

удастся успешно перейти на «взрослый» уровень), уже в обозримом будущем оставшиеся десятки тысяч юных атлетов будут вынуждены выйти на рынок труда или высшего образования, имея существенные пробелы в школьном и (или) среднем специальном образовании. Эти пробелы напрямую повлияют на возможность поступления в УВО и получение высшего образования, на будущее трудоустройство, а также на возможность следования концепции *life-long learning education*³, без овладения и осознания необходимости которой возможность индивида функционально существовать в современном постоянно трансформирующемся обществе является существенно ограниченной. Именно в связи с этим в Стратегии развития государственной молодежной политики Республики Беларусь на 2020–2030 гг. необходимо если не отразить, то обозначить пути создания такой системы, которая уравнивала бы образовательный и спортивный компоненты подготовки молодых атлетов, позволив им в будущем стать полноценно функционирующими членами белорусского общества.

Библиографические ссылки

1. Макарова МН. Реализация основных типов воспроизводства образовательного потенциала в современном обществе. *Вестник Удмуртского университета. Серия: Социология и философия*. 2006;3:56–67.
2. Черняк ЮГ, Миронцов ИВ. Образовательный потенциал студенческой молодежи: социологический аспект. *Философия и социальные науки* [Интернет]. 2015 [цитировано 16 сентября 2019 г.];4:30–32. Доступно по: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/134688>.
3. Baillie PHF, Danish SJ. Understanding the career transition of athletes. *The Sport Psychologist*. 1992;6(1):77–98. DOI: 10.1123/tsp.6.1.77.
4. Petitpas A, Brewer B, Van Raalte J. Transitions of the student-athlete: theoretical, empirical, and practical perspectives. In: Etzel Edward F, editor. *Counseling and psychological services for college student-athletes*. Morgantown: Fitness Information Technology; 2009. p. 283–302.
5. Bruner MW, Munroe-Chandler KJ, Spink KS. Entry into elite sport: a preliminary investigation into the transition experiences of rookie athletes. *Journal of Applied Sport Psychology*. 2008;20(2):236–252. DOI: 10.1080/10413200701867745.
6. Côté J, Baker J, Abernethy B. Practice and play in the development of sport expertise. In: Tenenbaum G, Eklund RS, editors. *Handbook of Sport Psychology. Third edition*. [S. l.]: John Wiley and Sons; 2012. p. 184–202. DOI: 10.1002/9781118270011.ch8.
7. Ильина НЛ. Трудности реализации спортсменами двойной карьеры на этапе обучения в вузе. *Ученые записки университета имени П. Ф. Лесгафта*. 2017;11:325–330.

References

1. Makarova MN. Realization of the basic types of reproduction of educational potential in a modern society. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Sotsiologiya i filosofiya*. 2006;3:56–67. Russian.
2. Chernyak YG, Mironov IV. The educational potential of students: sociological aspect. *Filosofiya i sotsial'nye nauki* [Internet]. 2015 [cited 2019 September 16];4:30–32. Available from: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/134688>. Russian.
3. Baillie PHF, Danish SJ. Understanding the career transition of athletes. *The Sport Psychologist*. 1992;6(1):77–98. DOI: 10.1123/tsp.6.1.77.
4. Petitpas A, Brewer B, Van Raalte J. Transitions of the student-athlete: theoretical, empirical, and practical perspectives. In: Etzel Edward F, editor. *Counseling and psychological services for college student-athletes*. Morgantown: Fitness Information Technology; 2009. p. 283–302.
5. Bruner MW, Munroe-Chandler KJ, Spink KS. Entry into elite sport: a preliminary investigation into the transition experiences of rookie athletes. *Journal of Applied Sport Psychology*. 2008;20(2):236–252. DOI: 10.1080/10413200701867745.
6. Côté J, Baker J, Abernethy B. Practice and play in the development of sport expertise. In: Tenenbaum G, Eklund RS, editors. *Handbook of Sport Psychology. Third edition*. [S. l.]: John Wiley and Sons; 2012. p. 184–202. DOI: 10.1002/9781118270011.ch8.
7. Ilina NL. Difficulties of realization of double careers at the stage of training in the university. *Uchenye zapiski universiteta imeni P. F. Lesgafta*. [Internet]. 2017;11:325–330. Russian.

Статья поступила в редколлегию 23.09.2019.
Received by editorial board 23.09.2019.

³Кашулинский М. Век учись. Что такое life-long learning // [Электронный ресурс] Republic. 2016. URL: <https://republic.ru/posts/73568> (дата обращения: 16.09.2019).

ЮБИЛЕИ

JUBILEES

— — — — —

**Давид Генрихович
РОТМАН**

**David Genrikhovich
ROTMAN**

— — — — —

12 ноября 2019 г. отметил свой юбилей известный белорусский социолог Давид Генрихович Ротман – доктор социологических наук, профессор, директор Центра социологических и политических исследований Белорусского государственного университета. Д. Г. Ротман – выпускник философского отделения исторического факультета Белорусского государственного университета, кандидат философских наук (1982), доктор социологических наук (1992).

Давид Генрихович – социолог по призванию, социология – его образ жизни. Когда он пришел в науку, за плечами у него уже был немалый жизненный опыт: работа на фабрике, срочная служба в рядах Советской армии, философское отделение Белорусского государственного университета. Корифей белорусской социологии профессор Г. П. Давидок пригласил целеустремленного, любознательного выпускника, уже проявившего себя на производстве, в сектор прикладной социологии при кафедре философии гуманитарных факультетов БГУ, которую возглавлял в то время. С тех пор прошло почти 50 лет, и сегодня имя профессора

Д. Г. Ротмана – в ряду имен ведущих отечественных социологов.

Давид Генрихович – талантливый организатор, в совершенстве владеющий методологией социологического исследования, тонко чувствующий проблемное поле своей науки, великолепный социальный технолог. Он был среди первых, кто работал во Всесоюзной программе «Общественное мнение», созданной Госкомитетом по народному образованию СССР, в крупных международных проектах, электоральных исследованиях. Он создал Центр социологических и политических исследований БГУ, который в настоящее время известен во всем мире, имел непосредственное отношение к открытию социологического отделения и кафедры социологии БГУ, возглавлял кафедру.

Как человек творческий, Давид Генрихович постоянно в поиске. Не счесть, сколько он придумал своих фирменных «небольших» секретов, которые позволяют оперативно и точно прогнозировать и упреждать. А еще он любит «поколдовать» с методиками, поразмышлять над цифрами. На его счету – разработка концепции оперативных социоло-

гических исследований, новых методологических подходов к организации и проведению электоральных социологических исследований информационного поля.

Отличает социолога Д. Г. Ротмана его неуспокоенность, постоянный поиск нового, желание «во всем дойти до самой сути», высочайший профессионализм и обязательность. Он – участник многих крупнейших международных проектов, входит в состав международных научных организаций и творческих коллективов. Давид Генрихович – человек постоянный: всю жизнь живет в одном городе, работает в одном университете; даже когда было очень трудно, ему и в голову не приходила мысль поменять работу. Верен в дружбе и порядочен в отношениях с коллегами.

Профессор Д. Г. Ротман заслуженно пользуется большим авторитетом, является неформальным лидером белорусского социологического сообще-

ства. Под его крылом проходят практику будущие социологи, с его благословения «зажигаются» новые социологические «звезды», объединяются ученые из региональных университетов и академических институтов.

Среди его друзей – люди разных специальностей, возраста и социального статуса, политических взглядов, художественных и иных вкусов. Он прекрасно разбирается в классической музыке, театре и культуре. Это не только профессиональное – это состояние души, понимание мира как высшей ценности на Земле и ощущение полноты человеческой жизни.

Поздравляем, дорогой друг, с юбилеем! Крепкого Вам здоровья, долгих лет жизни, наполненных новыми делами и свершениями!

С юбилеем чествуют вас коллеги, друзья, ученики всего социологического мира!

А. Н. Данилов

Сергей Анатольевич ПОВАЛЯЕВ

Sergei Anatol'evich
POVALYAEV

Сергей Анатольевич не любит, когда его называют на «вы». Иногда мне кажется, что он всегда остается в своей студенческой юности. Погрузившись однажды в это удивительное, беззаботное, творческое состояние, так и пребывает в нем уже не одно десятилетие, даря всем нам – его друзьям и коллегам, просто товарищам, – необыкновенную радость человеческого общения. Сергей – уникальный человек, и возраст здесь ни при чем, и опыт здесь ничего не меняет... Его доброжелательность, сердечность, стремление прийти на помощь, остаться рядом, когда трудно, – это Сергей Анатольевич По-

валяев. Все же он больше поэт, а уже потом талантливый исследователь и прекрасный организатор.

28 ноября Сергей Анатольевич отпраздновал свое 75-летие... Сегодня в шутку ему можно сказать – повзрослевший поэт. Хотя и это сравнение не точно. Разве может поэт повзрослеть – он всегда молод, тем более когда его стихи о любви...

С. А. Поваляев родился в г. Гродно. В 1949 г. его семья переехала в Минск. В 1962 г. он поступил в Минский институт иностранных языков, проходил срочную военную службу (1963–1966) и в 1971 г. успешно завершил обучение на вечернем

отделении английского языка. С 1966 г. С. А. Поваляев работал в Институте научно-технической информации при Госплане БССР, где стоял у истоков создания и широкого внедрения информатики в республике, вырос от младшего научного сотрудника до заведующего сектором. В 1974 г. С. А. Поваляев перешел на работу в БГУ на должность начальника отдела научной информации. В 1983 г. успешно защитил кандидатскую диссертацию по теме «Развитие информационных потребностей специалистов вузов». Тема была сверхактуальна. Уже тогда думали о цифровизации, и Сергей Анатольевич оказался на переднем крае науки.

Во второй половине XX в. социология активно перевооружается, начинает использовать возможности новых информационных технологий. Вполне закономерно, что Сергей Анатольевич решает связать свою дальнейшую судьбу с этой новой и все более захватывающей творческую молодежь наукой. Он переходит на работу в Проблемную научно-исследовательскую лабораторию социологических исследований БГУ (1984–1988), внедряет новые методы обработки эмпирической информации на ЭВМ и навсегда связывает свою жизнь с этой наукой. Его первая монография «Информационное обеспечение социального прогресса» (1987) долго оставалась единственной по данной тематике и во многом опередила свое время.

С. А. Поваляев – человек по духу университетский, творческий – сумел сделать успешную чиновничью карьеру. Хотя и время было под стать – перестройка, гласность, новые грезы и мечтания. Он был главным социологом Министерства образования БССР (1988–1991), начальником отдела печати, радио и телевидения Совета министров БССР,

первым заместителем председателя Гостелерадио Республики Беларусь (1992–1995). Где бы Сергей Анатольевич не служил – он всегда оставался творцом, аналитиком, социологом. Его творческий потенциал просто неисчерпаем. В 1996 г. С. А. Поваляев возвращается в БГУ помощником ректора, доцентом.

Сергей Анатольевич Поваляев – личность необыкновенно обаятельная и притягивающая к себе талантливых и креативных людей. Его широкий кругозор, поэтический талант и просто детский интерес ко всему новому делают общение с ним увлекательным для любой аудитории. По жизни ему дано творить, и без этого он уже не может... А еще он прекрасный собеседник, умеет слушать других, надежный товарищ, у которого слово никогда не расходится с делом.

С. А. Поваляев никогда не боялся нового. Он автор многих монографий и учебников, которые востребованы. Мы очень благодарны Сергею Анатольевичу как первому ответственному секретарю (1997–2000) нашего журнала, в создании и продвижении которого он принял самое активное участие и существенно помог в организации его работы. Сегодня вспоминается, как мы дискутировали с художниками и дизайнерами в поисках лучшего варианта оформления нашего журнала, занимались его регистрацией, готовили первый номер... Это не забывается.

Поздравляем, дорогой Сергей Анатольевич, с юбилеем! Здоровья Вам, счастья и благополучия, оставайтесь и далее таким же молодым и влюбленным в жизнь человеком!..

*А. Н. Данилов*¹

¹Александр Николаевич Данилов – член-корреспондент НАН Беларуси, доктор социологических наук, профессор; заведующий кафедрой социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета.

Alexander N. Danilov, corresponding member of the National Academy of Sciences of Belarus, doctor of science (sociology), full professor; head of the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences, Belarusian State University.

E-mail: a.danilov@tut.by

**ДИССЕРТАЦИИ ПО СОЦИОЛОГИИ,
УТВЕРЖДЕННЫЕ ВАК РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В 2019 г.**

**DISSERTATIONS ON SOCIOLOGY,
VALIDATED BY THE HAC OF THE REPUBLIC OF BELARUS IN 2019**

Аббаси Париса Шабанали. «Насилие в отношении женщин в современной иранской семье (социологический анализ)» (специальность 22.00.04 – социальная структура, социальные институты и процессы), Минск, Институт социологии Национальной академии наук Беларуси. Научный руководитель – Н. А. Барановский, доктор социологических наук, доцент; главный научный сотрудник Института социологии Национальной академии наук Беларуси.

Аветян Наринэ Сумбатовна. «Социальная и культурная адаптация и интеграция армянской диаспоры в белорусское общество: социологический анализ» (специальность 22.00.04 – социальная структура, социальные институты и процессы), Минск, Институт социологии Национальной академии наук Беларуси. Научный руководитель – Р. А. Смирнова, доктор философских наук, доцент; главный научный сотрудник Института экономики Национальной академии наук Беларуси.

Белов Андрей Александрович. «Ценностные и структурные детерминанты рождаемости: социолого-статистический подход» (специальность 22.00.01 – теория, методология и история социологии), Минск, Белорусский государственный университет. Научный руководитель – А. Н. Данилов, член-корреспондент Национальной академии наук Беларуси, доктор социологических наук, профессор; заведующий кафедрой социологии Белорусского государственного университета.

Блохин Виктор Николаевич. «Социально-экономические изменения в сельских сообществах белорусско-российского приграничья: социологический анализ» (специальность 22.00.08 – социология управления), Смоленский государственный университет. Научный руководитель – А. Г. Егоров, доктор философских наук, профессор; заведующий кафедрой социологии, философии и работы с молодежью Смоленского государственного университета.

Гринкевич Ольга Валерьевна. «Общество будущего в представлении студентов Республики Беларусь: социологический анализ» (специальность 22.00.01 – теория, методология и история социологии), Минск, Белорусский государственный университет. Научный руководитель – А. Н. Данилов, член-корреспондент Национальной академии наук Беларуси, доктор социологических наук, заведующий кафедрой социологии Белорусского государственного университета.

Пилипенко Елена Валерьевна. «Социальная профилактика потребления спиртных напитков среди обучающейся молодежи» (специальность 22.00.04 – социальная структура, социальные институты и процессы), Минск, Институт социологии Национальной академии наук Беларуси. Научный руководитель – Н. А. Барановский, доктор социологических наук, доцент; главный научный сотрудник Института социологии Национальной академии наук Беларуси.

Сульжицкий Илья Станиславович. «Исследовательская программа Э. Дюркгейма в социологическом изучении коллективной памяти» (специальность 22.00.01 – теория, методология и история социологии), Минск, Белорусский государственный университет. Научный руководитель – А. Н. Данилов, член-корреспондент Национальной академии наук Беларуси, доктор социологических наук, заведующий кафедрой социологии Белорусского государственного университета.

Федосова Юлия Анатольевна. «Управление качеством в учреждениях высшего образования Республики Беларусь: социологический аспект» (специальность 22.00.08 – социология управления), Минск, Академия управления при Президенте Республики Беларусь. Научный руководитель – С. В. Лапина, доктор социологических наук, профессор; заведующий кафедрой государственного управления социальной сферой и белорусоведения Академии управления при Президенте Республики Беларусь.

СОДЕРЖАНИЕ

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

<i>Данилов А. Н.</i> Институту социологии НАН Беларуси – детищу академика Е. М. Бабосова – 30 лет!	4
<i>Данилов А. Н.</i> Академическая институционализация социологической науки в Беларуси	5

ЗНАТЬ, ЧТОБЫ ПРЕДВИДЕТЬ...

<i>Иванов Д. В.</i> Постглобализация и перспективы социального развития	14
<i>Мацевич-Духан И. Я.</i> О границах креативности в современном обществе	21
<i>Коркия Э. Д.</i> Культурное одиночество как атрибут современной цивилизационной системы.....	35
<i>Щербин В. К.</i> Меметика как новая междисциплинарная наука и направление социальной семиотики	40

СТАТЬИ И ДОКЛАДЫ

<i>Шавель С. А.</i> <i>Gens una sumus</i> – мы все одна семья: социологический анализ этногенеза белорусов.....	48
<i>Голубев С. Г., Сузак В. К.</i> Система общественного доверия как инструмент управления цифровым обществом: китайский опыт.....	62
<i>Баньковская Ю. Л.</i> Сущность и специфика социокоммуникативного взаимодействия субъектов в условиях развития сетевых структур	75
<i>Павлова Е. Г.</i> Феномен современного материнства как нравственная ценность: социологический аспект	80

КУРС ПО ВЫБОРУ

<i>Можейко М. А.</i> Наука страсти нежной: попытки концептуализации любви в овидианской традиции Средневековья.....	86
---	----

С РАБОЧЕГО СТОЛА СОЦИОЛОГА

<i>Пинчук И. В., Дербин А. П.</i> Эффективность вертикальных механизмов социальной регуляции в контексте ценностей и установок молодого поколения.....	98
<i>Березецкая М. И.</i> Особенности современного родительского поведения в условиях информационного общества	105
<i>Поликарпов В. А., Михайлович К. С., Личко М. Г.</i> Сексуальная активность поколения Z	113
<i>Миронцов И. В.</i> Образовательный потенциал спортсменов-учащихся и их риски при переходе ко второй карьере.....	122

ЮБИЛЕИ

Давид Генрихович Ротман	128
Сергей Анатольевич Поваляев.....	129
Диссертации по социологии, утвержденные в ак республике Беларусь в 2019 г.	131

CONTENTS

EDITORIAL-IN-CHIEF COLUMN

<i>Danilov A. N.</i> Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, the brainchild of academician E. M. Babosov, is 30 years old!.....	4
<i>Danilov A. N.</i> The academic institutionalization of sociological science in Belarus	5

TO KNOW SO THAT TO FORESEE...

<i>Ivanov D. V.</i> Post-globalization and prospects of social development.....	14
<i>Matsevich-Dukhan I. Ja.</i> On creativity limits in contemporary society.....	21
<i>Korkiya E. D.</i> Cultural loneliness as attribute of a modern civilization system.....	35
<i>Shcherbin V. K.</i> Memetics as the new interdisciplinary science and the branch of social semiotics.....	40

ARTICLES AND REPORTS

<i>Shavel S. A.</i> <i>Gens una sumus</i> – we all are a one whole family: a sociological analysis of ethnogenesis of Belarusians	48
<i>Golubev S. G., Sugak V. K.</i> Chinese social credit system as the tool of governance in the digital era.....	62
<i>Bankouskaya Y. L.</i> The essence and specificity of subjects socio-communicative interaction in the context of network structures development.....	75
<i>Paulava K. H.</i> The phenomena of modern motherhood as a moral value: sociological aspect.....	80

OPTION COURSE

<i>Mojeiko M. A.</i> The science of tender passion: attempts to conceptualize love in the Ovidian tradition of the Middle Ages	86
--	----

FROM THE WORKING TABLE OF A SOCIOLOGIST

<i>Pinchuk I. V., Derbin A. P.</i> Efficiency of vertical mechanisms of social regulation in the context of values and settings of young generation	98
<i>Berezetskaya M. I.</i> Modern parenting in the digital world.....	105
<i>Polikarpov V. A., Mikhailovich K. S., Lichko M. H.</i> Generation Z sexual activity.....	113
<i>Mirontsov I. V.</i> The educational potential of student athletes and their risks in the transition to a second career.....	122

JUBILEES

David Genrikhovich Rotman.....	128
Sergei Anatol'evich Povalyaev	129
Dissertations on sociology, validated by the HAC of the Republic of Belarus in 2019	131

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Республики Беларусь в Перечень научных изданий для опубликования результатов диссертационных исследований по социологическим, политическим и философским наукам.

Журнал включен в библиографическую базу данных научных публикаций «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

**Журнал Белорусского
государственного университета. Социология.
№ 4. 2019**

Учредитель:
Белорусский государственный университет

Юридический адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск.

Почтовый адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск.

Тел. (017) 259-70-74, 259-70-75.

E-mail: jsociol@bsu.by

URL: <https://journals.bsu.by/index.php/sociology>

«Журнал Белорусского государственного
университета. Социология» издается с сентября 1997 г.
До 2017 г. выходил под названием «Социология»
(ISSN 2071-0968).

Редакторы *В. А. Лейковская, С. Е. Богуш, А. С. Люкевич*
Технические редакторы *Т. А. Караневич,*
Ю. А. Тарайковская
Корректор *К. Б. Скакун*

Подписано в печать 24.12.2019.
Тираж 130 экз. Заказ 522.

Республиканское унитарное предприятие
«Информационно-вычислительный центр
Министерства финансов Республики Беларусь».
ЛП № 02330/89 от 03.03.2014.
Ул. Кальварийская, 17, 220004, г. Минск.

© БГУ, 2019

**Journal
of the Belarusian State University. Sociology.
No. 4. 2019**

Founder:
Belarusian State University

Registered address: 4 Niezaliežnasci Ave.,
Minsk 220030.

Correspondence address: 4 Niezaliežnasci Ave.,
Minsk 220030.

Tel. (017) 259-70-74, 259-70-75.

E-mail: jsociol@bsu.by

URL: <https://journals.bsu.by/index.php/sociology>

«Journal of the Belarusian State University. Sociology»
published since September 1997.
Until 2017 named «Sotsiologiya»
(ISSN 2071-0968).

Editors *V. A. Liaikouskaya, S. J. Bohush, A. S. Lyukevich*
Technical editors *T. A. Karanevich,*
Y. A. Taraikouskaya
Proofreader *K. B. Skakun*

Signed print 24.12.2019.
Edition 130 copies. Order number 522.

Republican Unitary Enterprise
«Informatsionno-vychislitel'nyi tsentr
Ministerstva finansov Respubliki Belarus'».
License for publishing No. 02330/89, 3 March, 2014.
17 Kal'varyjskaja Str., Minsk 220004.

© BSU, 2019